Олег Рой

ПОДАРОК АНГЕЛА

Manga

Подарок ангела

Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Рой. Подарок ангела
Глава 1,. из которой можно узнать кое-какие подробности из жизни ангелов-хранителей на Земле
Глава 2,. в которой Апрель встречается со старым приятелем
Глава 3,. в которой ангел Апрель находит ту, кого так давно искал
Глава 4,. в которой сбывается заветная мечта Насти
Глава 5,. в которой рассказывается о том, что случилось после «бенефиса»
Глава 6,. в которой Апрель пытается устроить судьбу Насти, а Озорнику приходит в голову неожиданная мысль
Глава 7,. в которой Настя и ее ангел-хранитель гуляют по ночной Москве
Глава 8,. в которой Настя идет шопинг и знакомится с известным художником, а Апрель узнаёт много нового о своем друге Озорнике и о Стирателе

Глава 9,. в которой рассказывается история Стирателя
Глава 10,. в которой бывшие возлюбленные встречаются на крыше Большого театра
Глава 11,. в которой Настя гостит у художника, а Апрель и Озорник безуспешно ищут выход из положения
Глава 12,. в которой Апрель прощается с Настей
Глава 13,. в которой вся история заканчивается самым неожиданным образом
Эпилог

Аннотация

В канун Нового года по украшенной гирляндами Москве бродит юноша, которого никто не замечает. Апрель – ангел, уже много лет блуждающий по Земле в поисках своего человека.

Настя – молодая девушка, которую из года в год преследуют неприятности. Она давно перестала верить в чудо и надеяться на лучшую жизнь.

Но в тот вечер их пути пересекаются – случайно, как кажется на первый взгляд.

Апрель чувствует: эта девушка – та, кого он искал все это время. Но чем ближе они становятся, тем сильнее рушатся границы между Небом и Землей, между долгом ангела и чувствами человека.

Пока в небесной канцелярии решают судьбы душ и готовят новых хранителей, Апрель пытается спасти Настю – от отчаяния, одиночества и самой себя. Ради нее он готов нарушить все правила, даже если придется пожертвовать собой.

«Подарок ангела» – история о чуде, о вере и

о любви, ради которой стоит рискнуть всем.

Олег Рой
Подарок ангела

Моему сыну Женечке посвящается.

© О. Рой, текст, 2025
© Издание на русском языке, оформление издательство «Мангата», ООО «Норгис-пресс», 2025

Глава 1, из которой можно узнать кое-какие подробности из жизни ангелов-хранителей на Земле

Если бы в тот синий, морозный, истинно предновогодний вечер кто-нибудь увидел молодого человека, неторопливо шагавшего по Ильинке, то счел бы, что он ничем не отличается от остальных прохожих. Ну разве что очень внимательный глаз мог бы обнаружить (и то пристально вглядевшись) одну небольшую странность.

В тот день, как, собственно, и должно быть в рождественские каникулы, выдался сильный снегопад. В густом сумраке над городом медленно и плавно кружились крупные белые хлопья, мягко ложились на обледенелые тротуары, застилали стекла автомобилей с усиленно работающими «дворниками», щедро осыпали одежду спешащих по своим предпраздничным делам прохожих. Но ни на длинном черном пальто молодого человека, ни на непокрытой голове не осело ни единой, даже самой маленькой снежинки. А во всем остальном — юноша как юноша. На вид

лет двадцати трех, максимум двадцати пяти. Не очень высокий, но стройный. Длинные светлые волосы закрывали поднятый воротник и то и дело падали на лицо, из-за чего ему приходилось отбрасывать их назад характерным движением головы. Одет он был со вкусом и, пожалуй, даже с некоторым шиком: под распахнутым пальто черная водолазка и темные стильные джинсы, на ногах черные сапоги с заостренными носами. На одной руке молодого человека была кожаная перчатка, другую перчатку он то ли снял, то ли забыл надеть, во всяком случае, так и держал в той же руке. Через левое плечо был перекинут ремешок небольшой коричневой сумки, висевшей у него на правом боку и имевшей несколько непривычную для подобных вещей форму — удлиненную, широкую вверху и слегка сужающуюся книзу, но, главное, не плоскую, как вышедшие из моды барсетки, а объемную, словно предназначенную для того, чтобы носить с собой одновременно полдюжины книг в мягкой обложке. Узкий ремешок украшала бляшка в виде чуть приплюснутой восьмерки — символа бесконечности.

Молодой человек шел не торопясь, вертел головой по сторонам и с восхищением разглядывал праздничную зимнюю Москву. Ему нравилось

все: и снегопад, и яркая подсветка улиц, и улыбающиеся румяные Деды Морозы и Снегурочки на рекламных плакатах, и украшенные мишурой и гирляндами разноцветных лампочек лотки с фейерверками и подарками, и, конечно же, елки, множество елок всех видов и размеров, встречавшиеся чуть ли не на каждом шагу, — от огромных пушистых елей из пластика, возвышающихся на площадях, до совсем крошечных, разноцветных, серебристых или золотых елочек в ярко освещенных витринах магазинов и окнах кафе и ресторанов. Но все-таки больше всего юношу интересовали люди. Ловя долетавшие до него обрывки разговоров, он вглядывался в лица прохожих и с удовольствием замечал на них в основном радостное выражение: праздничное веселье, предвкушение долгих каникул, приятные предновогодние хлопоты.

В последний вечер накануне Нового года в центре столицы было особенно оживленно. На парковках магазинов и ресторанов то и дело останавливались автомобили, из них выходили респектабельного вида мужчины и выпархивали яркие и беззаботные, как бабочки, женщины, одетые так нарядно и легко, словно на дворе был май. Прячась от снегопада, они спешили как

можно скорее попасть внутрь и торопливо проскальзывали в гостеприимно распахивающиеся перед ними стеклянные двери.

Вместе с потоком прохожих молодой человек миновал Хрустальный переулок и вскоре оказался около красивейшего старинного здания одного из самых знаменитых торговых домов России. Ярко светившиеся в морозном вечернем сумраке витрины ГУМа так и манили зайти внутрь, окунуться в тепло, уют и праздничную суету рождественского шопинга.

Ярмарка встретила его обилием аттракционов. Из зеленых ветвей, ощерившихся хвойными иголками, на гостя смотрели медведи, зайцы и обязательные для Нового года олени. Киоски с блинами и пирожками манили прохожих теплыми запахами. Молодой человек остановился около одной из красочно оформленных витрин, заглядевшись на небольшую искусственную елку, изысканно украшенную одинаковыми, бордовыми с золотом, шарами.

— А-а-а, зацени, какая прелесть! — прозвучал откуда-то сбоку от него звонкий девичий голосок.

Он оглянулся. Две юные девушки, обе в похожих куртках, только одна — в белой, а другая

— в темно-зеленой, тоже рассматривали киоск с сувенирами и любовались венчавшей елку маленькой фигуркой ангела.

— Глянь, какое у него личико, какие крылышки — обалдеть! Умираю, хочу такого же ангелочка! Обожаю ангелочков! Как думаешь, они продаются? — щебетала та, что в светлой куртке, она была повыше ростом.

— Понятия не имею! Пойдем посмотрим… Но вообще, не забывай, мы тебе за «ушами» пришли, — отвечала ее невысокая спутница. — А то я тебя знаю! Как начнешь залипать, хочу то, да хочу это, — так и забудешь обо всем на свете.

Девушки миновали каток, прошли до главного входа в ГУМ, шагнули через металлоискатель, а затем нырнули в вертящуюся дверь. Молодой человек следовал за ними. Он обогнал подружек и, обернувшись, заглянул им в лицо — сначала одной, потом другой, — но они не обратили на это поведение никакого внимания. Их уже околдовал волшебный мир яркого света, праздничной суматохи, сочных красок и изысканных ароматов.

Юноша неторопливо двинулся вдоль по линии, иногда замедляя шаг и оглядываясь вокруг. Но его внимание привлекали не названия фирм и марок, не по-новогоднему украшенные витрины

салонов и бутиков, и не ассортимент товаров. Он смотрел только на людей. Задумчивые карие глаза медленно и привычно скользили по лицам многочисленных оживленных покупателей. Продавцов в форменной одежде, ухитряющихся сохранять вежливость и внимательность, несмотря на усталость. Или строгих, коротко стриженных охранников, которые, расправив плечи и сложив руки за спиной, бдительно обозревали вверенное им пространство. Взгляд юноши останавливался на каждом новом лице, напряженно сосредоточивался на некоторое время и, словно разочаровавшись, следовал дальше в поисках очередного лица. И хотя поведение молодого человека можно было бы счесть несколько странным и даже, пожалуй, невежливым, тем не менее оно ни у кого не вызывало недовольства. Никто не настораживался, неприязненно не отворачивался, не бросал в ответ недоуменного или подозрительного взгляда. Даже постоянно находящимся начеку охранникам, казалось, не было никакого дела до того, что их так пристально рассматривают.

Только однажды безмолвный призыв юноши не остался незамеченным. Навстречу ему вскинулись другие глаза, ярко-голубые и чистые, точно

апрельское небо в солнечный день. Такой взгляд бывает только у маленьких детей — взор, еще не замутненный печалями, заботами и мыслями, которые надо скрывать от других. Взгляд человека, привыкшего радоваться миру.

Впрочем, в тот момент обладатель небесно-голубых глаз совсем не радовался. Наоборот, его румяное пухлощекое личико было печально, носик забавно наморщен, а губки надуты. Ясно было, что еще минута — и сидящий в прогулочной коляске малыш зайдется в отчаянном реве.

Догадаться о причине его переживаний было несложно — на мраморном полу рядом с коляской валялся забавный глазастый лягушонок, очевидно, только что выпавший из рук малыша. Ребенок тянулся к своей игрушке, но никак не мог ее достать, а его молодая рыжеволосая мама в изящной белоснежной шубке, красиво облегавшей ее стройную фигурку, не замечала этого. Стоя у витрины с косметикой, праздничная распродажа которой бойко шла в киоске посреди ярмарки, она выбирала помаду, проводила пробниками на кисти руки и была так увлечена своим занятием, что не замечала ничего вокруг.

Молодой человек подошел к малышу, присел на корточки и потрепал его по выбившимся из-

под съехавшей набок шапочки волосам.

— Совсем тебя бросили, да? Не грусти, сейчас я помогу твоему горю.

Поднявшись, он сделал шаг к молодой женщине, встал у нее за спиной, положил ей руку на плечо и что-то негромко сказал на ухо. Но, как ни удивительно, мама малыша совсем не оскорбилась такой фамильярности, словно ее и не заметила. Во всяком случае, она возмущенно не вскрикнула и ничего не сказала молодому человеку, даже не посмотрела на него, а лишь слегка вздрогнула, быстро взглянула на своего ребенка и вернула помаду продавцу.

— Нет, благодарю вас, эта тоже не подходит!

Наклонилась к коляске, она подняла игрушку, отдала ее малышу, поправила ему шапочку и нежно погладила сына по голове.

— Ну вот твой Квакуша и вернулся! А ты, бедный, совсем загрустил, пока я тут помадку выбирала… Знаешь что, пойдем-ка мы с тобой лучше посмотрим елочные игрушки!

Малыш весь засветился от радости и поглядел через ее плечо на молодого человека. Тот улыбнулся, помахал ему рукой, ребенок в ответ тоже замахал ладошкой. Молодая мама обернулась, проследив направление взгляда сынишки, по-

смотрела в ту сторону, где стоял молодой человек, и перевела удивленные глаза на малыша.

— Проша, а кому это ты машешь? Там же никого нет!

Ребенок только улыбнулся — он был еще слишком мал, чтобы ей ответить.

Женщина взялась за ручку коляски и покатила ее в центр линии — туда, где между колоннами красовалась нарядная елка, а вокруг продавались новогодние украшения. Другой рукой она держала смартфон, через который, похоже, сверялась с картой. Молодой человек направился следом за ними, но не стал останавливаться у витрин и стендов, а двинулся дальше.

До закрытия магазина оставалось чуть меньше двух часов, но покупатели продолжали прибывать. Казалось, их становится все больше с каждой минутой. Рядом с лестницами образовалась уже настоящая толпа, люди сновали туда-сюда, проходили иногда очень близко к юноше, почти задевая его, но почему-то никому и в голову не пришло обойти его или посторониться. Навстречу ему шли давнишние подружки, спорящие, будет ли в следующем сезоне опять моден розовый цвет. Та, что повыше, утверждала, что будет, потому что об этом пишут все модные

паблики; другая горячо возражала, что «розовый — это полный отстой», и сделала в подтверждение своих слов столь энергичный жест, что чуть не заехала молодому человеку по лицу, но не извинилась и даже не придала этому никакого значения, точно не увидела его. Впрочем, все эти досадные недоразумения, казалось, совершенно его не смущали.

Молодой человек прошел всю линию до конца и вышел с другой стороны магазина, на Никольскую улицу. Свернул налево, обогнул угол Казанского собора, бросил взгляд на главные часы страны — куранты на Спасской башне, которым чуть больше чем через сутки предстояло в очередной раз оповестить Россию о наступлении Нового года — и вскоре оказался у входа в Исторический музей. В это время года, когда остроконечные шатры башен и башенок, кирпичное кружево, украшающее окна и стены, были припорошены пушистым снегом, здание, освещенное со всех сторон яркими огнями, выглядело особенно красиво.

Музей был давно закрыт, но молодого человека это не остановило. Он вошел внутрь и, миновав вестибюль, стал подниматься по лестнице, с этажа на этаж, следуя на самый верх, туда, где

уже заканчивалась экспозиция и начинались служебные помещения. На пути ему иногда попадались работники музея (в основном охрана), и юноша почти машинально продолжал их рассматривать, но и тут, как ни странно, никто на это не реагировал. Никто не только не остановил вежливым «Вы кого-нибудь ищете?» или решительным «Извините, посторонним сюда нельзя!», но даже не удостоил его ответным взглядом.

В конце концов молодой человек достиг цели своего пути. Он оказался на самом верху одной из башен, правой, если смотреть от Красной площади. И здесь его взору предстала удивительная картина.

Просторное круглое помещение, внутри намного более обширное, чем это можно было бы предположить, глядя с улицы, битком набито людьми, и при этом людьми настолько разными, до такой степени непохожими друг на друга, что на первый взгляд просто фантазии не хватало объяснить, какая такая загадочная надобность вдруг свела их здесь вместе.

Тут были мужчины и женщины самой разной внешности, возраста и комплекции. Юные и пожилые, высокие и низкие, худощавые и плотно сбитые, длинноволосые и коротко стриженные,

блондины, брюнеты, шатены, рыжие и лысые, с европейскими, азиатскими и негроидными чертами. Одежда на них поражала разнообразием стилей, сезонов и эпох: элегантные дорогие наряды престижных марок соседствовали с линялыми лохмотьями; всесезонные джинсы и кроссовки — с яркими индийскими сари, полосатыми узбекскими халатами и даже набедренными повязками; легкомысленные пляжные шорты — со строгими деловыми костюмами; шубы, меховые шапки и унты — с легкими и яркими летними сарафанами, а ультрамодные модели из последних коллекций — с винтажной одеждой в стиле семидесятых, пятидесятых и даже двадцатых годов минувшего столетия. Казалось, какая-то огромная киностудия объявила кастинг на несколько фильмов сразу, и актеры, уже одетые и загримированные каждый для своей картины, в ожидании томятся в очереди.

Разношерстная толпа действительно напоминала очередь. Кто-то сидел на кожаных диванах, кто-то прислонялся к стене, кто-то стоял посередине комнаты, кто-то устроился прямо на сверкающем паркете, и все явно чего-то ожидали.

Вели себя они тоже по-разному: одни молча

смотрели в окно или даже просто в пол, другие читали, некоторые беседовали вполголоса, кто-то громко спорил или нервно расхаживал по комнате. Но при всей несхожести ожидающих существовала одна деталь, объединяющая все это непонятное сборище, — у каждого из присутствующих через левое плечо был перекинут ремешок такой же небольшой сумки из коричневой кожи с бляшкой-восьмеркой, как та, что висела на боку у только что пришедшего молодого человека.

Юноша медленно двинулся вдоль очереди, краем уха улавливая обрывки разговоров:

— …целый месяц искал, хватит уже…

— …как думаешь, дадут?..

— …тогда я поняла, что надо идти сюда…

— …ну конечно, *они* ее тут же сделали «Мисс Самара» и девушкой года…

Посередине коридора на полу, далеко вытянув длинные ноги, сидела бледная женщина в джинсах и свободном сером свитере, с собранными в хвост темными волосами.

— Извините, — сказал юноша и попытался ее обойти.

Женщина согнула ноги в коленях, пропуская его, и поглядела с такой болью, с таким отчаянием, что у молодого человека сжалось сердце.

Он шагнул было к ней, хотел заговорить, но она отвернулась и стала смотреть в окно, за которым в яркой подсветке были видны падающие снежинки.

Молодой человек двинулся дальше, но тут его кто-то окликнул:

— И ты здесь, Апрель? Неужели так до сих пор и не нашел?

Он обернулся. На обитом светло-коричневой кожей диване сидела, прислонившись к подлокотнику, очень красивая белокурая девушка, одетая так, будто сошла с баннера гламурного сайта.

Юноша покачал головой:

— Нет. Так и не нашел. Но ты? Ты-то что здесь делаешь, Гортензия? Насколько я помню, твой подопечный — один из самых удачливых и благополучных молодых людей в своей стране?

— Был, — невесело ответила девушка, закидывая одну ногу на другую. — То есть удачливым и благополучным он остается до сих пор… Ему все дано от рождения и всегда так везло, что мне иногда казалось — я ему вообще не нужна. У него и без меня все хорошо…

Сидевший рядом с девушкой на диване невысокий худенький человек неопределенного

возраста, узкоглазый и темноволосый, похожий на китайца, покачал головой:

— Чего только не бывает! До того человеку хорошо, что уже и ангел-хранитель не нужен…

— Лучше так, чем наоборот, — включился в разговор стоявший у стены пожилой мужчина, подтянутый, с коротким ежиком седых волос, в костюме военного покроя. — Я-то своему стал не нужен совсем по другой причине… — И он тяжело вздохнул.

— Так что же случилось с твоим подопечным? — спросил тот, кого назвали Апрелем, у своей собеседницы.

Девушка по имени Гортензия тоже вздохнула.

— Он совершил поступок, после которого его душа уже больше не принадлежит светлым силам… Извини, мне трудно об этом говорить, — на ее глаза навернулись слезы.

— Конечно, я понимаю. — Юноша нежно пожал ее руку чуть ниже локтя. — Представляю, как тебе больно, как тяжело…

— Да уж… — кивнул коротко стриженной головой мужчина. — Я в последнее время часто думаю: как это все-таки замечательно, что у нас, у ангелов, нет души! Нечему болеть за наших подопечных. Да и за других людей тоже…

— Не переживай, Гортензия. — Юноша изо всех сил старался утешить свою знакомую. — Это его выбор. Твой подопечный, как и любой человек, вправе сам выбирать себе дорогу… А у тебя еще все будет хорошо. Ты вернешься домой, на Небо. Там у нас, ангелов, тоже много важных и нужных дел…

В это время пробили часы на Спасской башне, и Апрель заторопился.

— Мы еще обязательно увидимся! — пообещал он Гортензии и прошел дальше, в глубину просторного помещения.

Там, у крутой старинной лестницы из белого камня, стоял элегантный офисный стол с двумя ноутбуками. «Секретарь» — значилось на табличке. И та, что сидела за столом, действительно выглядела эталоном секретаря. Не в современном понимании этого слова, когда непременными признаками данной профессии считаются ноги от ушей, длина юбки, равная высоте каблука, французский маникюр и низкий, с придыханием, голос. Дама за столом была совсем не такой. Не эталон красоты и уже в летах, но тем не менее выглядела она «на все сто» — элегантный деловой костюм, безукоризненная прическа, великолепный макияж и виртуозное умение

мгновенно подобрать нужный в конкретный момент стиль поведения. Такая может быть и строгой, и доброй, и холодной, и заботливой; может и достойно принять коронованную особу по всем правилам придворного этикета, и так резко осадить наглеца, что тому мало не покажется. Секретарь за столом успевала одновременно следить за порядком в очереди, вовремя приглашать к своему начальнику новых посетителей, отвечать на звонки в мессенджерах, печатать что-то на ноуте и читать лежащий рядом с клавиатурой любовный роман, на обложке которого слились в страстном объятии знойный брюнет и сильно декольтированная блондинка с пышными формами. Увидев юношу, Секретарь приветливо улыбнулась:

— А, это ты, Апрель! Ну и что, есть какие-то новости?

— Никаких, — грустно отвечал тот.

— Ну ничего, не отчаивайся…

— Шеф-то у себя?

— Ну а где же ему быть? — отвечала Секретарь иронично. — Ты же знаешь: чтобы Стиратель покинул кабинет в рабочее время, должно произойти что-то из ряда вон выходящее. Для этого трудоголика ничего не существует, кроме работы,

он вообще не замечает ничего вокруг. — И она вздохнула.

— Можно я загляну к нему ненадолго? — поинтересовался Апрель.

— Да, конечно, заходи, — приветливо кивнула Секретарь.

Словно подтверждая ее слова, на старомодном селекторе замигала лампочка и тихонько загудел зуммер, сообщая, что шеф освободился. Апрель сделал шаг к лестнице, но был внезапно остановлен парнем в ярко-красном пиджаке, сплошь утыканном огромными желтыми пуговицами, с густой бородой, тоненьких очках и выкрашенным в зеленый цвет вертикальным пучком волос на голове:

— Эй, коллега, встань в очередь. Пожалуйста.

Апрель улыбнулся:

— Так я не… Не по работе. Я по личному делу.

— По личному? — удивился парень. — Какие могут быть еще личные дела со Стирателем? А что, по личному можно без очереди? — Этот вопрос был задан уже не юноше, а женщине за столом.

— Без очереди, без очереди, — подтвердила Секретарь.

— Вот же беспредел! — несколько картинно

всплеснул руками зеленоволосый бородач. — Я тут уже столько времени торчу — а он по личному и без очереди. Не покатит! После меня пойдешь, вот что.

— И куда ж ты так торопишься? — усмехнулась женщина за столом, укоризненно взглянув на парня, и, подумав с минуту, разрешила: — Идите вместе.

Бородач неприязненно посмотрел на Апреля и шагнул к лестнице. Юноша поспешил следом. А Секретарь с удовольствием вернулась к своей книжке.

Верхняя площадка лестницы упиралась в массивную дубовую дверь с бронзовой табличкой «Стиратель». Кабинет, располагавшийся в самой высокой части башни, пожалуй, можно было бы назвать даже роскошным — с таким вкусом, удобством и элегантностью он был оформлен. Здесь преобладали бежевые и золотистые тона. На полу узорный мозаичный паркет, удачно гармонирующий с округлой формой помещения; на потолке лепнина; диваны и кресла в стиле ампир; старинные часы, поддерживаемые тремя бронзовыми фигурами граций; большие окна, расположенные по кругу, скрыты занавесями-маркизами. В простенке между ними красовалась великолепная

живая елка, украшенная золотистыми шарами. Одну из стен занимал старинный резной шкаф с книгами, у другой стоял большой письменный стол. За ним, в коричневом офисном кресле с высокой спинкой, сидел полный лысоватый мужчина, на вид лет шестидесяти, в дорогом костюме и очках в толстой оправе. Это и был Стиратель — чиновник Верховной канцелярии на Земле, посредник между ангелами и Небом.

— Что это вас сразу двое? — поинтересовался он, поглядев на посетителей сначала через очки, а потом из-под них. — Так не положено, надо по одному. Ты, с веником, заходи, — это было сказано бородачу, — а ты, — обратился он к юноше, — подожди за дверью… Постой-постой!.. Апрель, ты, что ли? Неужто нашел?

В ответ Апрель только развел руками.

— Ну, я так и думал. А что же тогда? Решил вернуться на Небо?

Молодой человек отчаянно замотал головой:

— Нет, что вы, ни за что на свете! Я просто так заглянул, отчитаться…

— А, ну раз так, проходи, присаживайся. Сейчас я клиента отпущу, и поболтаем… Ты-то ведь по делу пришел? — Этот вопрос тоже был задан бородачу.

— Я — конечно, — кивнул тот.

— Тогда садись. — Стиратель указал зеленоволосому на обитый бархатом стул напротив.

Апрель, чтобы не мешать, отыскал себе местечко поодаль и опустился на один из диванов в простенке между окнами.

— Ну? — Стиратель откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе, соединил кончики пальцев и кивнул зеленоволосому: — Рассказывай, друг дорогой.

— А чего рассказывать-то? — Тот пожал плечами, отчего его пиджак, будучи размеров на шесть побольше необходимого, забавно встопорщился.

Стиратель бросил взгляд на экран монитора и лениво шевельнул мышкой.

— Как — что? Зачем пришел? Как зовут подопечного, где живет, сколько лет?

— Плотницкий Виктор Михайлович, пятнадцать лет, почти шестнадцать, — старательно, точно соискатель на собеседовании, отвечал бородач. — Родился девятого января две тысячи седьмого года в Тюменской области, потом родители переехали в Москву, поселились на Ходынке…

— Плотницкий, Плотницкий… — бормотал человек за столом, щелкая мышкой и поглядывая

на монитор. — Да, вот, есть такой, Виктор Михайлович… Ну, и что же произошло?

Бородач потупил взор, отчего его очки едва не слетели.

— Он это… в общем… человека убил.

— Вот как? — Чиновник на миг оторвался от компьютера и взглянул на посетителя поверх очков — и было понятно, что уж он-то умеет их носить. — И как же это случилось?

— Да в общем-то, случайно вышло… по неосторожности. Вчера… — Видно было, что рассказ этот дается странному ангелу с большим трудом. — Подопечный мой заводил друзей в этом, как его… интернете. И не только друзей… Любил он, как же они это называют… потроллить.

— Потроллить? — поднял брови Стиратель.

— Поглумиться над собеседником. Анонимно.

— Это еще зачем?!

— Не знаю, — всхлипнул бородач. — Каникулы зимние начались, делать нечего… Он и сцепился с кем-то в сети. Немного перегнул палку, а у собеседника то ли слабое сердце оказалось, то ли взвинченный был… Короче говоря, удар хватил человека. Чаша переполнилась, организм не выдержал. Так Виктор, мой подопечный, неосторожным словом довел того до могилы.

Бородач всхлипнул еще раз, стащил с себя очки, вытащил дрожащей рукой из кармана пиджака фиолетовый платок и начал промокать глаза. Стекла его очков нисколько не преломляли изображение с той стороны, из чего Апрель догадался, что они были без диоптрий.

Некоторое время в кабинете висела томительная пауза, прерываемая только шмыганьем носа бородача да тихим стуком клавиатуры — чиновник быстро вносил что-то в память компьютера.

Наконец, зеленоволосому ангелу удалось выдавить из себя слова, которые были для него самыми тяжелыми:

— Ну и, разумеется, за его душой тут же пришли… *Оттуда*… — Он кивнул на пол. — И я теперь вроде как не у дел…

— Как это не у дел?! — вырвалось у Апреля, и Стиратель на миг сам потерял дар речи от такого вмешательства в серьезный разговор. — Ведь это не Виктор твой умер, а другой человек! Твой подопечный, пусть и совершил тяжкий проступок, но жив и молод! Его-то зачем *Туда* тащить? Много времени пройдет, пока настанет его час. Он обязательно раскается, надо дать ему время! Ведь время — это их ценнейший дар, оно настолько конечно и скоротечно!

— Нет, — мотал головой бородач. — Если бы он по пьяни кого монтировкой стукнул, то еще был бы шанс… А он спокойно, дома, перед компьютером, твердо зная, что пишет, пожелал человеку конкретной участи. С подбором нужных слов. Да и не раскаивается, что страшнее всего. Верит, что не виноват.

— Но он наверняка не хотел!

— Не хотел. Однако же сделал.

Апрель горестно отвел глаза.

— М-да… Не повезло тебе, друг дорогой, — спокойно проговорил Стиратель. — Ну не расстраивайся. Ты далеко не первый ангел-хранитель, оказавшийся в таком положении, и уж точно не последний.

Бородач не отвечал. Опустив голову, он теребил пуговицы на своем пиджаке.

— Слушай, — поинтересовался вдруг человек за столом, кидая на него быстрый взгляд. — А чего это ты так вырядиться решил? Я ж тебя помню — совсем недавно был ангел как ангел…

Его собеседник только плечами пожал:

— Да вот… Это… Виктор мой так ходит. Говорил, хипстер. А я пытался его понять… Думал, если приму такой облик, научусь говорить, как он, стану его музыку слушать, полюблю то, что он

любит, все встанет на свои места… И мне все будет про него ясно…

— Ну и как? — усмехнулся чиновник. — Прояснилось? Понял что-нибудь?

Незадачливый ангел-хранитель в облике хипстера отчаянно замотал головой.

— Не-а. Ничего не понял. Вернее, понял только то, что никогда этого не пойму…

— И, стало быть, обратно домой, на Небо? Что же, дело обычное… — бормотал Стиратель. — Конечно, новой души, чтобы ее охранять, тебе больше не дадут. Как ты и сам отлично знаешь, ангелам, чьи подопечные души попали в ад, быть хранителями больше не поручают. Не оправдали доверия, так сказать… Так что на Землю ты больше не вернешься. Ну а с другой стороны, и хорошо — что тут делать… Так что готовься — через несколько минут будешь дома.

Чиновник последний раз щелкнул мышкой и отодвинулся от компьютера.

Ангел в ярком пиджаке немного замялся, кашлянул и проговорил:

— Не, мне не надо домой…

— Что? — Стиратель вопросительно взглянул на визитера, видимо, решив, что неверно расслышал его слова.

— Можно, конечно, тут оставаться, на Земле, — рассуждал, словно сам с собой, бородач. — Я слышал, так сейчас многие поступают, мне ребята рассказывали. Иногда и подолгу живут… Но смысл? Что мне тут делать-то — без человеческой души? А ее уже не вернуть… Пропадет мой Витька-то…

Сидевший в кресле юноша с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться в разговор. Но человек за столом оставался спокойным и равнодушным.

— Не он первый, не он последний, — бесстрастно повторил Стиратель.

— Это — да… — согласился бородач. — Но те — чужие, а этот — мой… Знаете… Я тут подумал… В общем, я хочу попросить о *стирании.*

— Что? — снова переспросил чиновник.

— Что? — не выдержав, воскликнул Апрель. Как ему хотелось, чтобы оказалось, что слова коллеги ему лишь почудились! Но, увы, у ангелов не бывает галлюцинаций…

И тотчас, с удивительной яркостью, будто фильм на экране, в его памяти всплыла сценка из кажущегося уже таким далеким детства на Небесах, счастливого и беззаботного времени учебы в школе ангелов…

* * *

Занятия проходят в очень живописном месте (впрочем, в райских садах неживописных мест просто нет). Ученики — с полдюжины ангельских мальчиков и девочек, будущих хранителей людских душ — расселись в тени двух пышных деревьев, одно из которых сплошь усыпано цветами, намного более крупными и ароматными, чем это бывает на Земле, а на другом уже созрели плоды, тоже не по-земному большие и сочные. На Земле люди могут увидеть подобное одновременно разве что где-нибудь в оранжерее, а здесь, в райских кущах, такое в порядке вещей, и никто не обращает на это внимания.

Недалеко журчит ручей, но звук хрустально-прозрачной воды, весело бегущей по разноцветным камешкам, не мешает ученикам сосредоточиться. Все внимательно слушают, кроме разве что лучшего друга Апреля, сидящего справа от него, — румяного голубоглазого ангелочка по прозвищу Озорник. Как можно понять из его имени, Озорник самый первый непоседа и проказник в их классе, и все только удивляются, почему они так дружны с задумчивым и мечтательным Апрелем — приятели так непохожи…

Но Апрель очень привязан к своему другу, хотя и редко участвует в его шалостях. А шалит Озорник постоянно. Вот и сейчас, на уроке, он, вместо того чтобы слушать, развлекается тем, что пускает по «классу» солнечных зайчиков, заставляя яркие лучи пробираться сквозь густую листву и весело прыгать по лицам учеников. Больше всех достается круглолицей Снежинке, прозванной так за светлые, почти белые волосы. Она то и дело вертит головой и щурит глаза, но при этом старательно продолжает отвечать и рассказывает о фонариках.

— Фонарик есть у каждого ангела-хранителя, находящегося на Земле, — бойко тараторит Снежинка. — Цвет фонарика каждый ангел выбирает на свое усмотрение, но размер и форма фонарика у всех должны быть одинаковыми. И свет луча одинаковый — серебряный. Носят фонарики в специальной сумочке на правом боку. Сумочки у всех ангелов тоже одинаковые…

— А для чего они нужны, эти фонарики? — спрашивает учитель, высокий пожилой ангел с густыми седыми локонами. У него строгое лицо, но в глубине больших серых глаз почти всегда, даже если он сердится на учеников, все равно прячется улыбка.

Красотка Гортензия, первая отличница в классе, тянет руку:

— Можно я отвечу, можно я? — и, едва дождавшись разрешения, тут же принимается излагать как по написанному: — Свет каждого фонарика — это частица Высшей энергии. Даже один лучик способен сотворить маленькое чудо. И когда нужно совершить что-то большое и важное, ангелы собираются вместе и светят своими фонариками одновременно. Чем больше будет ангелов, тем они сильнее. Тогда им никакие демоны не страшны!

— Ну уж и никакие… — Учитель сначала улыбается, а потом тихонько вздыхает: — К сожалению, это не совсем так. Если б все было так просто, мы бы давным-давно одолели Темные силы и во всем мире воцарились бы Добро и Свет. Но, увы, это невозможно…

— А почему? — тут же интересуется Озорник — он не только самый шаловливый, но и самый любознательный в классе. — Что, если все-все ангелы, которые командированы на Землю, соберутся вместе да как посветят на… — тут он замолкает, видимо, еще не придумав, на что и как надо посветить, чтобы разом одолеть все Темные силы.

— Это запрещено Правилами, — отвечает учитель. — Уже много человеческих лет прошло с тех пор, как на *Высшем уровне* договорились о перемирии между нами и нашими врагами. С тех пор ангелы никогда не вступают в конфликт с демонами — что бы ни происходило. Но вот демоны, случается, иногда нападают на ангелов…

— А как это происходит? — по голосу Снежинки ясно, что ей немного не по себе.

— На наше счастье, демоны редко нападают неожиданно, — поясняет учитель. — Они очень любят зрелищность и то, что люди теперь называют спецэффектами. Так что их нападение редко обходится без театральности. Обычно появлению демонов предшествует нарастающий гул — сначала тихий и неясный, потом все более и более сильный. Затем начинает все явственнее пахнуть серой и дымом. Внезапно темнеет, и то там, то здесь вспыхивают яркие огни, похожие на отблески костров или зарево пожара…

— Какой ужас! — лепечет Снежинка.

В это время Озорник, изловчившись, дергает ее за беленькую косичку. За что, конечно, тут же получает замечание от учителя.

— Ты опять балуешься на уроке! Как тебе не стыдно!

Озорник тут же складывает руки на коленях и делает невинное лицо.

— Я буду хорошо себя вести, — обещает он. — А вы расскажете нам еще что-нибудь интересное?

— Хорошо, расскажу, — смягчается учитель. — Что бы ты хотел услышать?

— Я бы хотел узнать о *стирании.* Что это такое? — вдруг спрашивает Озорник.

По лицу учителя пробегает тень. Он ненадолго замолкает, а потом произносит не слишком уверенно:

— Вообще-то, я хотел рассказать вам об этом позже, когда вы станете постарше…

— А нам интересно сейчас! Ну пожалуйста! — присоединяется к однокласснику Гортензия.

Все остальные поддерживают их, в том числе и Апрель. Ему тоже очень хочется узнать про *стирание,* хотя бы потому, что раньше он никогда не слышал этого слова. Что же это такое?

— Ну, хорошо, — наконец соглашается учитель.

Он усаживается поудобнее, опершись спиной о толстый ствол цветущего дерева, привычным жестом машинально поправляет свои седые локоны и принимается за рассказ:

— Делами ангелов на Земле заведует специаль-

ный сотрудник, которого называют Стирателем. По всем вопросам, которые возникают у ангелов, они обращаются к нему…

— А что это за вопросы? — тут же перебивает любопытный Озорник.

— Помните, я говорил вам, что далеко не все люди проживают свой век под покровительством своего Небесного хранителя? К сожалению, случается, что душа человека, совершившего какой-то страшный грех, уже при жизни переходит к Темным силам. Когда-то демоны специально работали над тем, чтобы заполучить человеческую душу, соблазняли людей, уговаривая заключить сделку и подписать кровью договор… С тех пор многое изменилось. Некоторые люди сами живут так, что их души попадают в руки демонов, и таких людей, к сожалению, немало… Так что нашим врагам и стараться особенно не надо.

По «классу» пробегает легкий шум. Юным ангелам совсем не нравится то, о чем говорит учитель, но они уже достаточно взрослые, чтобы понимать: мир не может быть идеальным и совершенным.

— Тогда ангел, которому некого больше охранять, остается без работы, — продолжает учитель. — Он уже не будет сопровождать свою

подопечную душу в последний путь сюда, на Небеса, поскольку обладатель этой души сам выбрал другую дорогу. Что ж, Всевышний дал каждому право выбора — именно на этом и держится мир… Оказавшийся не удел ангел приходит к Стирателю — и тот возвращает его обратно на Небеса.

— Где ему дадут новую душу, да? — взволнованно спрашивает Апрель. Он, наверное, больше, чем остальные его друзья, мечтает о том времени, когда вырастет, закончит свое обучение и станет наконец хранителем. Как ему этого хочется!

— Нет, — качает головой учитель. И строго добавляет: — Ангел, который не сумел уберечь свою подопечную душу, недостоин чести быть хранителем.

Апрель смущается. Ему становится стыдно за то, что он сказал такую глупость, и даже кажется, что друзья глядят на него с усмешкой. Хотя на самом деле это, конечно, совсем не так. На него вообще никто не смотрит, все внимательно слушают учителя.

— Это и называется *стиранием?* — продолжает свои расспросы Озорник. — Ведь Стиратель как будто «стирает» ангелов с Земли, чтобы они вернулись сюда домой?

— Нет, не совсем так. *Стирание* — это несколь-

ко другое. Это поступок, который каждый ангел может совершить лишь однажды в жизни.

— И что же это за поступок? — Гортензия даже вытягивает шею от любопытства.

— Однажды ангел может пожертвовать собой ради счастья подопечного, обменять свое существование на исполнение его заветного желания или что-то в этом духе…

— Как это? — не понимает Снежинка.

— А вот так. Если хранитель очень хочет помочь человеку, но не в силах это сделать, он приходит к Стирателю и просит за своего подопечного. И, если исполнение его просьбы не нарушает хода событий, предопределенного в Книге Судеб людей, ему идут навстречу. Человек получает некий дар свыше, чаще всего даже не предполагая, чем он этому обязан. А ангел…

— Ангел возвращается на Небо, да? — снова не удерживается от вопроса Апрель.

— Нет, мальчик, — грустно отвечает учитель. — Ангел исчезает.

— Как так исчезает? — удивленно шумят ученики. — Разве ангелы умирают? Они ведь могут только погибнуть в битве с Темными силами!

— Ангелы не могут умереть, потому что они не люди. У них нет ни смертного тела, ни бес-

смертной души. Поэтому после *стирания* ангел просто исчезает. Навсегда. А вместо него присылают другого ангела, который будет охранять его подопечного.

Апрель хорошо помнил, что после рассказа учителя в классе разгорелся долгий и жаркий спор. Одни ученики восхищались теми ангелами, которые решаются на подобное самопожертвование, другие считали подобный поступок необдуманным. Так, отличница Гортензия спокойно и убедительно доказывала, что жизнь человека коротка и подопечных душ у каждого ангела бывает много — нельзя же ради каждой жертвовать своим существованием! Это слишком высокая цена. Гораздо разумнее остаться рядом со своим подопечным и всячески помогать ему выдержать те испытания, которые выпали ему на долю. Апрель тогда молчал, не принимая участия в споре. Но в глубине души (какой еще души? Нет у ангелов никакой души!) не был согласен с Гортензией. Он так хотел оберегать своего будущего подопечного, так жаждал сделать его счастливым, что был готов ради этого на все…

* * *

Попав на Землю, где уже столько человеческих лет продолжались его мытарства, Апрель, конечно, не раз слышал о *стирании.* Но увидеть своими глазами ангела, который решился на такой поступок, ему довелось впервые. Растерявшись от такой неожиданности, он ни слова не мог сказать и только смотрел во все глаза на ангела-хипстера.

– *Стирание,* значит… — задумчиво проговорил тем временем чиновник. — А что ты попросишь взамен?

Бородач потупился.

— Так это… Спасти душу Виктора, — отвечал он после долгой паузы. — Он ведь, в общем-то, неплохой мальчишка. Просто глупый еще, ветер в голове…

— Ну, знаешь, друг дорогой! — развел руками Стиратель. — Тут я тебе ничем помочь не могу. Такие вопросы решаются не на моем уровне. Для этого существует Высший Суд.

— Да, конечно… Но пусть ему дадут еще один шанс! Один шанс, а? — с неожиданным жаром заговорил провинившийся ангел. — Пусть вместо меня пришлют другого хранителя и снова

приставят к нему! Может быть, Витя услышит его и раскается, по-настоящему раскается? Тогда его душа снова вернется к нам. Ведь такие случаи бывали, и не раз, я точно знаю! Да и виноват я, виноват! Не уберег… даже не попробовал. Если бы он с ножом на кого шел — уж я бы вмешался, хотя бы нашептал на ухо! А тут… какие-то кнопки, кто бы мог подумать? И сам же, глупец, молча смотрел, старался понять, что в этом деле такого особенного!

— Ну да, в принципе, случаи такие и впрямь бывали… — протянул Стиратель и, обернувшись к компьютеру, снова защелкал мышкой. — Погоди чуток…

Молчание, которое после этого повисло в кабинете, показалось Апрелю вечностью.

— Ладно, будь по-твоему, — произнес наконец чиновник. — Твое решение окончательно?

— Да.

— Ну что же, это твой выбор. Готовься, сейчас приступим к *стиранию.*

— Как… готовиться? — внезапно растерялся хипстер.

— Разве не помнишь? Фонарик доставай.

Бородач раскрыл висевшую на его боку сумку с бляшкой в виде восьмерки и вынул изящный

шестигранный фонарик, горевший ровным серебристым светом. Апрель не мог не заметить, что теперь-то его облик стал выглядеть на удивление завершенным, гармоничным. Будто обрели смысл и выбор костюма, и цвет, и даже бессмысленные очки, теперь отражавшие грани фонарика, в которых десятки испуганных лучиков стремились собраться в один. Может, и в нужную сторону мыслил бородач. Только ему не хватило времени, чтобы понять себя или подопечного. И уже не будет.

— Хорошо. Встань-ка вон туда. — Стиратель кивком указал на свободный простенок между окнами.

Осторожно держа горящий фонарик, ангел занял место у колонны. Чиновник нажал какую-то кнопку на столе, и ярко освещенный кабинет мгновенно погрузился во мрак. Только тонкий серебряный луч разрезал темноту, бросая отблески на елочные шары и бронзовые фигуры трех граций, поддерживающих часы.

Апрель так и замер в своем кресле, не в силах произнести ни слова. А чиновник тяжело поднялся из удобного вращающегося кресла, открыл один из ящиков в тумбе, вынул из него белоснежный кусок материи и приблизился к хипстеру.

— Я обязан последний раз спросить тебя, не передумал ли ты?

— Нет, не передумал, — хмуро отвечал тот.

В свете фонарика Апрель отчетливо видел, что бородач стоит, опустив голову, и не отрывает взгляда от пола.

— Ну что же, тогда прощай, друг дорогой…

Стиратель принялся водить тканью по лучу от фонарика, подобно тому, как дежурный ученик в классе водит мокрой тряпкой по исписанной мелом доске, — и луч стал исчезать, будто был нарисован. Онемевший от такого зрелища, Апрель вдруг заметил, что вместе с лучом во мраке начинает растворяться и бородач. Вот пропали из вида его тяжелые ботинки, исчезла сумка, не стало зеленого пучка волос, потом лица… Дольше всего оставалась лишь держащая фонарик рука. Но в конце концов и она исчезла. Фонарик потух и с тихим безжизненным стуком упал на пол.

— Ну вот и все! — донесся до юноши голос Стирателя. И в круглом кабинете снова зажегся свет.

Апрель зажмурился — то ли от яркой вспышки, то ли от того, что на его глаза набежали слезы.

— Как это грустно… — тихо проговорил он.

— Да брось ты, — отмахнулся Стиратель, снова занявший свое кресло. — Жизнь есть жизнь. Все

мы не вечны — и люди, и ангелы… Правда, у людей хоть есть душа и надежда на Спасение.

Он повертел в руках ненужный фонарик и, слегка размахнувшись, бросил его за стол. Там стояла большая картонная коробка, почти доверху заполненная такими же разноцветными фонариками. Стиратель взглядом оценил объем кучи и удовлетворенно проговорил:

— Хорошо поработали! Пора контейнер заказывать.

Апрель все никак не мог прийти в себя.

— Нет, это ужасно, ужасно… — повторял он.

— Да брось ты! — Чиновник открыл створку в тумбе своего стола и вынул оттуда пузатую бутылку темного стекла и хрустальные рюмки. — Хочешь? Хороший напиток, настоящий армянский, из домашнего погреба… Ах, ну да, ты же не можешь. А я вот, с твоего позволения… Или без него…

Апрель, казалось, совсем его не слышал.

— Но как же вы можете?.. Как вы можете быть таким спокойным?..

— Привык, — отвечал его собеседник, наливая в рюмку густую жидкость цвета темного янтаря. — Это моя работа. Потом, я ведь занимаюсь не только *стиранием.* Чаще всего просто отправляю

твоих собратьев обратно на Небеса, где они спокойно продолжают жить и здравствовать. Для вас ведь пребывание на Земле — это что-то вроде рабочей командировки. А так ли уж велика разница, где работать — тут или там? Там, пожалуй, даже и поспокойнее…

— Но ведь этот ангел исчез навсегда!

— Этот — да. Но он сам так решил, — философски заметил Стиратель, поднося рюмку к губам и с удовольствием отпивая. — В любой ситуации у каждого из нас всегда есть как минимум два возможных пути. И у людей, и у ангелов… Иногда больше, даже намного больше. Но два есть всегда.

— И все-таки некоторые из тех, кто стоит в этой огромной очереди внизу, выбрали *стирание*, жертву. Почему? — Апрель встал с дивана и нервно прохаживался по кабинету.

— Ну, к счастью, не все, — отвечал чиновник и снова глотнул. — Многие из них просто возвращаются Наверх, потому что у них вышла такая же незадача, как у этого зеленоволосого. Их подопечные души взяли да и ушли к нашим конкурентам — заметь, еще при этом, земном, существовании. Сейчас такие вещи происходят слишком уж часто… Стоит человеку совершить

какую-нибудь большую гадость: не обязательно убить, но, например, предать кого-нибудь — как эти самые наши недруги из преисподней уже тут как тут и заявляют свои права на его душу.Он выпил последний глоток из рюмки и с сожалением поглядел на бутылку, точно прикидывая, налить еще или все-таки хватит.

— Вот только что перед этим зеленоволосым был у меня тут один, — доверительно поведал он. — Так у него подопечный никому не желал помереть, и не особо хамил даже. Как раз наоборот — просто подлец был. Обманывал, друзей предавал, женщинам мозги пудрил… А одна девчонка, глупенькая такая, очень уж сильно его полюбила. От хорошего мужа ушла, с родителями, знакомыми из-за этого типа перессорилась… И ждала ведь, и до последнего верила! Дурочка — одно слово. Он, конечно, и ее бросил. А она тогда возьми да наложи на себя руки. И все — душа того типа в руках наших конкурентов, а ангел его, славный такой был парень, не у дел. Вон его фонарик валяется… Согласись, похожая ситуация. Только тут наоборот — вместо того чтобы промолчать, приговоренному бы следовало вставить нужное слово в нужное мгновение. Пока он еще сам отвечал за свою душу. Не сделал. Хотя, возможно, и

хотел. Сейчас уже никакой разницы.

Стиратель тяжело вздохнул — но, как понял Апрель, не из сопереживания, мужчина глядел на опустевшую рюмку. Подумал с минуту, но все же решился убрать бутылку и рюмки обратно в стол.

— А ее душа? Что сталось с душой этой девушки? — спросил Апрель, присаживаясь на подлокотник дивана.

Чиновник пожал плечами:

— Ну этого уж я не знаю. Это как там, *Наверху,* решат. Мне такие вещи не докладывают — не входят они в мою компетенцию…

Он снял очки и принялся протирать их куском замши.

— Ну а есть еще ангелы, вроде тебя, которые никак не могут найти своих подопечных, — продолжил Стиратель после небольшой паузы. — Там, в Канцелярии, по секрету тебе скажу, такая неразбериха творится… Похоже, земная бюрократия все больше и больше перекочевывает *Наверх.* Думаешь, ты один такой невезучий — прибыл на место, а никакой души по указанному адресу нет? Ошибаешься! Знаешь, сколько таких! Кто сразу здесь появляется, кто сначала немного потыркается… Но чтобы столько времени, сколько

ты — такого на моем веку еще не бывало.

— Но неужели никто из них так и не встречается с той душой, которую он прислан охранять? — взволнованно спросил юноша.

Чиновник пожал плечами:

— Случается и такое, конечно, но редко, крайне редко. В большинстве случаев результаты поиска нулевые. Вот твои собратья и приходят сюда. Тогда моя задача помочь им — и через мгновение они уже в Канцелярии и получают нового подопечного.

Он помолчал, поглядел сквозь очки на свет и, видимо, остался недоволен результатом, так как снова потянулся за замшей.

— Мне кажется, это как-то неправильно… — Апрель поднялся с места и принялся ходить по кабинету. — С одной стороны, ангелы, которые не встретились с душами, с другой — люди, лишенные ангелов-хранителей… Ведь можно было бы как-нибудь это решить…

— Вы, ангелы, не имеете права помогать никому другому, кроме того, кому предназначены! — строго проговорил чиновник.

— Да знаю я! — отмахнулся молодой ангел. — Но считаю несправедливым. Я достаточно долго брожу по Земле и вижу, как их много — душ,

рядом с которыми никого нет, которых никто не бережет от несчастий, от Темных сил… Скольким из них я мог бы помочь — а мне нельзя!..

— Знаешь, друг дорогой. — Чиновник наконец водрузил очки на нос. — Не нами эти правила придуманы — и не нашего ума дело их менять. Наша задача — выполнять их как следует. А в этом мире и без того достаточно неразберихи…

— И все-таки скажите — ведь многие ангелы именно *стираются,* жертвуют собой ради своих подопечных? — вернулся Апрель к так взволновавшей его теме.

— Что греха таить — случается, — признался Стиратель. — Ты же видишь, насколько неравны наши силы в этой борьбе — борьбе Добра и Зла. Ведь что может ангел-хранитель предложить человеку на Земле? Защиту, поддержку, утешение, помощь, некоторую удачу — но все это невидимо, так сказать, неосознанно… Это уже потом, после смерти, когда душа предстанет перед Судом, именно от ангела-хранителя, от его оправдательного слова во многом будет зависеть, спасется она или нет и куда ее направят — в Рай или в ад… Но ведь люди об этом не знают! Они видят только те соблазны, которыми окружают их на каждом шагу наши конкуренты. А у них ох какой арсенал

для этих целей! Богатство, слава, власть, успех… Ты понимаешь меня?

Апрель кивнул. За те годы, которые он странствовал по свету в поисках подопечной души, он успел насмотреться всякого и многое понять.

— Вот и получается, что ангел-хранитель просто не в состоянии исполнить все желания своего подопечного! А демоны могут немало, друг дорогой, весьма немало!.. Потом, конечно, все это обернется в прах, развеется как дым, но человек-то думает, что он получает то, что хочет, навсегда. Забывая, что за все в жизни приходится платить, и часто неоправданно высокой ценой. Оттого твои собратья и решаются на такой отчаянный поступок — приходят ко мне на *стирание.*

— Мне нелегко это понять… — задумчиво проговорил Апрель. — Хотя…

— Я же тебе уже тысячу раз повторил: устройство этого мира основано на праве выбора, — повторил чиновник. — В первую очередь это касается людей. Но, оказавшись на Земле, ангел тоже постоянно должен принимать решения. Его возможности, конечно, значительно более ограничены, чем возможности выбора у людей, но вы тоже всегда имеете в запасе несколько вариантов. Вплоть до перехода к конкурентам,

не к ночи будет сказано. Да-да, не удивляйся, случается и такое… Ну да будет об этом. Ты сам-то как дальше жить собираешься?

Апрель пожал плечами:

— Буду продолжать искать. Пока не найду.

— Ну-ну. — По тону чиновника было ясно, что он абсолютно не верит в такую возможность. — Хотя, если тебя интересует мое мнение, зря ты стараешься.

— Вы не верите, что у меня получится?

— Честно сказать — не верю. Но дело даже не в этом. В действительности то, к чему ты так стремишься, вообще не стоит таких усилий…

— Как же так? — удивился ангел. — Разве мы, ангелы-хранители, не обязаны помогать людям?

— Обязаны! — усмехнулся чиновник. — Да, ангелы обязаны привести людей в этот мир, обязаны охранять их на протяжении всей жизни, оберегать от опасностей и дурных поступков. Обязаны страдать, плакать и мучиться из-за каждого их греха — знали бы люди, что ангелам из-за них приходится выносить! Обязаны после смерти проводить с фонариком душу на тот свет и привести ее на Суд. Обязаны защищать подопечного на Суде, и что бы он на Земле, ни натворил, оправдывать его до последнего, убеждать Суд, что он не

так уж и плох и душа его заслуживает Спасения. И что они получают взамен? В лучшем случае, если опекаемую тобой душу помилуют, тебя вновь вернут на Землю, дадут нового подшефного, и вся эта круговерть повторится заново. А в худшем — твой протеже отправится в ад, ибо этим людям всегда есть, за что туда угодить, — а тебя накажут, как не справившегося со своими *обязанностями.* И таких-то случаев как раз больше…

Молодой ангел с удивлением посмотрел на него:

— Неужели люди так уж плохи?

— А ты не заметил этого, когда бродил по свету? Не видел, что происходит вокруг, как ведут себя люди! Как думаешь, много ли ангелов, проводивших своих подопечных на Суд, возвращаются? Да единицы! Не стало душ, достойных Спасения, понимаешь, не стало! Все подлые, все жадные, все корыстные, все завистливые, все лживые… Люди чуть не с пеленок настолько грешны, что нашим конкурентам особо и напрягаться не надо — к ним души сами попадают после Суда целыми пачками. Никакой борьбы Ада и Рая за человеческие души, о которой столько говорили, давно уже нет!

Разгорячившись от собственных слов, Стира-

тель даже вспотел и промокнул лоб платком.

— А с другой стороны, — продолжал он, переведя дыхание, — люди вдруг стали плодиться, как кролики. Целый миллиард новых душ за несколько десятков лет — ну где же такое видано? Попробуй их всех учти — кто родится, да где, да когда, — вот и начинается путаница, неразбериха… И ангелов, конечно, не хватает. Приходится в спешке создавать новых. И получается вот как с тобой. Создали, выучили второпях, напихали наскоро в твою голову постулатов — и на Землю. А души-то, чтобы охранять, и нет. — Помолчав, Стиратель бросил взгляд на часы. — Ладно, заболтался я что-то с тобой, друг дорогой, работать пора…

Апрель поднялся с места:

— Тогда я пойду. Всего вам хорошего…

— И тебе не хворать.

Выйдя от Стирателя, Апрель, прежде чем спуститься в приемную, на миг остановился на лестнице и задумчиво посмотрел на очередь. Многие из ожидавших здесь ангелов были ему уже знакомы — бывшая одноклассница Гортензия, мужчина в военном костюме, маленький китаец, сидящая на полу высокая женщина с печальными глазами… Апрелю вдруг захотелось

поговорить с каждым из них, расспросить об их подопечных и о том, что привело их сюда, но он не решился это сделать и вышел из приемной, не забыв вежливо попрощаться с Секретарем, которая кивнула ему и снова вернулась к своей книге. Покинул здание Исторического музея, не открывая входной двери — да и зачем ангелу открывать дверь? — и, миновав всегда открытые старинные ворота, он вышел на небольшую площадь перед Иверской часовней.

Здесь, как всегда, было многолюдно. Сновали туда-сюда гуляющие, на прилавках все еще торговали сувенирами, около отметки «нулевого километра» была веселая суета — многим хотелось сфотографироваться на этом месте или загадать желание, для чего, не глядя, нужно было кинуть монетку назад, через плечо и попасть при этом точно в круг «нулевого километра». Апрель шел сквозь толпу, но, конечно, никто его не замечал. А он сам продолжал очень внимательно вглядываться в каждого встречного — вдруг кто-нибудь да увидит его? Обычно людям не дано видеть ангелов, это могут делать только святые и совсем маленькие дети, на чьей совести еще нет ни одного греха. Но Апрель знал, что в его случае будет по-другому. Если он все-таки найдет своего

подопечного, человека, чью душу ему суждено охранять, то он или она некоторое время после встречи смогут видеть его — сколько бы им ни было лет.

Снегопад все продолжался. Вокруг раздавался смех, звучали веселые голоса, поодаль, на Тверской и Манежной, шумели автомобили, откуда-то доносилась музыка. Но в этот, уже ставший привычным для Апреля, шум вечернего мегаполиса внезапно вмешался новый, непонятный звук. Сначала тихий, еле слышный, он постепенно нарастал, становясь все более явным, и наконец перекрыл собой все остальные звуки города.

«Что же это такое? — недоумевал Апрель. — Что за непонятный гул? И запах… Откуда этот странный запах? Пахнет, как на пожаре! Что тут может гореть?»

Действительно, по площади разнесся острый запах пепелища и горящей серы. Странно, что люди этого не замечали… И вдруг стало темнеть, мгла сгустилась вокруг с удивительной быстротой, точно кто-то набросил сверху огромное толстое одеяло. Несколько секунд абсолютно черной, кромешной тьмы… А потом то там, то здесь ее стали прорезать яркие огненные всполохи.

«О Боже Всемогущий! — подумал ангел. — Это

же…»

Закончить свою мысль он не успел. Загадочная, непонятная сила внезапно подхватила его, оторвала от земли, сковала по рукам и ногам, лишив всякой возможности сопротивляться, и потащила куда-то в темную, страшную неизвестность.

Глава 2,
в которой Апрель встречается со старым приятелем

Сообразив, что подвергся нападению Темных сил, Апрель попытался собраться и вспомнить, что следует делать в таких случаях. Что же говорил на этот счет учитель? Ведь не один и не два, а великое множество их уроков было посвящено вечной войне Добра и Зла… Но, как назло, все, чему когда-либо учили в школе, вдруг разом выветрилось из его головы. Оставался только противный сосущий холодок где-то внутри.

«Что это? — думал ангел. — Неужели я испугался? Да нет же, вздор какой!.. Ангелы не испытывают страха, как и многих других человеческих чувств. Из всех эмоций нам доступны только те, которые связаны с нашей работой: сострадание людям, печаль, радость… Однако мне страшно! Мне действительно страшно… Неужели, прожив столько времени на Земле и наблюдая за людьми, я начинаю становиться таким же, как они?»

Подобные мысли крутились в голове Апреля, и сам он тем временем крутился, ведомый все той

же странной силой, которая в полнейшей темноте тащила его куда-то, то вертев волчком, то переворачивая вверх ногами, точно развлекаясь с ним, подобно тому, как резкий осенний ветер играет с одиноким, оторвавшимся от родного дерева листом. И вдруг это болтание в воздухе резко прекратилось. Апрель почувствовал, что его отпустили так же внезапно, как схватили. Мгла вокруг постепенно рассеялась, и он увидел, что оказался на высокой крыше, судя по всему, совсем недалеко от того места, где он недавно был. Ну да, вот башни Исторического музея, вон Кремль, вон Александровский сад с мерцающим сквозь падающий снег Вечным огнем у мемориала памяти Неизвестного солдата, поодаль Манеж и старые здания Университета… Апрель догадался, что стоит на крыше гостиницы «Четыре сезона». Но вот как он сюда попал, пока оставалось загадкой… которая, впрочем, вскоре разрешилась. Едва Апрель успел прийти в себя и сориентироваться, где он находится, как услышал, что за его спиной кто-то весело произнес:

— Ну что, напугал я тебя?

Апрель обернулся на голос, показавшийся удивительно знакомым. Ну конечно же! Кто это еще мог быть, как не старый школьный приятель,

товарищ по детским играм, неугомонный и непоседливый Озорник! Он стал старше и теперь, одетый в рваные на коленках джинсы, кеды и футболку с забавным рисунком, выглядел точь-в-точь как какой-нибудь не слишком прилежный, но очень любящий погулять и повеселиться милленниал. Дополняла картину вставленная в одно ухо серебряная сережка. И выражение лица у него оставалось прежним — такое же задорное и лукавое.

— Озорник! — воскликнул Апрель, обнимая лучшего друга детства. — Как же я рад тебя видеть!

Он действительно был так рад встрече, что даже не рассердился на приятеля за дурацкий (а если быть честным, то и опасный) розыгрыш.

— А я тебя тут же заприметил, как только ты от Стирателя вышел! — хохотал Озорник. — Сначала присматривался — ты это или нет? А как понял, что ты, так сразу напряг голову, какую бы такую шутку изобрести… Ну, скажи, здорово придумал? Классно прикололся? Разыграл все как по нотам!.. Ты небось и впрямь поверил, что на тебя напали Темные силы, да?

— Да, — признался Апрель. — Именно так я и подумал. И даже испугался, что меня очень

удивило. Я был уверен, что мы, ангелы, не можем бояться…

— А, это ерунда, — махнул рукой Озорник. — Неужели ты до сих пор веришь всему тому вздору, которому нас учили в школе? Я уже давно понял, что тут, на Земле, ангелы становятся совсем не такими, как дома. Видимо, это люди на нас плохо влияют.

— Ну почему же плохо? — возразил Апрель. — У людей можно научиться и многому хорошему, полезному…

— Дружище, довольно философии! — перебил Озорник, снова обнимая его. — Ты даже не представляешь, Апрель, как же я рад тебя видеть! Даже выразить этого не могу, слов не хватает… Как же прекрасно, что мы наконец встретились! Что ты именно сегодня, именно в это время навестил своего дружка, этого вредного старикана…

— Дружка? — удивился Апрель. — С чего ты это взял? С какой стати ты считаешь Стирателя моим другом?

— Да ладно тебе! — махнул рукой Озорник. — Ни для кого не секрет, что он тебе симпатизирует и выделяет из всех ангелов.

— Честно тебе сказать, первый раз о таком слышу, — искренне недоумевал Апрель. — Мне

казалось, что он со всеми общается одинаково. Четко, конкретно, сухо и как-то… формально, что ли.

— Кстати, а ты слыхал? Говорят, Стиратель тоже раньше был ангелом?

— Нет, — покачал головой Апрель, — я ничего об этом не знаю. Признаться, и не стремлюсь знать, меня интересуют другие вещи…

— Ну тогда и ну его. — Озорник всегда очень легко переключался с одного на другое. — Тогда расскажи, как ты, что делаешь? Почему бродишь по улицам один, где твой подопечный?

От этого вопроса Апрель только вздохнул.

— Это долгая история, — грустно проговорил он.

— А я никуда не спешу. — Озорник удобно устроился на ограждении крыши, свесил ноги и болтал ими.

Апрелю ничего не оставалось, как усесться рядом и поведать ему свою историю.

Окончив школу, Апрель, подобно всем остальным ангелам-хранителям, прибыл на Землю, чтобы встретиться со своей подопечной душой, прожить бок о бок с ее обладателем или обладательницей всю жизнь, деля с ним или с ней все радости и горести, и, когда настанет час,

проводить эту душу в последний путь на Небеса. Однако случилось непредвиденное — никакой подходящей души на том месте, куда был прислан Апрель, не оказалось, ни один ребенок там даже не собирался появиться на свет. А это означало, что в Небесной Канцелярии допустили ошибку, перепутав то ли место, то ли время… Полный недоумения ангел отправился к Стирателю в надежде, что чиновник поможет ему справиться с этой задачей, но увы! Тот тоже ничего не мог поделать. И предложил Апрелю вернуться *Наверх*, чтобы получить новую душу. Но ангел был категорически против. Как это так? А что же будет с *этой* душой? Ведь человеку, с которым ему не удалось встретиться, так и придется теперь жить весь свой век без ангела-хранителя, без его помощи и поддержки, без советов и утешений, которых пусть и не слышит людское ухо, но зато очень хорошо слышит душа!

И тогда Апрель начал самостоятельные поиски. Он бродил по свету, по континентам и странам, по городам и селам, внимательно вглядываясь в лица тех людей, у которых не было сопровождающих. Его поразило, как много на свете тех, у кого нет ангела-хранителя. Получалось, что ошибки, допущенные в Небесной Канцелярии, — весь-

ма распространенное явление. Но еще больше оказалось людей, сопровождаемых демонами. Апрель своими глазами наблюдал, что Темные силы «работают» с душами совсем не так, как Светлые, — ангелов на Земле было значительно меньше, чем демонов. А те иногда целыми группами крутились около людей. И если у человека был хранитель, то он всеми силами старался уберечь свою подопечную душу от темных соблазнов. Но очень у многих не было хранителей — или они не встретились, подобно тому, как это случилось с Апрелем, или душа человека уже принадлежала Темным силам. Иногда Апрель с тревогой думал о том, что и вверенная ему душа, оставшаяся без ангельского надзора, тоже могла достаться врагам — но он всеми силами гнал от себя эти мысли. И продолжал искать и верить в успех.

— Знаешь, мой подопечный или подопечная, скорее всего, уже давно выросли, — задумчиво говорил Апрель своему другу. — В том году, который наступит завтрашней ночью, будет уже двадцать человеческих лет с тех пор, как я прибыл сюда. Получается, что душа, которую я должен охранять, уже лет девятнадцать как появилась на свет и мается где-то в этом жестоком

мире одна, без моей помощи…

— Между прочим, не факт! — покачал головой Озорник, который очень внимательно слушал своего друга. — Откуда ты знаешь, что в Канцелярии не перепутали дату? Может, твой подопечный или подопечная еще и не родились или, наоборот, уже на пенсию собираются…

— Да, ты прав. Это может оказаться абсолютно любой чело век на Земле.

Друзья помолчали, после чего Апрель спохватился:

— Ну что же это я все о себе да о себе? Как ты? Как твои дела? И почему ты тоже один, где твой подопечный?

Тонкие брови Озорника нахмурились, улыбка сбежала с лица.

— Ну… Так получилось… — уклончиво ответил он.

— Ты потерял охраняемую душу? — предположил Апрель, вспомнив рассказ ангела-«хипстера». — Ее захватили Темные силы?

— Нет, — покачал головой Озорник. — У меня другая ситуация… Видишь ли… В общем, я не хочу сейчас об этом говорить.

— Ну, как хочешь, конечно… — пожал плечами Апрель.

— Знаешь, давай лучше немного повеселимся! — тут же предложил старый друг. — Самое подходящее время… Давай со мной!

— А куда лететь? — не без сомнения поинтересовался Апрель. Еще в детстве, когда друг предлагал развлечься, он всегда немного настораживался, зная, что предстоит очередная шалость.

— Да тут недалеко! В Малый театр. Скажу тебе, что театры — это самые мои любимые места на Земле, там столько всего интересного… Летим?

— Ну, хорошо, летим, — не очень уверенно согласился Апрель. — Хотя признаюсь тебе, что летаю я очень редко, почти все время хожу пешком — так больше шансов увидеть человека, которого я ищу… А что сегодня идет в этом театре?

— Ничего, там сегодня выходной. Ну, догоняй! — скомандовал Озорник, поднялся над крышей и тотчас скрылся из глаз, затерявшись в вихре падающих снежных хлопьев.

Апрель, полный смутных сомнений, последовал за ним.

Он быстро преодолел небольшое расстояние, отделявшее одно здание от другого — всего-то Театральную площадь пересечь! — опустился около памятника Александру Островскому, во-

шел в помещение Малого театра и неуверенно двинулся по темному вестибюлю. Не то чтобы ангелы не видят в темноте, просто Апрель не знал, куда ему идти. Тот, за кем он следовал, судя по его характеру, мог оказаться где угодно — и в гримерных, и в дальних складах, где обычно хранятся декорации, и в кабинете директора, и в костюмерной, и, конечно, под сценой, за сценой, перед сценой и на самой сцене.

В пустом здании было как-то по-особенному тихо, таинственный, ни с чем не сравнимый запах театра будоражил воображение, создавая ощущение чего-то волшебного. За те двадцать лет, что Апрель скитался по миру, этот самый мир порядком изменился. И все же очарование Малого театра никуда не ушло и даже, напротив, приумножилось на контрасте с вечно спешащими людьми. Миновав пустые темные гардеробы, Апрель поднялся в фойе и тут же увидел своего друга у дверей, ведущих в зрительный зал.

— А что ты?.. — начал было он, но задать вопрос не успел.

Озорник предупредительно приложил палец к губам, призывая молчать и показывая куда-то в сторону.

— Тсс! Вот она!

Апрель оглянулся. Откуда-то со стороны лестницы появилась невзрачная женщина средних лет в рабочем халате, с ведром и шваброй в руках. Она остановилась посреди фойе, поправила выбившиеся из-под косынки волосы и обвела глазами помещение, точно вспоминала, не забыла ли что-нибудь.

Озорник подмигнул приятелю и с хитрой улыбкой подошел к ней сзади, положил руку на плечо и склонился, нашептывая что-то на ухо. И женщина вдруг вздрогнула, выпрямилась, расправила плечи, лицо ее словно осветилось изнутри. Она опустила на пол ведро, сунула в него швабру и почти бегом устремилась к двери с надписью «Партер». Озорник сделал приглашающий жест, и оба ангела, один — хихикая, другой — недоумевая, двинулись за ней.

В зрительном зале все выглядело так, как будто представление только что закончилось: огромная люстра казалась только что погасшей, красные бархатные кресла словно хранили тепло недавно сидевших в них людей, а где-то под высоким потолком будто еще витало эхо голосов актеров и аплодисментов. Почти весь свет был притушен — кроме одного-единственного софита, направленного прямо на середину авансцены, то ли

случайно забытого, то ли (скорее всего!) специально включенного Озорником.

Уборщица быстро шла по проходу между кресел к сцене. Апрель остановился, оглядываясь по сторонам, любуясь, как поблескивает в полумраке позолота отделки. Ему вдруг очень захотелось оказаться здесь во время спектакля, усесться, как обычный зритель, желательно в первом ряду, и посмотреть от начала до конца какую-нибудь классическую пьесу, например из тех, что были написаны великим драматургом, тем самым, чья бронзовая фигура сидела в кресле у входа… Или оперу. Или просто концерт хорошей музыки…

— Идем, идем, чего застыл! — ткнул его в бок Озорник. — Сейчас повеселимся!

Без особой охоты Апрель последовал за ним. Женщина тем временем ненадолго исчезла из виду и вдруг показалась на авансцене. Встала прямо в овальное световое пятно от софита, приняла позу, сцепила руки в замок, картинно повернула голову в косынке… и вдруг запела несильным, но приятным голосом арию Лизы из «Пиковой дамы»:

— «Уж полночь близится, а Германна все нет…»

Пела она с душой, но фальшивила при этом

невероятно.

Апрель недоуменно взглянул на своего товарища:

— Зачем ты это сделал?

Тот хихикнул в ответ:

— А разве это не забавно?

— По-моему, нисколько.

Женщина на сцене вдруг, как будто услышав их, прервала пение на полуслове, испуганно огляделась вокруг, точно не понимая, где она находится и как сюда попала, и поспешила прочь в темноту.

— Ну вот, ты мне все испортил! — недовольно пробурчал Озорник, проводив ее взглядом. — Какой же ты все-таки зануда, Апрель! Хоть и мой друг, а зануда… Послушай-ка, а может, эта моя «женщина, которая поет», ну, эта уборщица, и есть твоя подопечная? Ты заметил, она ведь одна, у нее нет хранителя?

— Тогда бы она меня увидела, — сухо возразил Апрель, который все еще был сердит на друга.

— Да ладно, брось ты! Ничего плохого я не сделал, даже наоборот! Ты только посмотри на нее! Она уже немолода, некрасива, жизнь у нее не сложилась… Тяжелая и скучная работа — ее даже в Большой театр уборщицей не взяли, толь-

ко в Малый! — дома пьющий муж и оболтусы дети… — Он одним махом перелетел из зала на сцену, встал там в эффектной позе и продолжал свою речь, комически подражая напыщенным театральным интонациям. — А внутри у нее, оказывается, скрыт талант. В душе она, быть может, Обухова, Вишневская или Нетребко… И я, только я могу помочь ей этот талант раскрыть! Ведь этот жест прикосновения к людям и дан нам затем, чтобы мы разбудили в человеке лучшее. Неужели ты сам никогда им не пользуешься?

— Конечно, пользуюсь! — отвечал молодой ангел, припомнив недавнюю сцену в ГУМе с голубоглазым малышом и его рыжеволосой мамой. — Но совсем в других целях. Прикосновение существует, чтобы делать добро. У нас ведь вообще очень много возможностей, но мы имеем право пользоваться ими только для того, чтобы помочь кому-то. А чем ты помог этой женщине? Разве она от этого стала счастливее?

— Ладно, проехали… — Озорник покинул сцену и снова очутился рядом с другом. — Полетели со мной, я тебе еще кое-что покажу!

Апрель недоверчиво покосился на него:

— Что ты еще задумал? Опять хочешь посмеяться над кем-то?

— Да нет, не бойся. Это совсем другое…

Он схватил друга за руку и потащил за собой — прочь из Малого, в соседнее здание Большого театра, где после завершения реконструкции началась реставрация, куда-то наверх, все выше… Остановился и гордо, будто хвастался своей собственностью, произнес:

— Вот, гляди!

— Что это? — Апрель недоуменно озирался. Его взору предстали колокола — множество колоколов, всех размеров и мастей, от совсем маленьких, немногим больше его фонарика, до огромных, чуть ли не вдвое превосходящих человеческий рост.

— Звонница. Ты же, когда был в зале, думал о том, что хочешь посмотреть спектакль или концерт. Так я тебе обеспечу настоящий концерт. Сейчас сыграю. — Озорник протянул руки к веревкам, свисавшим с языков.

— Нет-нет, что ты, не надо! — испугался Апрель.

— Ты что, сомневаешься в моих музыкальных способностях? — обиделся друг. — Ну и напрасно! Я отличный звонарь. Специально в Суздаль летал, учился у лучших мастеров.

— Что ты, я совсем не об этом! Просто нас могут

услышать…

— Да кто услышит? Ты же видел — тут ремонт, представлений нет, а время позднее, работяги все уже разошлись…

— Но вдруг кто-то остался?

— А хоть бы и остались — ну и что? Пусть слышат. Спишут на Призрака оперы. Благодаря мне тут почти все уверены, что в Большом и Малом театрах водятся привидения. — Он захихикал. — До чего все-таки смешные эти люди! Верят в каких-то духов, в живых мертвецов…

— Вот именно из-за таких наших шалостей и верят, — буркнул Апрель.

— Ладно тебе, шалим-то все-таки больше не мы, а конкуренты… Ну что, давай я тебе сбацаю, а? Из «Хованщины»?

— Нет, право, не стоит! — Апрель прислонился к стене, любуясь колоколами, которые искренне считал одним из самых удивительных творений человека. Ему так нравились звоны, что, перемещаясь по городам России, он специально заглядывал в монастыри и наслаждался музыкой. Но при этом, конечно, никогда не забывал о главной своей задаче.

— Да брось ты хандрить! — сказал, прерывая паузу, Озорник. Не разговаривать больше пяти

минут ему было просто не по силам. — Ну подумаешь, — он пихнул приятеля в бок, — делов-то — не нашел своего подопечного. Как будто, кроме этого, тут, на Земле больше нечем заняться! Знаешь, теперь, когда мы встретились с тобой, все у тебя пойдет по-другому! Мы будем вместе проводить время и постараемся разнообразить скучную жизнь ангелов на Земле…

— Нет, извини, — покачал головой Апрель. — Мне с тобой не по пути. Если тебе нравится играть в «Призрака оперы» и заставлять уборщиц петь, забросив где-то своего подопечного, — это твое дело. А у меня есть свои дела. Я должен искать нужного человека. Может быть, прямо сейчас он бродит где-то рядом — а я тут теряю с тобой драгоценное время на всякие глупости. Так что пока, может быть, еще увидимся!

И прежде чем его друг успел что-то сказать, Апрель покинул здание Большого театра, вылетев через стену на улицу. А Озорник только грустно посмотрел ему вслед.

Сначала он решил, что все-таки «сбацает» что-нибудь на колоколах, потянулся было к веревкам — но потом остановился и только рукой махнул, пробормотав что-то себе под нос, тоже полетел прочь.

Если бы Апрель знал историю своего друга, наверное, вел бы себя с Озорником совсем иначе. Но он понятия не имел, что у того произошло…

* * *

Двадцать лет назад приятели прибыли на Землю вместе. Им предстояло оберегать души, появившиеся на свет в один год, в один месяц и в одной стране, только в разных областях. Апрель был «командирован» на Урал, а Озорнику выпало отправиться в Москву. Здесь, в одном из старых домов в престижном районе Кутузовского проспекта, и появилась на свет девочка, которой родители дали имя Алина.

С первых дней жизни маленькой Алине удивительно везло во всем. Казалось, она относилась к тем людям, которых называют баловнями судьбы. Ее отец, талантливый молодой предприниматель, владел фирмой по продаже немецкой сантехники, не слишком крупной, но с солидной репутацией и уверенно держащей свои позиции на рынке. Мама Алины получила педагогическое образование и несколько лет проработала учителем русского языка и литературы в гимназии, но после рождения дочки уволилась, решив полностью посвятить себя воспитанию

ребенка. Девочка была не только обеспечена всем необходимым, более того — имела почти все, что может пожелать ребенок в ее возрасте. Папа с мамой, дедушки и бабушки с обеих сторон и многочисленные дяди и тети — все души не чаяли в малышке. Однако при этом, как ни удивительно, Алина не стала ни избалованной, ни капризной, ни эгоистичной. Она росла доброй и чуткой девочкой, жалела всех на свете и готова была помогать каждому, кому, по ее мнению, было плохо.

В два с половиной года Алина уже знала все буквы и цифры, в три с половиной умела читать и считать до ста, к пяти уже сама прочла целую гору детских книжек, а когда в шесть лет и четыре месяца ее привели записываться в школу, учительница сказала, что с таким, как она выразилась, «багажом» малышке будет нечего делать в первом классе — всю программу она уже знает.

Словом, Алина могла бы считаться идеальным ребенком — если бы не была такой подвижной и непоседливой. Энергии в этом маленьком человечке было столько, что ею, казалось, можно было бы бесперебойно снабжать целый район со всеми его жилыми домами, магазинами, школами и больницами. Крошечная Алька начала

ползать гораздо раньше, чем обычные дети, и сначала, еще до года, научилась бегать и только потом, спустя несколько месяцев, ходить как все нормальные люди. Родители, шутя, признавались: «Такое чувство, что у нас не одна дочка, а по крайней мере десяток детей! Она носится по квартире с такой скоростью, что мы не успеваем за ней следить. Только что пыталась покачаться на занавеске в спальне — бац, она уже в кухне и сидит на двухметровом холодильнике. Как только она туда забралась и когда успела?»

Надо ли говорить, что молодой ангел-хранитель обожал свою подопечную не меньше, а может быть, и больше, чем вся многочисленная родня! Конечно, ему хватало забот с Алиной — ведь, если кто-то не знает, именно ангелы так тщательно берегут детей в первые годы их жизни, отводя от них порой такие несчастья, что взрослые только диву даются. Как так получилось, что годовалый ребенок свалился с лестницы и почти не пострадал при этом? А так и получилось, что ангел-хранитель, который, в отличие от взрослых ротозеев, не отвлекается и всегда начеку, успел подхватить малыша. Конечно, бывают и исключения, но они, к счастью, редки. И потому каждый родитель может вспомнить случай (а

то и не один) из детства своего отпрыска, когда тот был в большой опасности и только чудом не пострадал — но он, родитель, как правило, даже не догадывается о том, что обязан спасением малыша его ангелу-хранителю. Пока ребенок мал, его хранитель, только недавно прибывший на Землю отдохнувшим и полным сил, очень тщательно оберегает его. Но потом, со временем, и ангелы устают (они ведь тоже живые существа!) и могут потерять бдительность. Именно об этом и говорит мудрая пословица: «На Бога надейся, но и сам не плошай!»

Итак, Алина обожала подвижные игры и веселые розыгрыши. Вместе со своей подопечной ангел-хранитель с удовольствием изобретал разные безобидные проказы, не уставал благодарить Небеса за то, что ему досталась такая замечательная подопечная, и дни и ночи мечтал о будущем своей Альки — самом прекрасном, самом светлом, самом чудесном будущем.

Шли годы. Из хорошенькой шаловливой хохотушки Алина постепенно превратилась в красивую девушку. Она давно уже не носилась целыми днями взад и вперед по квартире, но по-прежнему любила все, что связано с движением, скоростью, риском, экстримом. Девушка

занималась многими видами спорта, от серфинга до фристайла, гоняла по горам на маунтинбайке и по воде на гидроцикле. На восемнадцатилетие папа преподнес любимой дочке, к ее восторгу, новенький «Харлей». Бедный отец даже не подозревал, чем обернется такой подарок…

С самых юных лет Алина пользовалась большим успехом у мальчиков. Они обрывали ей телефон и постоянно стучались в «телегу», сталкерили ее личные страницы в соцсетях, провожали домой и засыпали цветами просто так, без всякого повода. Долгое время Альку это только развлекало — она не увлекалась парнями, у нее всегда находилось множество других интересов. Но это, конечно, только до поры до времени. Разве можно прожить жизнь без любви? Нельзя, да, наверное, и не стоит… И в один прекрасный день, будучи на третьем курсе института, Алина влюбилась. Влюбилась глубоко, безответно и безнадежно в своего преподавателя Илью Владимировича, старше ее на восемь лет, счастливого мужа и отца новорожденного сынишки.

Алина молча страдала от неразделенной любви, и ангел-хранитель страдал вместе со своей подопечной и уже начал подумывать о том, нет ли способа воздействовать на преподавателя.

Семья семьей, но в жизни бывает всякое… Если Илья полюбит Алину, его жена и ребенок, конечно, пострадают, зато Аля будет счастлива…

Но этим планам не суждено было реализоваться. В Книге Судеб была предопределена другая, куда более трагическая развязка этой истории. Однажды ночью девятнадцатилетняя Алька, томимая сердечной тоской, привычно оседлала свой байк и помчалась на бешеной скорости по подмосковным дорогам. Ей, конечно, и в голову прийти не могло, что каждый раз, когда она это делала, ее сопровождал сидящий сзади ангел-хранитель. Но в тот раз он ненадолго отвлекся, потому что встретил давнюю знакомую — ту самую белокурую Снежинку, которую так часто дергал в школе за косички. Подопечный Снежинки как раз проезжал мимо по тому же шоссе на своем автомобиле — и, конечно же, ангелы, увидев друг друга, остановились поболтать. А Алина на своем мотоцикле помчалась дальше и, сама не зная зачем, свернула с основной трассы на узкую проселочную дорогу.

Было начало октября, ночи уже по-осеннему темные, но деревья пока не сбросили листву. Дорога, огибавшая густой лес, была плохо освещена, и Алина слишком поздно увидела автомобиль,

внезапно появившийся из-за скрытого за лесом поворота. Столкновения было не избежать — и мотоцикл, и машина, пользуясь ночной пустотой на дороге, мчались с огромной скоростью. Автомобиль сильно пострадал, но водитель остался цел. Алина выжила, но состояние ее врачи называли критическим. В Институте Склифосовского, куда ее доставили, сделали все возможное, только вот в сознание она так и не пришла.

Первое время Озорник дни и ночи проводил у постели своей подопечной, хлопотал не меньше, чем безутешные родители Алины, ломая голову, что бы еще предпринять, чтобы спасти девушку. Но шли дни, сливаясь в недели, недели складывались в месяцы — и со временем ему стало понятно, что все его усилия напрасны. Он, ангел-хранитель, уже никак не мог повлиять на ход событий, судьба его подопечной решалась теперь *Наверху*. Врачи говорили, что помочь ей может только чудо, надежды на то, что Алина когда-нибудь придет в себя, у них почти не было. А у Озорника просто не было сил постоянно находиться в больнице около Алины. Глядя на ее безжизненное лицо, которое выглядело таким же бледным, как белоснежное постельное белье, он испытывал сильнейшую боль, которую люди

назвали бы душевной. И оттого часто улетал из больницы, мотался по белу свету, затевал всевозможные проказы и сам себя уверял, что так ему как-то легче было справляться со своим горем.

Если бы Апрель знал об этом, он бы, конечно, повел себя с приятелем совсем по-другому. Но Озорник ничего ему не рассказал. Сам не знал почему. Не рассказал — и все.

Глава 3, в которой ангел Апрель находит ту, кого так давно искал

Вылетев из Большого театра, Апрель остановился посреди тротуара, раздумывая, куда ему отправиться дальше. В другой город, район, страну? Или остаться пока в Москве?

Вечер уже близился к тому моменту, когда еще немного — и его уже можно будет назвать поздним. На окраинах города, в спальных районах, их обитатели к этому часу уже вернулись в свои квартиры, где их дожидались наряженные елки. Люди стряхивали снег с пальто и шапок, переобувались в уютные тапочки, переодевались в домашнее, ужинали картошкой с котлетами и коротали предпоследний вечер года в праздничных хлопотах или в просмотре любимых фильмов. Но в центре Москвы жизнь продолжала кипеть — еще работали магазины, в ресторанах и кафе были заняты все столики, в театрах и концертных залах заканчивались спектакли и рождественские представления.

Он перелетел через улицу и приблизился к

магазину. Близилось закрытие, и из всех дверей выходили элегантно одетые посетители с пакетами в руках и, прячась от снегопада, быстро укладывали покупки в багажники или на задние сиденья авто мобилей. Апрель смотрел на людей, но не упускал из виду и их сопровождающих. К его радости, за большинством из поздних покупателей следовали ангелы-хранители, но немало было среди мужчин и женщин и таких, кто был окружен демонами. У двоих мужчин, молодого и пожилого, вовсе не оказалось сопровождающих — но, как Апрель ни пытался встать перед ними, они не заметили его и прошли мимо.

«Значит, и этот не мой… — привычно отметил про себя ангел. — И этот тоже меня не видит…»

Тут он улыбнулся: из центрального входа показались его давнишние знакомые — юные подружки, нагруженные покупками, точно навьюченные лошадки.

— Ну все, наконец-то выбрались! — сказала та, что поменьше ростом. — Это же надо — столько магазов за один вечер обойти!

— А «уши» мне так и не купили, — сокрушалась та, что повыше.

— Интересно, на что бы мы их купили? Ты еще в ГУМе все деньги слила! Впрочем, не удивлена…

— В онлайне бы купили, так не проще?

— За доставку переплачивать?! Вот еще! Идем уже, а то ноги отваливаются!

И они заспешили в сторону станции метро «Охотный Ряд», а следом за ними заспешили их ангелы — такие же веселые, хорошенькие и модные юные красотки, как и их подопечные. Апрель с удовольствием поглядел им вслед, но когда эта милая компания скрылась из глаз, он опять заскучал и от нечего делать продолжал рассматривать прохожих.

Вскоре его внимание привлекла девушка, облаченная в так называемый «бутерброд» — рекламные щиты с надписью «Новогодние куртки за прошлогодние цены!». Сама одетая в старенькую кургузую курточку с капюшоном, отороченным потертым искусственным мехом, в изрядно потрепанные дешевые джинсы и холодные осенние ботинки, она бродила по улице туда-сюда и нервно поглядывала на часы. Порою она вертелась столь усердно, что не было никакой возможности прочесть текст ее рекламных щитов. Она тоже была *одна,* никто из служителей высших сил, ни Светлых, ни Темных, не сопровождал ее. С присущей ангелам способностью понимать чувства людей и сопереживать им, Апрель тут же

догадался, что девушка очень устала и замерзла, что день был тяжелым и что теперь она ждала сообщения от проверяющего, который должен был отпустить ее, и надеялась, что в честь праздника ей разрешат уйти пораньше, но этого — увы! — не произошло.

Девушка неторопливо дошла до Малого театра, потом так же медленно вернулась, остановилась у перехода, сердито потерла ладонью вздернутый носик, увидела, что для машин загорелся желтый свет, и, не дожидаясь, пока на светофоре для пешеходов появится зеленое изображение идущего человечка, шагнула на мостовую. Но как раз в этот момент с Петровки в сторону Театральной площади мчался на предельно допустимой скорости черный внедорожник. Его водитель, видно, решил, что успеет проскочить на желтый сигнал, но не рассчитал и оказался на переходе одновременно с девушкой, едва не задев ее крылом. И все же она заметила его поздно и сама налетела на машину. Удар был несильным, однако девушка отпрянула назад и, то ли не удержав равновесия, то ли поскользнувшись, неловко упала на тротуар. Попыталась подняться, но рекламные доски, висевшие у нее на груди и спине, помешали ей это сделать. А тут еще правый ботинок за

скользил по льду, щит потянул ее назад, и девушка вновь растянулась на снегу.

— Ну чего уставился? — прикрикнула она на наблюдающего за этой сценой ангела. — Нет чтобы помочь!..

— Вы это… мне? — Апрель не поверил своим ушам.

— Да тебе, тебе, кому же еще!

— А вы что же… видите меня?

— А я что — слепая, по-твоему?

— Этого не может быть… — Он был ошеломлен.

— Идиот! — сердито отвечала девушка, которой все-таки удалось встать на ноги. — Ну просто полный кретин!

Тем временем владелец внедорожника решил все-таки посмотреть на потерпевшую. Машина притормозила и дала задний ход. Владелец приоткрыл затемненное окно, высунулся, услышал слова девушки и, разумеется, принял их на свой счет — ведь он же не видел стоящего рядом с ней ангела.

— За языком следи! — рявкнул он. — Сама виновата, нехрен под колеса лезть!

— Козел! — выкрикнула в ответ девушка, уже явно обращаясь к хозяину машины, а не к Апре-

лю, и, сорвав свой «бутерброд», со всей силы шарахнула им по блестящему капоту автомобиля. — Все вы козлы!

— Вот блин, что же ты делаешь! Только позавчера машину купил, а ты ее уже поцарапала! Ну-ка, ребята, разберитесь с ней!

После этой команды задние дверцы автомобиля одновременно распахнулись и оттуда выскочили два очень похожих друг на друга, точно сиамские близнецы, коротко стриженных бугая.

Девушка, мигом оценив сложившуюся обстановку и поняв ее опасность, отшвырнула свой «бутерброд», бросилась бежать и влетела в первую попавшуюся дверь — центральный вход ЦУМа. Она буквально смела со своего пути парочку выходящих из магазина покупателей. Те посетители, которым повезло с ней разминуться, оказались уже окончательно сбиты с ног догонявшими беглянку качками. А на все это изумленно глядел Апрель, который никак не мог прийти в себя от потрясения.

— Ну что ты застыл? — услышал он за спиной знакомый голос. — Бежим скорее за ними, а то пропустим самое интересное!

— Понимаешь, она меня видела… — только и мог сказать ангел.

— Она? Эта курносая девочка? Да ты что? — оторопел Озорник. — Тогда тем более не стой столбом!

— Конечно, ей же надо помочь! — запоздало сообразил Апрель.

Последние покупатели и завершающие работу продавцы ошеломленно наблюдали, как по первому этажу, лавируя между сверкающими витринами, вихрем промчалась группа людей. Впереди сломя голову летела курносая девчонка, за ней неслись два здоровенных амбала, а за ними несколько охранников ЦУМа, которые оживленно переговаривались на ходу. Но никто, ни один человек, не догадался о том, что замыкали эту процессию еще двое — два молодых ангела.

Сначала девушке повезло, оказавшись в центре первого этажа, она догадалась завернуть за елку и метнулась в отдел, где продавали новогодние украшения. Остановившись у витрины, она сделала вид, что выбирает игрушки, а сама тем временем переводила дыхание и судорожно пыталась сообразить, что делать дальше. Преследователи не заметили ее и проскочили мимо, но появившиеся следом два охранника — в разных костюмах, но одинаковых галстуках — остановились недалеко от нее с другой стороны елки.

— Ну и где? — спросил тот, что поплечистее.

— Не вижу, — отвечал другой.

— Не видишь, потому что слепой! — рявкнул первый. — Вон они, смотри, за угол заворачивают.

— Там только мужики, а девка?

— На месте разберемся! Не тупи, давай за ними!

Девушка облегченно вздохнула. Кажется, опасность миновала. Но тут…

— Извините, отдел закрывается! — улыбнулась ей продавщица. — Десять часов. Приходите завтра.

Завтра! До этого завтра еще надо было дожить!.. А если она сейчас столкнется со своими преследователями, ее шансы дожить до завтра и остаться целой и здоровой резко уменьшатся.

Надвинув пониже капюшон, она осторожно вышла из-за елки и, стараясь двигаться как можно увереннее и беззаботнее, быстро направилась к выходу. Первый этаж магазина уже опустел, усталые продавщицы приводили в порядок полки и стенды. Девушка прошла уже почти половину пути, когда услышала крик: «Вон, вон она! Держи ее!»

Вот ведь не повезло! Все-таки увидели!..

Инстинктивно она бросилась в противоположную сторону и чуть не наткнулась на того блондина в черном пальто, что так по-дурацки таращился на нее на улице.

— Наверх! — коротко сказал он, кивая на уже

остановленный эскалатор. И она, не раздумывая, рванула наверх со всех ног, перескакивая через две ступеньки.

Добежав не то до третьего, не то до четвертого этажа, она остановилась. Здесь уже было совсем пусто — ни продавцов, ни даже охранника, обычно дежурящего у эскалатора. Рядом находился бутик, где шла распродажа зимней коллекции, и девушка, за неимением лучшего, сочла его подходящим укрытием. Подбежала к стоящей у стены вешалке с меховыми манто и спряталась за висящими на плечиках вещами. Авось не заметят…

В щелочку между двумя длинными шубами ей было видно, как на этаже сначала появился все тот же блондин, поглядел прямо в ее сторону, более того, подошел почти вплотную, но под вешалку не полез, просто встал рядом. Из своего укрытия она смогла наконец как следует его рассмотреть и осталась вполне довольна увиденным. С виду очень симпатичный, длинные волосы ему идут, и одет прилично… Вот только что ему надо от нее? Только очередного маньяка не хватало. Но обдумать эту мысль до конца девушка не успела. У самого бутика появились ее преследователи, и она замерла от ужаса, стараясь даже не дышать.

Ей было очень страшно, но к страху примешивалось и другое, вроде бы совсем неуместное в данной ситуации чувство — любопытство. Почему-то очень было интересно узнать, как поведет себя блондин. Выдаст ее? Или, наоборот, заступится, если вдруг ее поймают? Однако блондин просто стоял и смотрел, и бугаи не обратили на него никакого внимания, а один из них даже сказал:

— Здесь вроде тоже никого нет?

Но второй ответил:

— А может, спряталась. В шмотках поищи!

Они стали оглядывать вешалки и вскоре подошли совсем близко. Девушка зажмурилась и пожалела, что не знает ни одной молитвы. Вот сейчас ее обнаружат, вот уже…

Но тут раздались голоса, шум, топот, в зал вбежало сразу несколько охранников магазина, и один из них, видимо старший, потому что был одет не в светлый, а в темный костюм, строгим голосом сказал:

— Попрошу вас немедленно покинуть помещение!

— Спокойно! — выставил ладонь один из качков. — Мы ничего плохого не делаем. Ща дуру эту отыщем и уйдем.

Но тот, что в черном костюме, был непреклонен. После недолгой, пусть и относительно вежливой, но все же перепалки, качков вывели, и в зале остались только блондин, так и не сдвинувшийся с места во время всего этого базара, и двое охранников. По голосам она узнала тех, кто разговаривал около елки.

— Пойдем-ка вон туда! — сказал один из них.

И они медленно двинулись по залу… прямо к ней.

Что было делать? Выскакивать и снова бежать? Нет, это было бы еще большей глупостью. Тут кругом охрана, камеры наблюдения… Ее сразу же поймают! И девушка лишь сжалась в комочек в своем укрытии, повторяя про себя:

«Господи, помоги мне! Господи, ну пожалуйста, ну сделай что-нибудь!»

И тут произошло нечто очень странное. Симпатичный блондин в черном пальто, который до этого стоял и смотрел, точно ему тут кино показывали, вдруг решительным шагом подошел сзади к охранникам и положил им руки на плечи.

«Псих! — подумала девушка. — Или он их начальник? Нет, не может быть начальник такой молодой…»

Самым удивительным было то, что охранники

вообще никак не отреагировали на его жест. Они словно вообще не замечали ни юноши, ни его ладоней, лежащих на своих плечах, продолжали движение и вскоре подошли к соседней вешалке. Один из них протянул руку и раздвинул одежду.

— Гляди! — вдруг сказал охранник своему напарнику, указывая на осеннее пальто ярко-желтого цвета. — Вроде брендовая вещь, а выглядит подозрительно. Ткань для этого фасона тяжеловата, линии идут не так, и цвет надо бы не столь яркий… Да и украшение это здесь совершенно ни к чему…

— Ты чего, сдурел? — недоуменно вылупился на него второй. Блондин, так и не снявший ладоней с их плеч, стоял сзади и, то и дело поворачивая голову, переводил взгляд с одного на другого, точно следил за теннисным мячиком при игре в пинг-понг.

— Нет, просто я всегда хотел стать дизайнером одежды, — мечтательно сказал тем временем первый охранник. — Думаю, я бы создавал модели не только красивые, но и практичные. Чтобы их можно было не только на подиуме показывать, но и каждый день надевать… — Он помолчал, а потом добавил: — Знаешь, а я, пожалуй, все-таки этим займусь! Еще ведь не поздно, мне всего-то

двадцать девять лет… Подучусь немного, да и открою свою фирму.

— Ну пойдем, мы свое дело сделали. Было сказано — два парня, двух парней и вывели, дело сделали…

Они развернулись и направились в сторону лестницы, пройдя прямо рядом с блондином, но снова даже не поглядев на него.

Вскоре после их ухода на этаже приглушили свет. В бутике стало полутемно — он теперь освещался только с улицы, отсветами окон, фонарей и рекламных вывесок.

Проводив взглядом охранников, блондин подошел к ее вешалке, раздвинул одежду и улыбнулся:

— Ну здравствуй! Вот мы и встретились.

Девушка ошарашенно смотрела на него, не шевелясь.

— Это что еще такое было?! — спросила она требовательно.

Блондин молча протянул ей руку. Поколебавшись, бегунья вложила свою напряженную ладонь в его, оказавшуюся неожиданно приятной на ощупь. Разминая затекшее от неудобной позы тело, она несколько секунд недоуменно глядела на него, а потом выпалила:

— Что тут произошло, ты можешь мне объяснить? Кто ты такой? Что ты сделал? Почему они вели себя так, будто тебя здесь вообще нет? Что это за бред про модельеров?

Блондин скрестил руки на груди и улыбнулся.

— А для них меня здесь и правда нет, — спокойно проговорил он. — Кроме тебя, никто не может меня увидеть. Ну, почти никто.

— Ага. Человек-невидимка. Так я тебе и поверила… Хорош гнать, а?

— Я тебя не гоню. Я не невидимка. И, как тебе ни трудно будет в это поверить, вообще не человек.

— Ну хватит уже! — повысила голос девушка. — Не смешно совсем!

Блондин приложил пальцы к ее губам. Ладонь его была приятно прохладной, а прикосновение — каким-то удивительно легким, точно ее рта коснулись крылья бабочки или какой-нибудь маленькой птички.

— Тсс… Не кричи, пожалуйста, тебя услышит охрана. — Он повернулся в сторону и раздраженно сказал кому-то: — Слушай, помолчи! Я сам разберусь, ладно?

Девушка проследила за его взглядом.

— С кем ты разговариваешь?

— С моим другом.

— Тут, кроме нас с тобой, больше никого нет.

— Есть. Мой приятель по прозвищу Озорник. Он стоит вон там, около кассы. Просто ты не можешь его видеть.

Девушка нахмурилась, а потом ее лицо озарилось догадкой. Она покачала головой и проговорила с сожалением:

— А, я все поняла. Ты просто сумасшедший. Как жалко…

Ей и вправду было очень жаль. Юноша ей очень понравился. Она с удовольствием стала бы встречаться с таким парнем, если бы познакомилась с ним при других обстоятельствах. Но он — увы! — оказался ненормальным. Нес какую-то околесицу, разговаривал с кем-то… Ей опять, в очередной раз, не повезло. Ну почему, почему вся ее жизнь состоит из провалов и неудач?

Девушка в последний раз с сожалением поглядела на блондина и осторожно, бочком, стала продвигаться к выходу. Жаль его, конечно, но сейчас не до сантиментов, нужно подумать, как выбраться отсюда. Оставаться в пустом зале магазина наедине с психом просто опасно. Вдруг он, несмотря на свою привлекательность, окажется маньяком? Где-то она слышала, что у маньяков часто бывает весьма приятная внешность, оттого

жертвы им и доверяют… Нет, надо выбираться отсюда, и как можно скорее! Хотя перспектива встречи с охраной тоже совершенно не прельщала… На выходе ее обязательно остановят — и что она им скажет, как все объяснит? Чем оправдает свое присутствие в магазине после закрытия? Конечно, ей не поверят и просто так не отпустят. И что ей за все за это будет? Оштрафуют? Денег у нее с собой вообще нет, от обеда осталось в лучшем случае семь сотен… Или, возможно, даже посадят? Господи, какой кошмар! А что можно придумать? Опять спрятаться здесь, где-нибудь в примерочной, досидеть до утра, а потом тихонечко выбраться? Нет, не выйдет ничего из этой затеи. Тут кругом камеры наблюдения, наверняка несколько раз за ночь устраивают обходы. Да еще этот маньяк…

— Успокойся, пожалуйста! — Блондин ласково глядел на нее, и голос его звучал очень убедительно. — Больше не надо прятаться, никто тебя не схватит и ни в чем не обвинит. Не бойся ничего, теперь с тобой все будет в порядке. И я ника кой не маньяк, я буду помогать тебе.

«О Господи, да он что, мысли читает?!»

— Нет-нет, я пойду, мне пора!

— Никуда тебе не пора. Ты же без меня отсюда

не выйдешь! И вообще, как я понимаю, тебе и идти-то особо некуда…

Он сделал шаг к ней, но девушка в испуге отпрянула:

— Не подходи!

— Да не бойся же ты меня! — с досадой воскликнул блондин. — Я не сделаю тебе ничего плохого. Как же мне убедить тебя, как доказать, что я не маньяк, не псих?.. А, знаю!

Блондин подбежал к одному из зеркал около примерочных и поманил ее к себе.

— Подойди сюда!

Она заколебалась. Здравый смысл подсказывал, что слушаться его не стоит, но сердце говорило обратное. Рядом с блондином ей почему-то было очень хорошо, на удивление спокойно, и уходить от него совсем не хотелось. Где-то в глубине души, шестым чувством она верила в то, что он действительно не причинит ей зла. И, поразмыслив еще с минуту, девушка подчинилась и приблизилась к нему.

— Посмотри! Что ты видишь? — спросил он, показывая на зеркало.

Она нехотя заглянула в темное стекло. В полумраке — ведь зал освещался только светом с улицы — она смогла разглядеть ряды вешалок

с одеждой, манекенов, наблюдавших за ними, как немые свидетели, и, конечно, саму себя — растрепанную, в сбившейся набок куртке, с перепуганным лицом и вытаращенными глазами. Да еще этот курносый нос, который ей так не нравился… В общем, так себе зрелище. Но самое главное было не в ней, а в том, что блондина, который, как она точно знала, стоял рядом с ней и указывал на отражение, в зеркале не было. Все было — а его не было.

— Видишь? Скажи мне, ты видишь там *меня?*

— Нет, не вижу… Это какой-то фокус? Как ты это делаешь?

— Да нет же, никакой не фокус!

Он потащил ее к другому зеркалу, к третьему, четвертому, благо уж чего-чего, а зеркал в магазине было предостаточно. Все они — и большие, и маленькие — беззастенчиво указывали девушке на ее малопривлекательный вид, но отражения блондина ни в одном не появилось.

«Ну дела! Да, Настька, ну ты и попала…»

Озаренная страшной догадкой, она в ужасе шарахнулась в сторону.

— Ты что? Вампир, да? А ну открой рот!

Блондин только вздохнул и в изнеможении прислонился к стене.

— Хочешь посмотреть, нет ли там клыков? Нет. Не волнуйся, Настя, я не вампир.

«Еще того не легче!»

— Настя? Откуда ты знаешь мое имя?

— Ты мысленно сама себя так назвала. А я услышал.

— Так кто же ты такой, если умеешь читать мысли? Может, инопланетянин?

— Ох, сколько же у вас, людей, мусора в голове, — с еще более тяжелым вздохом проговорил блондин. — Нет, Настя, я не инопланетянин, не вампир и не пришелец из будущего… Сейчас я тебе все объясню. Только, может, ты присядешь? Нам предстоит долгий и серьезный разговор.

Настя с тревогой оглянулась по сторонам.

— Послушай, у тебя точно все в порядке с головой? Как ты себе это представляешь? Мы усядемся тут, посреди бутика, и будем неторопливо беседовать за жизнь? Сюда же в любую минуту могут нагрянуть охранники — и тогда ни тебе, ни мне не поздоровится!

Но молодой человек только улыбался в ответ на ее возмущение и тревогу.

— Я же сказал, что со мной ты можешь ничего не бояться. Теперь, когда я рядом, никто тебя не обидит и с тобой ничего не случится.

Если рассудить здраво, то эти слова были полной чушью… Ну просто-таки совершеннейшей ахинеей, бредом сумасшедшего. Но при этом… При этом, положа руку на сердце, разве это были не те самые слова, о которых в глубине души грезит каждая женщина? Разве найдется на всем белом свете хоть одна представительница прекрасного пола, не мечтающая о том, чтобы рядом с ней был мужчина, который говорил бы такие слова (ну и, разумеется, о том, чтобы эти слова не расходились с делом и не оказывались пустым сотрясением воздуха)?

Словом, Настя послушалась. И опустилась на маленький кожаный пуфик для примерки обуви. Блондин сделал то же самое и придвинулся к ней совсем близко. От него веяло приятной прохладой, точно легким ветерком в жаркий день, и пахло чем-то удивительно свежим и нежным — то ли весенними первоцветами, то ли летним дождем.

— Выслушай меня… — тихо проговорил он. — Я понимаю, ты уже взрослая и тебе трудно в это поверить… Но ты должна знать. Дело в том, что я… я твой ангел-хранитель.

Настя фыркнула. Она ожидала чего угодно, только не этого.

— Ты говоришь какую-то ерунду. Никаких ангелов на самом деле не бывает, это все сказки!

Юноша посмотрел на нее и вдруг расхохотался, весело и заразительно.

— Настя, милая, ты только послушай себя! Ты готова была поверить в любой вздор — что я покойник, встающий по ночам из гроба, чтобы пить кровь, что я житель какой-нибудь дальней галактики… Но когда говорю тебе правду — ты вдруг заявляешь, что меня не бывает!

Он снова повернулся куда-то в сторону и, неожиданно резко сменив тон, недовольно проговорил:

— Ты можешь оставить меня в покое хоть на пару минут? У нас с Настей важный разговор, а ты мешаешь.

И снова девушка пришла в недоумение:

— С кем ты все разговариваешь?

— Я тебе уже говорил, тут мой приятель, тоже ангел, которого ты не можешь видеть… Хотя постой! Еще как можешь!

Он склонился к висевшей у него на правом боку пузатой коричневой сумочке, повозился с замком, открыл и вынул маленький горящий фонарик. Странный это был фонарик — древний, шестигранный, подобный тем, которые изобра-

жают на картинах висящими на какой-нибудь карете. И, что еще удивительнее, он горел. По залу разлился нежный серебристый свет.

— Смотри сюда!

Настя с любопытством взглянула — и вдруг увидела, как из темноты в луче фонаря вдруг проступило чье-то лицо, казалось, висящее в воздухе, — кудрявые волосы, блестящие глаза, румяные, как у ребенка, щеки… Обладатель лица зажмурился и закрылся от света узкой ладонью с длинными пальцами. В свете луча сверкнули серебряное колечко на мизинце и сережка в ухе.

— Ой, ну не надо, я так этого не люблю! — раздался недовольный голос.

Но блондин нарочно поднес фонарь поближе, и Настя смогла разглядеть между двух манекенов полупрозрачную фигуру юноши в футболке, джинсах, рваных на коленях, и кедах.

— Ну все уже, все, прячь! Хватит, она уже на меня налюбова… — Речь прервалась на полуслове, поскольку блондин послушался и убрал свой фонарик. Серебристый свет исчез, а вместе с ним пропал и голос.

— Знаешь, твой друг совсем не похож на ангела, — заметила девушка, пытаясь совладать с внутренним смятением. — Скорее на студен-

та… Кстати, а почему ни у тебя, ни у него нет крыльев?

— Как тебе сказать… Крылья у нас, вообще-то, есть, но на Земле мы чаще всего обходимся без них. Не носим их, как сказали бы люди. Тут они только мешают.

— Жаль… Слушай, а ты можешь мне показать свои крылья?

— Мне чудится или ты действительно начинаешь мне верить? — улыбнулся блондин.

— Сначала покажи крылья! — потребовала девушка.

— Хорошо, как скажешь.

Он встал, медленно развернулся на сто восемьдесят градусов — и, к своему изумлению и восторгу, Настя увидела, что у него за спиной и впрямь появились два роскошных крыла, пушистых и белоснежных.

— Здорово! — восхищенно проговорила она. — Как в кино. Или как на картинах… Точь-в-точь.

— Ничего удивительного, — пожал плечами юноша. — Ведь художники, поэты и все остальные творческие люди не выдумывают наши образы из головы, а воплощают их с натуры.

— Как это? Они видят ангелов?

— Вообще-то, у нас такое не поощряется… Осо-

бенно последнее время, раньше было не так строго. Но некоторые из нас не лишены тщеславия и любят иногда попозировать… Так что же — ты наконец поверила мне?

— Кажется, я тебе верю… — нерешительно ответила Настя.

Она помолчала, подумала с минуту — и тут же накинулась на собеседника с вопросами:

— Но откуда же ты взялся? Почему я никогда не видела тебя раньше? Да что там не видела — знать не знала, что ты у меня есть? Бабушка говорила мне, что у каждого человека существует свой ангел-хранитель, но мне и в голову не могло прийти, что его можно увидеть вот так, невооруженным глазом!

— Понимаешь, — принялся объяснять блондин, — у нас с тобой все вышло совсем не так, как обычно бывает. Как правило, мы, ангелы, встречаемся с душой, которую призваны охранять, едва только ее обладатель или обладательница появятся на свет. Но мы с тобой встретились только сейчас — так уж получилось… Поэтому ты видишь меня. Обычно человек может видеть ангелов — не только своего хранителя, но и всех остальных, — пока он безгрешен. Однако стоит ему совершить первое зло — и он теряет такую

способность.

— Значит, и я перестану тебя видеть, как только сделаю что-то плохое? — Настя сама удивилась, как вдруг огорчило ее это предположение.

— Да, скорее всего, ты перестанешь видеть меня, — отвечал Апрель.

— Ну вот! — шутливо надула губы девушка. — Как всегда… Только получишь что-нибудь хорошее — и тут же отбирают. Зачем ты мне это так сразу сказал? Придумал бы что-нибудь, чтобы меня не расстраивать…

Блондин покачал головой:

— Ангелы не могут обманывать… Даже с самыми добрыми намерениями. Но ты помни, что независимо от того, видишь ты меня или нет, я всегда нахожусь рядом.

— Ну тогда ладно… — Она прислушивалась к своим чувствам и недоумевала. Не было уже ни потрясения, ни шока, ни удивления. Как будто к ней до этого каждый день являлись ангелы-хранители. — И что же будет теперь, когда мы встретились?

— Теперь я постоянно буду с тобой, — повторил он и улыбнулся с такой нежностью, что у Насти потеплело на душе. — Буду беречь, заботиться, помогать твоим желаниям исполняться и охра-

нять от Темных сил.

— И желания будешь исполнять? — Девушка вопросительно подняла одну бровь (этот прием она разучила специально еще в школе и считала его очень эффектным). Все это было так чудно, так нелепо, но все-таки она уже не сомневалась ни в одном его слове. — Как золотая рыбка или джинн из бутылки?

— Нет, я не джинн из бутылки и не буду творить чудеса. Но постараюсь сделать все, чтобы ты была в безопасности и чтобы тебе сопутствовала удача.

— Ну хотя бы шубу теплую ты мне можешь обеспечить? — То, что происходило, нравилось ей все больше и больше. — А то я так мерзну в этом старье…

— Сию минуту — вряд ли. Все-таки мы, ангелы, отвечаем за душу человека, а не за его гардероб, — отвечал блондин. — Но я похлопочу, чтобы тебе повезло, например, с работой. Тогда через некоторое время ты сможешь заработать столько, сколько нужно, и купить себе то, что захочешь.

Настя задумалась:

— Я бы предпочла, чтобы мне ее подарили. И сейчас. Но ладно, пусть хотя бы так… Тогда расскажи, что ждет меня впереди!

— А что ты хочешь услышать?

— Ну все, что меня ожидает. Когда я выйду замуж, за кого и сколько раз буду замужем, будет ли у меня своя квартира, а лучше свой дом, машина, поездки за границу?

— Боюсь, тут я не сумею ничем тебе помочь, — проговорил ее собеседник. — Мы не можем знать будущего — ни своего, ни своих подопечных.

— Жаль…

— И тем не менее это так. Я пока почти ничего о тебе не знаю — ни будущего, ни прошлого. И очень хотел бы, чтобы ты рассказала мне о себе.

— А, это всегда пожалуйста! — Девушка поудобнее устроилась на пуфике. — Хотя, собственно, рассказывать-то особо и нечего. Меня зовут Настя, Федотова Анастасия Николаевна, мне девятнадцать лет. Родилась я в городке Садовый, это на Урале, в Челябинской области… Что с тобой?

— Садовый! — воскликнул ангел. — Так вот оно что! А я-то искал тебя в Луговом! Неужели кому-то в Канцелярии эти названия показались похожими и он их перепутал? Скажи, ты ведь родилась в апреле?

— Да, девятнадцатого апреля две тысячи третьего года, а что? — удивленно отвечала Настя, которая ничего не поняла из его предыдущих

слов.

— Ну, конечно, все сходится! — закивал блондин и тотчас спохватился: — Извини, я перебил тебя… Пожалуйста, рассказывай дальше.

— Рассказываю. Мама работает на почте, папа — фельдшер на «Скорой помощи», только они развелись давно… Я окончила школу — хорошо, между прочим, окончила, только с тремя четверками. Поступила в Челябинскую государственную академию культуры и искусств, на факультет «книжного бизнеса, документоведения и музееведения». Хотела на «театр, кино и телевидение» или хотя бы на «исполнительский» — но туда разве же пробьешься? Я и на свой-то факультет с трудом попала…

— Ты мечтала стать актрисой, да? — понимающе спросил ангел.

— Ну да, актрисой или моделью.

— Моделью чего?

— Э-э-э, человека. Ну, как бы тебе объяснить? Знаешь, такие красивые девушки, которые снимаются в рекламах, фотографируются для журналов, участвуют в показе мод?

— А, я понимаю, о чем ты говоришь.

— Моделью быть здорово, — словно рассуждая вслух, продолжала Настя. — Но актрисой все-таки

лучше. Модели быстро выходят в тираж: стоит им чуть-чуть состариться — и они уже никому не нужны. А артистки и пожилые могут в кино сниматься…

Блондин слушал внимательно и глядел на нее с нежной и радостной улыбкой. Так, наверное, смотрят родители на своих карапузов, когда те делают первые шаги или произносят первое слово. Наверное, в каком-то другом случае Насте такой взгляд показался бы странным — но сейчас все было совсем по-другому. Давно она уже не чувствовала себя так хорошо. И хотелось вечно сидеть в полумраке зала роскошного магазина (раньше она и заходить-то сюда стеснялась, нечего тут делать с такой, как у нее, крошечной зарплатой!) и рассказывать, рассказывать… Чтобы он был рядом, слушал и вот так на нее смотрел.

— А я ведь и правда могла бы стать артисткой! — не удержалась девушка. — У меня есть способности, все говорят. Я в драмкружке занималась… А еще танцую неплохо и пою… Я на «Нотр-Даме» выросла, и на «Мулен Руж» тоже! Ты не представляешь, как мне хотелось бы сниматься в кино или играть на сцене!.. Здесь, в каком-нибудь известном московском театре…

Ах, как бы я играла! Но об этом, конечно, даже мечтать без толку… — Настя вздохнула. — Итак, на чем я остановилась?

— На том, что ты поступила в академию.

— Ах да… — При воспоминании об этом Настя досадливо поморщилась.

— Что же ты замолчала? Тебя выгнали из института?

— Нет, не выгнали. Я сама оттуда ушла! — Резко отрезала девушка.

— Почему? — поинтересовался ангел.

— Как тебе сказать… Захотелось другой жизни, понимаешь? Яркой, интересной… А там… Ну что там может быть хорошего? Ну окончила бы я вуз — а что дальше? В общем, сдала я весеннюю сессию, забрала документы — и рванула в Москву. Пробовала поступать в ГИТИС и во ВГИК, на актерское, но провалилась, конечно.

— И что?

— Да ничего! — Настя сердито потупилась. — В модели, тоже не пробьешься. Сколько я ни ходила по всяким объявлениям — все бесполезно. Чтобы чего-то добиться, нужно или спать со всеми подряд — а я себя не на помойке нашла! — или иметь богатого покровителя. А где его взять?

— И что же ты решила? — с любопытством

расспрашивал он.

— А что я могу решить? Знаю одно — домой, в Садовый, я возвращаться не хочу! Работать в библиотеке, выйти замуж за Андрюху из соседнего подъезда, нарожать детей, ютиться всей семьей в малогабаритной квартирке и до самой смерти нуждаться и считать копейки? Нет, такая жизнь совсем не для меня! Я хочу совсем другого — чтобы дом шикарный, двухэтажный, с бассейном, машина собственная, а не только у мужа, чтобы полный шкаф обуви и одежду менять каждый сезон… Ну чем я хуже тех девчонок, которые так устраиваются, выходят замуж за богатых и селятся на Рублевке?

Ангел не отрывал взгляда от своей подопечной. Она буквально преобразилась, глаза ее сияли, лицо светилось мечтательной улыбкой.

— Знаешь, — доверительно продолжала Настя, — я сегодня целый день ходила с этим дурацким «бутербродом» по улице и представляла, что я актриса, которая сыграла лучшую роль в кино, и теперь ей вручают «Оскара». Вот какой-нибудь известный режиссер называет мое имя — и я поднимаюсь на сцену. Вокруг пресса, телевидение, вспышки камер… В зале шикарная публика, сплошные звезды, на мне какой-нибудь

роскошный наряд, вот как здесь продают, дорогие часы, украшения… Причем не взятые напрокат украшения, а собственные, мне их целыми кучами дарят поклонники — олигархи, политики, знаменитые актеры и режиссеры… Все они по уши в меня влюблены, все у моих ног и умоляют меня выйти за них замуж — а я пока еще не решила, кого из них выбрать.

— По-твоему, все бизнесмены и известные актеры — сплошь холостяки? — улыбнулся ангел.

— Да подумаешь! Я их разведу!

— Разве это хорошо? Ты же сделаешь несчастными их жен и детей! Знаешь, сколько я встречал ангелов, у которых… — начал было Апрель, но Настя сердито перебила его:

— Я что-то не пойму — ты мой ангел-хранитель или воспитатель в детском саду строгого режима? Ты меня беречь будешь или морали мне читать?

— Я просто хотел уточнить, — стушевался он. — Значит, ты хочешь встретить состоятельного человека, полюбить его, выйти замуж…

— Господи, да какой же ты наивный! При чем тут любовь?

— Неужели ты готова жить без любви? Ведь это почти то же самое, что без души!

Под его осуждающим взглядом девушка немно-

го смутилась:

— Нет, разве я против… Если мне встретится богатый человек, которого еще и полюбить можно будет, — это же прекрасно! Я раньше так мечтала о любви!.. Очень хотелось, чтобы он был блондином и чтобы Алешей звали… Мне так нравится это имя — Алексей, Алеша…

— А сейчас? Сейчас уже не мечтаешь?

— Сейчас, наверное, уже нет. Это я дома, в родном городе, такая наивная была, глупая… А тут, в Москве, пришлось повзрослеть. Здесь я многое поняла. Этой самой любви, наверное, почти и не бывает на свете…

— Разве? — тихо спросил ангел. — Неужели ты никогда не влюблялась?

— По-настоящему, наверное, нет, — подумав, призналась Настя. — В средней школе мне очень нравился один мальчик, Сережа Яшин, он самый красивый был в классе и очень умный, но не подумай, совсем не ботан, наоборот! Дзюдо занимался, в компьютерах шарил… По нему все девчонки с ума сходили. Он сразу же после школы в университет поступил, в Новосибирске, кажется… Но с ним у нас ничего не было. Вообще ничего, представляешь? Даже не целовались ни разу! А потом, уже в старших классах, я стала встречать-

ся с другими парнями. И в институте… С Вовкой Гаськовым, с Сашкой Рассадиным, с Аликом… Но все-таки это была не любовь, понимаешь?

— Понимаю.

— А тут, в Москве, никого не было. Вернее, был один, но это не считается… Даже вспоминать не хочу! В общем, получается, что я еще никого не любила…

Она снова немного помолчала, занятая своими мыслями.

— Знаешь, мне с тобой почему-то так легко, — продолжила девушка после паузы. — Как с хорошей подружкой. У меня уже очень давно не было близкой подруги, которой можно было бы все рассказать, поделиться, как это в журналах называется, женскими секретами… Ты хочешь, чтобы я делилась с тобой женскими секретами? Ой, да ты покраснел! Никогда бы не подумала, что ангелы умеют краснеть!

— Настя, а где ты живешь? — торопливо спросил ангел.

Настя загрустила:

— Да черт-те где… Ой, извини! Наверное, тебе неприятно, когда при тебе поминают чертей, да?

— В общем, да…

— Хорошо, больше не буду. Я хотела сказать —

живу в какой-то дыре. Некоторое время я классно так жила, мы с подружкой у одной женщины комнату снимали, хорошая такая женщина была, добрая, подкармливала нас все время и брала недорого, по две с половиной тысячи с каждой… У меня тогда и работа была приличная, промоушен, знаешь, ходили такие с девчонками по улицам и бесплатно раздавали прохожим новые журналы. Но потом у нашей хозяйки сын из армии вернулся — нас и попросили съехать. А в журнале рекламная акция к тому времени уже закончилась. Так я и осталась — без работы, без денег и без жилья. Ужас! Ты не представляешь, как мне было тяжело. Хоть на панель иди!.. На работу не устроишься, везде регистрацию требуют, а у меня ее, конечно, нет. А комнату снять — денег нет, сейчас дешевле чем за десять тысяч ничего приличного не найдешь… Страшно вспомнить, где я только не жила! И на вокзалах ночевала, и того похуже…

— А сейчас?

— Сейчас угол снимаю у бабки-алкашки. У нее двушка в Печатниках, так она пустила в одну из комнат жить меня и еще одну женщину, Зарему, она на рынке торгует. Через Зарему я эту работу-то и нашла, ну, «бутербродом» в одной фирмочке.

У них там никто долго не держится — зима же, холодно, а платят гроши… Меня на восемнадцать тысяч взяли, правда, обещали потом повысить до двадцати… Я сегодня первый день работала — похоже, и последний, — грустно усмехнулась девушка. — Как подумаю, что со мной теперь будет…

— Всегда надо надеяться на лучшее! — попытался поддержать ее Апрель. — Не забывай, что с тобой теперь рядом я, твой ангел-хранитель!

— И что? — с иронией спросила Настя. — От этого у меня сразу появятся квартира и деньги? Да не смеши!

— Нет, конечно, сразу не появятся. Я ведь уже говорил тебе, что нам не разрешено творить чудеса — разве что в исключительных случаях…

Настя кокетливо покосилась на него:

— А разве наша с тобой встреча — это не исключительный случай?

— Исключительный, — кивнул ангел. — Я могу позволить себе совершить небольшое волшебство… В качестве подарка. Но учти, это будет первый и последний раз!

У девушки загорелись глаза:

— Волшебство? И что же это будет?

Апрель поднялся и встал перед ней.

— Это будет сюрприз! — торжественно проговорил он.

— Обожаю сюрпризы! — захлопала в ладоши Настя.

— Тогда подожди меня здесь. В том, что я придумал, не обойтись без помощи моего друга. Придется пойти поискать, куда он запропастился.

Настя испуганно схватила его за руку:

— Не уходи, не оставляй меня тут одну, я боюсь!

Ангел улыбнулся и ласково потрепал ее по плечу:

— Не бойся. Все будет в порядке.

— А вдруг меня здесь обнаружит охрана?

— Не обнаружит. Я же тут, рядом!

— Ну хорошо… Только ты возвращайся побыстрее!

— Ну конечно же! — отвечал ангел.

И умчался так стремительно, что Насте даже показалось, что он не убежал, а улетел.

Озорника и впрямь что-то давно не было видно. Первое время, пока продолжалась погоня и поиски девушки, и потом, когда Апрель убеждал Настю в том, что он ее ангел-хранитель, его приятель все время крутился рядом, комментировал

происходящее и вообще всячески вмешивался. Но незадолго перед тем, как у Апреля родилась идея сюрприза, или сразу после этого (ангел точно не заметил, в какой именно момент это произошло) он вдруг куда-то исчез. Впрочем, зная характер Озорника, Апрель не сомневался, что его приятель находится где-то недалеко, — и оказался прав. Друг детства обнаружился около стенда с головными уборами. Стоя перед зеркалом — уж сам-то он мог видеть свое отражение, — Озорник мерил их один за другим и сейчас как раз поправлял на своей великолепной шевелюре элегантную темно-синюю шляпу с небольшим пером и узкими полями.

— По-моему, мне идет. Как на твой взгляд?

— Идет. Только, на мой взгляд, это женская шляпа, — рассмеялся Апрель. — И, опять же, на мой взгляд, она тебе маловата.

— Да, ты прав. Какая досада… А что ты скажешь насчет вон той? — И он потянулся за другой.

— Послушай, друг! — Апрель удержал его за руку. — Брось ты эти шляпы! Мне сейчас очень нужна твоя помощь.

— Ах, вот, значит, как! Стало быть, и я понадобился… А то только и слышишь — помолчи, да отойди, да не мешай. — Лицо его выражало

обиду, но ясно было, что это он не всерьез.

— Ну прости, пожалуйста, если я был с тобой резок. Сам понимаешь — я встретил Настю так неожиданно, растерялся… А тут еще эти бандиты, и охрана, да еще она так долго мне не верила…

— Ладно, ладно, прощаю. Ты же знаешь, я вспыльчивый, но отходчивый. Как люди говорят, кто старое помянет… Так чего ты хочешь?

— Понимаешь, у меня есть идея… Хочу сделать Насте подарок. Она мечтает о карьере манекенщицы или актрисы, и я решил разыграть для нее такой маленький спектакль… Сделать небольшое чудо, понимаешь? Чтобы она могла почувствовать себя в том образе, о котором грезит…

— Ты решил устроить дефиле? — Глаза Озорника так и засветились. — Отличная идея! Давай сделаем это прямо здесь! Замутим показ коллекции «Весна — лето 2023». Вон тут сколько подходящей одежды! — Он широким жестом обвел зал. — Так и быть, для полноты картины я готов поучаствовать лично. Буду вместе с твоей протеже ходить по подиуму и демонстрировать мужские модели. Но для приличия, чтобы я на это согласился, тебе все-таки придется меня поуговаривать — недолго, часа полтора-два.

— Нет, — снова засмеялся Апрель. — Думаю, это

не понадобится. У меня к тебе совершенно другая просьба. Я хочу разыграть для нее не дефиле, а выступление на сцене. Или вручение премии за лучшее исполнение женской роли. Не знаю, что выбрать…

— А зачем выбирать что-то одно? — Озорник уже загорелся новой идеей. — Пусть будет и то, и то! Как ты хочешь это устроить?

— В том-то и дело, что я еще не придумал…

— Как хорошо, что у тебя есть я, правда? Один момент — и сделаем все тип-топ!

— И что ты предлагаешь?

— Сейчас мы с тобой и твоей Настей отправимся в Театр оперетты. Время позднее, там все наверняка уже разошлись. — От волнения Озорник даже не мог устоять на месте, так и забегал по залу. — Ты ведь небось даже и не знаешь, что именно в этом месте раньше вручали главные кинопремии?

Апрель задумался, затем с сомнением покачал головой:

— Нет, боюсь, из этой затеи все-таки ничего не получится…

— Почему? — возмутился его приятель.

— Во-первых, здание наверняка охраняется. И, если Настю там застанут, у нее, конечно же, будут

неприятности…

— Ха, ну это не проблема! — заверил Озорник. — Ты же сумел отвести глаза охране здесь — что мешает сделать это там? Не бойся, я возьму это на себя! Ой, Господи, да я всю охранную систему щелчком пальцев отключить могу! Во всем городе! Ну или там, где Настя может попасться.

— Не поминай Господа всуе!

— Да, ты прав, прости… Но камеры я все равно отключу! На всякий случай. Так какие у тебя еще сомнения? У тебя ведь было и какое-то «во-вторых»?

— Во-вторых, это все-таки сложное чудо… — продолжал Апрель. — Света одного фонарика, даже двух, моего и твоего, на него не хватит. Нужно больше фонариков.

— Да, это верно… Тут ничего не поделаешь. — От разочарования Озорник сразу сник.

— Слушай! — воскликнул Апрель. — А что, если обратиться к Стирателю? Вдруг он поможет мне?

— Этот сухарь? — с сомнением покачал головой ангел-проказник. — Что-то я сомневаюсь.

— А я все-таки попробую с ним поговорить! Вспомни, ты сам недавно утверждал, что он хорошо ко мне относится!..

— Ну-ну, рискни…

Апрель с тревогой и заботой посмотрел в сторону соседнего бутика, где поджидала его Настя.

— Очень тебя прошу, — обратился он к приятелю. — Пригляди пока за ней, хорошо? Чтобы никто ее не потревожил, ну и вообще… А я постараюсь обернуться как можно скорее.

— Не волнуйся, дружище. — Озорник положил ему руку на плечо. — С твоей подопечной все будет в порядке. Уж о ней-то я позабочусь как следует…

Апрелю показалось, что глаза старого друга отчего-то сделались печальными. Но расспрашивать было некогда — нужно торопиться исполнить мечту той, кого он так долго искал и неожиданно нашел за день до наступления Нового года.

Глава 4, в которой сбывается заветная мечта Насти

Расстояние для ангелов не помеха, поэтому через несколько мгновений Апрель уже снова был в здании Исторического музея, в приемной наверху башни. Здесь, несмотря на поздний час, было все так же оживленно. Стиратель все еще работал, и очередь к нему не уменьшалась.

— Опять ты, Апрель? — Секретарь оторвалась от книги и недоуменно поглядела в его сторону. — Ты что, забыл что-нибудь?

— Да… То есть нет. То есть… Ну, в общем, мне совершенно необходимо поговорить с ним. Я войду, ладно?

— Подожди, скажи хоть… — начала было Секретарь, но ангел, не дослушав, уже влетел в кабинет. Там было темно, только в простенке между окнами серебрился свет от фонарика. В его луче можно было разглядеть уже приготовившегося к *стиранию* ангела — ту самую высокую женщину с печальными глазами, которую Апрель видел сидящей на полу в коридоре.

— Постойте! — крикнул Апрель.

От неожиданности чиновник ойкнул, а женщина-ангел даже выронила свой фонарик.

— Ты что врываешься как угорелый? — пробурчал Стиратель. — Случилось, что ли, чего? Подожди, сейчас я клиента отпущу…

— Извините, но мне некогда ждать! — отвечал молодой ангел, подлетая к Стирателю. — Мне срочно нужна ваша помощь! Понимаете, это очень важно! У меня сегодня произошло такое, такое!..

— Да подожди ты, не тараторь! — перебил его чиновник. — Отдышись и объясни толком, что стряслось.

— Я наконец-то нашел ее!

— Кого — ее?

— Настю! Девушку, чью душу я должен охранять.

— Ну и слава Создателю! Сейчас запишем. — Стиратель отложил тряпку, вернулся к своему столу, зажег в кабинете свет.

— Подожди минутку, я скоро, — велел он женщине-ангелу и, придвинувшись к компьютеру, защелкал мышью. — Как, говоришь, ее зовут?

— Настя. Анастасия Николаевна Федотова.

— Ну, пусть будет Федотова… А год рождения

какой?

— Две тысячи третий год, девятнадцатого апреля. Точного времени рождения, увы, не знаю.

— Ну, на нет и суда нет… А место?

— Что — место? — не понял молодой ангел.

— Ну, где она родилась? В какой стране, в каком городе, поселке, деревне?

— Здесь, в России, на Урале, город Садовый Челябинской области.

— Ясно. — Чиновник быстро набрал что-то на клавиатуре и откинулся в кресле. — Ну, вот я и внес все изменения… — Он повернулся к Апрелю. — Молодец, что сообщил. Скажу тебе, случай у тебя уникальный, такое нечасто бывает… Обязательно доложу начальству. Как же это произошло-то?

— Случайно, совершенно случайно! — сообщил ангел, который был рад поделиться своим счастьем с кем угодно. Однако он решил, что рассказывать Стирателю подробности о встрече с Настей, всю историю с дракой и погоней, а также то, что его подопечная прячется сейчас в магазине, все-таки не стоит. Врать у ангелов не получается — но упустить часть подробностей можно, в этом нет никакого нарушения правил. — Она шла по улице, поскользнулась, упала

и спросила, почему я не помогаю ей подняться. Так я понял, что она меня видит…

— Да уж, и впрямь удивительная история. Чудны дела твои, Господи! — покачал головой Стиратель. — Чего только на свете не бывает… Ну, ладно. У тебя все? А то меня клиент ждет. — И чиновник кивнул на стоящую в проеме женщину-ангела, которая внимательно прислушивалась к их разговору.

— Нет, совсем не все. Я ведь не за этим пришел… Понимаете, я так счастлив, что наконец-то нашел ее! Ведь это удивительно, почти невероятно…

— Что ж, я тоже рад за тебя. Теперь, значит, не будешь приходить ко мне… — усмехнулся Стиратель. — Или, наоборот, придешь, когда ей что-то понадобится.

Чиновник, конечно же, намекал на *стирание,* но Апрель этого не понял.

— Уже понадобилось! — выпалил он. — Мне необходима ваша помощь!

— Вот как? Уже? — Стиратель поправил очки и с интересом взглянул на молодого ангела. — Это любопытно. И для чего же?

— Я обещал своей подопечной сюрприз. Понимаете, она всю жизнь мечтала стать актрисой! Вот я и решил устроить для нее что-то вроде пред-

ставления в театре, не настоящего, но…

— Постой-постой! — перебил чиновник. — Ты что же, собрался *стираться?* Хочешь пожертвовать собой из-за такой ерунды?

В первую минуту Апрель даже растерялся.

– *Стираться?* — переспросил он. — Ну что вы, конечно, нет! Мне просто нужна помощь, ведь я один не смогу все организовать. И подумал, что вы…

— Ах, вот оно что! — рассмеялся чиновник, снимая очки. — Ты, стало быть, пришел не *стираться,* а просто так?

— Ну да. Я хотел попросить вас…

— О чем?

— Чтобы вы дали мне в помощь еще хотя бы одного, а лучше нескольких ангелов. Я собираюсь устроить для Насти небольшое чудо — но света моего фонарика для этого недостаточно, нужно еще хотя бы…

— Нет уж, друг дорогой, тогда извини, — снова перебил Стиратель. — У меня достаточно своих дел, и некогда заниматься подобными вещами.

— Вы что, не хотите мне помочь? — Апрель был искренне удивлен.

— К твоему сведению, я нахожусь на службе, — сухо отвечал чиновник. — И не имею

возможности хотеть или не хотеть. Мне надо делать свое дело.

— Но разве это дело не заключается в том, чтобы помогать нам?

— Помогать во всяких глупостях — нет, — отрезал Стиратель. — У меня навалом куда более серьезной работы.

— Но ведь ваша работа — не только отправлять ангелов *Наверх*! Прежде всего вы должны осуществлять связь между нами и Небом, поддерживать, советовать, помогать… — не смог более сдерживаться Апрель. — А вы только складываете в коробку потухшие фонарики, точно план по ним выполняете!

— Послушай, мальчик! — строго отвечал Стиратель. — Ты еще слишком молод, чтобы учить, как мне работать. Я уже тридцать с лишком лет сижу на этом месте и, поверь, разбираюсь, что и как мне нужно делать. Ты хочешь совета? Хорошо, я дам тебе его: успокойся и держи себя в руках. Все-таки вы, ангелы, как-то не в меру эмоциональны… Учти, друг дорогой, что особых причин для радости у тебя нет. Поверь: работа с человеческой душой — это каторжный труд, а не счастье…

Апрель собрался уже ответить, но чиновник

остановил его движением руки:

— Погоди, я еще не закончил. На твоем месте я бы крепко задумался. Что, если твоя поздняя встреча с подопечной — не случайность и не результат бюрократической ошибки, а вполне предопределенный ход событий? Например, испытание для тебя? Недаром ты встретил ее, когда она уже стала почти взрослой… Подумай лучше над этим, вместо того чтобы скакать тут от восторга и тратить Высшую энергию на какие-то бестолковые чудеса.

Ангел хотел было что-то сказать, но круто развернулся и молча направился прочь из кабинета.

— Подожди! — вдруг крикнула женщина-ангел, стоявшая у стены. — Я пойду с тобой и помогу тебе.

Она торопливо запихала обратно в сумочку свой фонарик и двинулась за Апрелем, на ходу бросив Стирателю:

— Извините за беспокойство!

— Да пожалуйста, — безразлично отвечал тот. — Ваше право — ваш выбор.

Но ангелы уже не слушали его. Они шли по лестнице в приемную, беседуя на ходу.

— Извини, что я сорвал тебя вот так, уже на

полдороге в другой мир, — говорил Апрель своей неожиданной помощнице.

— Ничего страшного! — отвечала та. — Думаю, мое время уже настало, но час или даже день ничего не решают.

— А что у тебя произошло? — участливо поинтересовался Апрель. — Почему ты пришла сюда?

Спустившись, они остановились у лестницы, продолжая разговаривать и не замечая, что сидящая за своим столом Секретарь оторвалась от книги и заинтересованно смотрит в их сторону.

— У моей подопечной тяжело болен сынишка, — вполголоса сказала женщина-ангел. — Эта мука продолжается уже девять лет. Врачи говорят, что надежда на выздоровление минимальная — один шанс из тысячи. Ребенку уже сделали несколько операций, но пока изменений не видно, наоборот, с каждым годом его здоровье становится все хуже и хуже… И ангел-хранитель у мальчика до сих пор отсутствует. Бедная Анна, моя подопечная! Просто невыносимо видеть, как она страдает! Я решила прийти к Стирателю. Хочу пожертвовать собой и попросить взамен, чтобы ребенок поправился.

— По-моему, это не лучший выход… — отвечал Апрель. — Я понимаю твои чувства, но… Кто тебе

сказал, что ребенка можно спасти только таким способом? Может быть, его вылечат, может, произойдет чудо!.. Надо верить и надеяться! И, конечно, поддерживать в этом свою подопечную.

— Да, ты прав, — вздохнула его собеседница. — Знаешь, сколько раз я сама себе это все говорила? Думаешь, мне легко было принять такое решение?

— Но почему именно так — через *стирание?*

— Знаешь, — задумчиво проговорила высокая женщина-ангел, — мне кажется, самопожертвование для нас — самый естественный поступок. Люди бы сказали, что это у нас в крови… Стиратель заявил, что мою просьбу можно удовлетворить. Но мальчик поправится лишь после того, как я исчезну… Ладно, давай больше не будем обо мне. Поговорим лучше о твоей подопечной. Признаться, я не совсем поняла, что ты задумал… И чем я смогу тебе помочь?

— Видишь ли, — застенчиво проговорил Апрель, — я хотел бы устроить для своей Насти маленький праздник… Не настоящий, только его иллюзию. Как будто она на несколько минут попала в сказку…

— А, теперь понимаю, — кивнула его собеседница. — Но это будет нелегко. Вдвоем нам с тобой не справиться.

— Втроем. Мне поможет еще мой друг.

— Все равно, даже трех фонариков будет мало. Нам нужны еще помощники. Надо что-то придумать… — Женщина-ангел приложила ладонь ко лбу, потерла его, и в голове Апреля мелькнула мысль, что этот жест она, скорее всего, неосознанно позаимствовала у кого-то из своих подопечных.

— Да, надо придумать, и поскорее! — согласился он. — Я так тороплюсь к ней, к Насте… Знаешь, я ведь только недавно ее нашел и теперь так за нее боюсь! Сейчас, когда я ее не вижу, мне постоянно кажется, что с ней что-то может случиться…

— Да, я понимаю тебя. Это чувство знакомо всем нам, хранителям. Нечто подобное испытывает мать новорожденного, когда ей приходится расставаться, хоть ненадолго, со своим ребенком… А мы, ангелы, любим своих подопечных так же

сильно, как хорошие матери своих детей, если не сильнее… Ну, хорошо, что же нам придумать?

— А может… Может, попросить вот их?

Апрель показал на ангелов, томящихся в ожидании, когда настанет их очередь подняться в кабинет. Его собеседница задумчиво оглядела своих коллег и улыбнулась.

— А что? Давай попробуем. Как люди говорят, попытка не пытка! Нам хотя бы еще двух-трех помощников. Точнее, два-три фонарика…

Апрель кивнул и вылетел на середину комнаты. Он встал так, чтобы его могли видеть одновременно как можно больше ангелов, и заговорил, легко перекрыв нестройный гул голосов:

— Друзья мои! Выслушайте меня, пожалуйста!

Лица ангелов — удивленные, заинтересованные, любопытствующие — тотчас обернулись к нему. Гул голосов утих.

— У каждого из нас бывают и радости, и несчастья, — сбивчиво начал Апрель. — И горе мы обычно стремимся пережить в одиночку, а радостью стараемся поделиться с близкими. У меня сегодня случилось самое радостное событие, которое только может быть у ангела, — я нашел душу, которую должен охранять! Я искал свою подопечную почти двадцать человеческих лет, и

сегодня мы наконец встретились!

Ангелы зашумели, выражая свою поддержку, но Апрель движением руки попросил их замолчать.

— Я хотел бы сделать своей протеже подарок. У нас ведь двойной праздник — наша встреча и Новый год… Она мечтает стать актрисой — и я решил устроить ей представление, напоминающее настоящее выступление на сцене. Прямо сейчас, неподалеку отсюда, в Театре оперетты. Но я не смогу сделать это один. Мне нужна ваша помощь — ваши фонарики и тепло вашего участия. И я обращаюсь с этой просьбой к вам. Вы сделали свой выбор и решили покинуть мир людей. Но, может быть, среди вас найдется несколько ангелов, которые выкроят время, чтобы совершить одно маленькое чудо?

В приемной воцарилась полная тишина. Ангелы молчали, не зная, что ответить. С одной стороны, в его просьбе не было ничего такого, что нарушало бы Правила… Но с другой — просьба эта выглядела очень необычной. Большинству из собравшихся никогда в жизни не случалось делать ничего подобного. А те, кому довелось участвовать или хотя бы слышать о чем-то таком, напряженно вспоминали, к каким последствиям

это привело. Ничего удивительного — ангелы очень осторожные и ответственные существа. Люди назвали бы их «правильными» — если бы были получше знакомы с ангелами.

И вдруг в этой тишине раздался голос Секретаря.

— Эх!.. — с грустью сказала она. — С каким удовольствием я бы пошла с тобой! Но от меня никакого толку не будет — я ведь не ангел, и фонарика у меня нет… Да и шеф меня за это тотчас уволит. Мне и так за мои книжки, которые я читаю, от него все время достается… Ну а вы-то что молчите? — обратилась она к очереди с явным осуждением в голосе. — Ваш товарищ просит помощи — неужели вы откажете ему?

— Пожалуй, я помогу тебе, Апрель! — заявила белокурая красавица Гортензия, все еще сидевшая на диване. — Разве можно отказать в помощи школьному другу? Пойдем. Давно у меня не было повода совершить чудо…

— Ну тогда и я с вами, — сказал мужчина в камуфляжном костюме. — А чего? Схожу. Все равно тут еще столько ждать, делать-то нечего.

— И меня возьмите! — попросил маленький, похожий на китайца ангел. — Я рад, что могу быть еще кому-то нужен.

— И меня! И я тоже! А мне можно? — раздалось множество голосов.

Высокая женщина-ангел торжествующе улыбнулась Апрелю и протянула ему руку:

— Ну что — вперед?

— Вперед, и как можно скорее! За мной, друзья мои!

И все ангелы, наполнявшие коридор и приемную, бросились к выходу. Помещение разом опустело. А Секретарь лишь вздохнула, покачала головой и снова вернулась к чтению любовного романа.

* * *

Настя, все это время так и сидевшая в бутике ЦУМа, давно уже заждалась Апреля. Ей было очень и очень не по себе — приятное волнение в ожидании сюрприза, точно в детстве перед праздником, смешивалось с настоящей тревогой. Смешно сказать, но впервые за долгие годы она забыла о существовании смартфона! Если раньше и пяти минут не проходило, чтобы она не потянулась к карману куртки за своим стареньким неказистым гаджетом, чтобы проверить входящие сообщения, новости и комментарии во френд-ленте, то теперь… Что с ней происходит?

Ангел-хранитель, все эти чудеса — да не снится ли ей это? Пользуясь испытанным за долгие века методом, она несколько раз тихонько ущипнула себя за руку, чтобы удостовериться, что не спит. Нет, это не сон. И она, Настя Федотова, пока еще не состоявшаяся актриса, находится сейчас, поздним вечером, в бутике в одном из самых лучших магазинов Москвы и ждет своего ангела-хранителя и обещанного им сюрприза… Интересно, чем это все кончится?

Сначала, когда Апрель только покинул ее, она еще очень сильно боялась, что в любую минуту может появиться охрана. Сидела в уголке на пуфике тихо, как мышка, и то и дело в ужасе оглядывалась, лишь только ей чудился шорох где-то в глубине этажа. Но вскоре она удостоверилась, что вокруг все тихо. На миг даже пришла в голову шальная мысль: а что, если потихоньку сбежать? Но она вспомнила о том, что ждало ее за пределами магазина — грязная холодная квартира, пьяница-хозяйка и прочие «прелести» своей обыденной жизни, — и тотчас отказалась от этой затеи. Куда приятнее было находиться здесь, в тепле, уюте, среди дорогих вещей… К тому же она знала, что, хотя ее хранитель и отбыл по своим делам, рядом с ней находится другой ангел, его

друг, — и он не даст ее в обиду. От таких мыслей Настя успокоилась и, осмелев, начала бродить по магазину и, напрягая в полутьме глаза, с удовольствием принялась рассматривать одежду и обувь, переходя из бутика в бутик, от вешалки к вешалке и от бренда к бренду, разглядывая платья, вечерние наряды, блузки, корсеты, юбки, деловые костюмы, свитера, пеньюары, купальники, куртки, пальто, шубки, джинсы, туфельки, босоножки, «лабутены», клоги и ботфорты… От многообразия цветов, фасонов, тканей и марок разбегались глаза. Вскоре Настя поняла, что, для того чтобы пересмотреть все эти вещи, ей понадобится несколько дней. И тут же, как это нередко с ней случалось, в голове цветным вихрем завертелись мечты. Вот если бы у нее была возможность часто (а еще лучше — каждый день!) посещать бутики, выбирать себе красивую одежду и обувь и покупать все, что понравится…

Мечты и изучение ассортимента торгового дома так увлекли девушку, что время ожидания пролетело почти незаметно. А потом появился ее блондин — ангел! — стремительный, в развевающемся пальто, возбужденный, оживленно разговаривавший с невидимым и, судя по всему, далеко не единственным собеседником. Он

взволнованно огляделся и, заметив Настю, так засиял, что на душе у нее сразу стало радостно.

— Я привел своих друзей, они нам помогут!

Настя оглянулась вокруг, но, конечно же, никого не увидела.

— Идем! — позвал ее ангел.

— Но куда?

— В театр! Это тут, недалеко…

— В театр? — рассмеялась Настя. — Ты что, шутишь? Знаешь, который час? Все представления уже закончились, актеры давно разошлись по домам!

— Так это нам и нужно. Мы сами устроим представление — а выступать на сцене будешь ты.

— То есть как это?

— Вот так, Настя! Ты же сама говорила, что мечтаешь стать актрисой, играть на сцене московского театра. Мы сейчас устроим тебе что-то вроде твоего бенефиса.

— Ты хочешь сказать, что… Я буду играть на сцене?

— Ну да, как будто в настоящем спектакле. А мы все станем твоими зрителями.

— С ума сойти… — Настя заколебалась. С одной стороны, ангел предлагал ей чистой воды авантюру, с другой — его слова звучали так заманчиво… — Ну… Ведь это будет не по-настоящему? Что-то вроде игры, да? Понарошку?

— Пока да. Можешь считать это игрой или, если хочешь, репетицией. Тебе же нужно попробовать свои силы для будущей профессии!

Девушка задумалась, но ненадолго — искушение оказалось слишком велико.

— Ну хорошо… Можешь считать, что ты меня уговорил.

— Тогда идем!

Он повел ее за собой — вниз по эскалатору, через опустевший магазин, где никто каким-то чудом

не заметил присутствия постороннего человека, на улицу, через центральный вход. Злосчастный внедорожник уже уехал — по всей видимости, водитель решил не докладывать о происшествии, перепугался содеянного и попросту сбежал. Увидев, что на тротуаре все еще валяются ее рекламные щиты, уже изрядно припорошенные снегом, Настя радостно засмеялась. Какое счастье, что все это ей уже не нужно! Теперь, когда рядом с ней появился ангел-хранитель, в ее жизни все пойдет по-другому… А что? Он сам так сказал! Ее охватило радостное волнение, захотелось запрыгать, закричать, совершить прямо посереди улицы какой-нибудь безумный поступок. Но она не стала этого делать, только ускорила шаг, торопясь за своим спутником, который двигался очень быстро, не переступая ногами, а паря над заснеженным тротуаром сначала Театральной площади, а потом Большой Дмитровки.

Настя даже не задумалась о том, как ей удалось проникнуть в театр незамеченной. А вышло это потому, что о ней позаботился, как и обещал, Озорник. Едва сдав девушку с рук на руки ее хранителю, Озорник тут же отправился прямиком в районный пункт вневедомственной охраны. Никем, конечно, не видимый, он тихо проскольз-

нул внутрь и огляделся. Спортивного вида парни негромко переговаривались друг с другом, слушали рации и не отрывали глаз от многочисленных мониторов, на экранах которых отражалось то, что фиксировали многочисленные камеры.

— Скучно у вас как-то, ребята! — задумчиво проговорил Озорник. — Ни кино, ни музыки, ни задушевной беседы… Чем бы вас таким развлечь? — продолжал он рассуждать сам с собой. — Танцы, что ли, устроить? Так дам не хватает. Боевичок показать? Нет, это, пожалуй, не наш метод. А-а, знаю! Точно… Пусть будет… Пусть будет вот так!

Он подошел к пульту слежения и, перегнувшись через дежурных, принялся переключать что-то на мониторах. И тотчас изображения на них задрожали и из черно-белых или, точнее, сине-голубых вдруг сделались цветными. Вместо подъездов и входных дверей, перекрестков и ворот, этажей и лестниц на экранах возникли облака и старинные замки, города и подземелья, живописные пейзажи и красивые, прорисованные до тонкостей, фигуры. На миг в комнате воцарилась тишина. Охранники недоуменно таращились на мониторы.

— Что за чертовщина! — ахнул кто-то.

— Фу-у! — поморщился Озорник, кладя ему руку на плечо. — Ну ругаться-то зачем? Это, к твоему сведению, совсем не… совсем не то, что говоришь. А наоборот даже. Это просто новая компьютерная игра, «Ангелы и демоны», моего изобретения… Ну что ты застыл? «Клавы» не хватает, да? И видюхи? Ну ничего. Вот тебе джойстик — и вперед!

И охранник, тотчас забыв обо всем, погрузился в игру. А ангел стал переходить от одного дежурного к другому, кладя одну руку на плечо, а другой двигая джойстик, которыми обычно управляются камеры.

Комната дежурных наполнилась оживленными голосами:

— Значит, сначала создаем себе персонажа…

— Ты за кого будешь играть? Я — за ангела!

— Братва, а я уже миссию получил!

— Слышь, а карту-то где взять?

— Ах ты так! Огнем стреляться!.. Ну погоди, сейчас я тебя!.. На, получи гранату!

Озорник прислонился к дверному косяку, скрестил на груди руки и несколько минут с удовлетворением наблюдал за результатом своих трудов.

— А что — очень неплохо получилось! — сказал он сам себе. — И сюжет удался, а графика вооб-

ще обалденная. Может, мне в разработчики игр податься?

Ухмыльнулся и поспешил на поиски своего приятеля и его подопечной.

А те уже пробрались в зрительный зал Театра оперетты. Там было абсолютно темно, но Апрель тут же достал свой фонарик, и в его серебристом свете девушка, задрав голову, залюбовалась полукруглыми балконами, украшенными позолотой и красным бархатом, и потолком — огромной круглой люстрой со множеством подвесок и искусной росписью, среди которой отчетливо выделялись медальоны с портретами знаменитых композиторов.

— Как здесь красиво! — ахнула Настя. — Никогда здесь не была… Я вообще в Москве в театре была только один-единственный раз, на Юго-Западе, — и то совершенно случайно. — Она говорила тихо, почти шепотом, но звук ее голоса тотчас птицей взлетел под высокий свод.

— Теперь ты сможешь ходить в театр так часто, как только захочешь, — пообещал Апрель. — И я с удовольствием буду ходить с тобой, я тоже очень люблю театр…

Испытывая чувство, похожее на благоговение, девушка восторженно проговорила:

— Да уж, выступать на сцене в таком зале я даже не мечтала…

— А напрасно, — улыбнулся Апрель. — Как раз сейчас это тебе предстоит. Тем более что зрители уже собрались.

— Да? — удивилась Настя, оглядываясь. — Где же они?

— А вот, — отвечал Апрель. — Посмотри!

И Настя, потрясенная, замерла на месте. Ей было чему удивляться — то, что произошло у нее на глазах, действительно было похоже на чудо. Сначала прямо перед ней вспыхнул еще один серебристый фонарик, и в его свете показалось лицо женщины с большими карими глазами, но выше и ниже светового пятна не было видно ничего, точно женщина проявлялась на фотографии. Но вот загорелся второй фонарик, потом еще и еще… То там, то здесь в пустом зале стали появляться один за другим одинаковые серебряные огни. В их лучах, словно по волшебству, проступали лица и очертания их обладателей. Их было очень много — мужчин и женщин, пожилых и молодых, непохожих друг на друга, по-разному одетых, но все они улыбались и с теплотой глядели на нее.

— Что же ты стоишь, Настя? — сказал ей ан-

гел. — Торопись, пора начинать представление, а ты еще не готова.

— Но что же мне делать? — растерялась она.

— Как что? — прозвучал откуда-то из глубины сцены, из-за закрытого задника, голос уже знакомого Насте друга ее хранителя. — Скорее в костюмерную!

— А где это? — не поняла девушка.

— Ну что ж ты такая медлительная! — проговорил Озорник, замахав своим фонариком прямо перед Настей так, что она смогла увидеть его лицо. — Давай за мной!

И девушка не заставила себя долго упрашивать. Она побежала к сцене, поднялась по ступенькам, промчалась мимо раскрытого занавеса в боковую кулису, оттуда по коридору в большую комнату с табличкой на двери… Там горел яркий свет и несколько человек… то есть ангелов, уже вынимали из шкафов яркие наряды.

— Выбирай себе костюм, Настя! — послышалось со всех сторон. — Кого бы ты хотела сыграть? Сильву? Принцессу цирка? Эсмеральду? Золушку? Клеопатру? Джульетту? Рапунцель? Нейтири? Мерседес из «Графа Монте-Кристо»? Элизу Дулиттл из «Моей прекрасной леди»?

Ошалевшая от такого выбора Настя ткнула в

первое попавшееся зеленое платье:

— Я надену вот это…

— Так переодевайся! — командовал Озорник.

Девушка расстегнула куртку, сбросила ее прямо на пол, взялась было за пуговицу на джинсах, но передумала и повернулась к нему:

— Отвернись! А лучше совсем выйди. И ты тоже, — обратилась она к своему хранителю. — Я тебя стесняюсь!

— Как скажешь… — растерялся Апрель.

Неловкость сгладила подошедшая к ним очень стильно одетая девушка с длинными белокурыми волосами, красивая, как топ-модель.

— Привет, Настя! — сказала она. — Меня зовут Гортензия. Давай-ка я помогу тебе! А вы, — это уже было сказано приятелям-ангелам, — лучше отправляйтесь в зрительный зал и смотрите представление оттуда.

— Слушаемся и повинуемся! — комически раскланялся Озорник, приподнимая над головой цилиндр, который уже успел где-то раздобыть и напялить. В другой руке у него была элегантная трость с серебряным набалдашником. Вскоре он вместе с Апрелем удалился, а красавица Гортензия и уже знакомая Насте высокая кареглазая женщина-ангел в сером свитере, с волосами,

собранными в хвост, ловко помогли ей переодеться.

— Отлично! — заключила красавица, оглядев ее с ног до головы.

А высокая торжественно сказала Насте:

— Ваш выход!

С непривычки переступая босыми ногами, девушка вышла из костюмерной и тут же, недоумевая, как это могло получиться, оказалась прямо на ярко освещенной сцене. Занавес был закрыт, и за ним слышался шум, так знакомый каждому артисту, будоражащий и пьянящий, — шум зала перед спектаклем, когда зрители уже собрались и, переговариваясь, покашливая, скрипя креслами и шурша программами, с нетерпением ожидают начала представления. Настя чувствовала, что очень волнуется — так она, наверное, не волновалась еще никогда в жизни. Но это было очень приятное, радостное волнение.

— Ты готова? — негромко спросил кто-то. Кто — она не поняла.

— Готова! — задорно ответила девушка.

И тотчас грянула музыка (откуда тут взялся настоящий живой оркестр?), и занавес вздрогнул, колыхнулся и медленно пополз в стороны, открывая полутемный зрительный зал, который,

как казалось со сцены, был битком набит.

Настя замерла в направленном прямо на нее ярком свете софитов. Кто-то в зале громко крикнул: «Браво!», она поглядела в ту сторону и узнала знакомые веселые глаза. Озорник, невесть когда успевший переодеться в настоящий фрак, улыбался ей и подбадривал взглядом. Настя поискала глазами своего ангела. Он тоже сидел в первом ряду, рядом с другом, и выглядел таким взволнованным, точно это он сам, а не она, выступал перед зрителями. И Настя, кивнув ему, медленно повернулась и с достоинством сделала несколько шагов вперед.

Оркестр заиграл мелодию, хорошо известную ей по любимому мюзиклу. Вышло очень символично: совершенно случайно она выбрала костюм цыганки из произведения, премьера которого на русском языке состоялась именно здесь, в этом театре, больше двадцати лет назад! Мигом собравшись, Настя вошла в образ и начала партию Эсмеральды из «Собора Парижской Богоматери» — из той сцены, где она отвечает Фебу на взволнованные вопросы, кто же она такая, дочь ли неба или же земли:

Давным-давно слыхала я,

Что в Андалузии, в горах…

Настя проникновенно пела и обращалась то к зрителям, то к выбежавшей на сцену массовке, участники которой двигались так согласованно, будто не один месяц репетировали. Ну просто ангелы, а не партнеры!

Она погрузилась в песню целиком, успев позабыть, кем была раньше. В двойном пятне прожекторов Настя двигалась от одного участника к другому, не замечая черт их лиц, но неизменно цепляясь взглядом за их выражения — полные света и жизни.

Зеленое платье не стесняло заученных с детства движений задорной цыганки. Прожекторы заиграли в собственном ритме, и тем ярче были видны светящиеся в зрительном зале фонарики.

И снова — гром аплодисментов. Смущенная и счастливая дебютантка поклонилась и даже сделала некое подобие реверанса.

«Браво! — кричали в зале. — Браво, Анастасия Федотова!»

На сцену полетели цветы. Озорник вручил Насте огромный пышный букет белых роз — штук пятьдесят, не меньше, она еле сумела его обхватить. Друг ее хранителя поцеловал зардевшейся дебютантке руку, сказал какой-то витиеватый

комплимент и шепнул:

— Иди переоденься, Настя!

А сам обернулся к залу:

— Минутку внимания, дамы и господа! Это еще не конец, а только первая часть сюрприза. Вам понравилось выступление молодой артистки? — Зрители ответили одобрительным шумом. — Так вот, к вашему сведению, ее игра нравится не только вам! Спешу сообщить, что кандидатура актрисы Анастасии Федотовой выдвинута на премию «Ника» в номинации «Лучшая женская роль». Прошу всех на церемонию вручения премии!

Он взмахнул рукой и… Что такое? В зале вдруг стемнело, заиграла музыка, а над сценой поплыли и закрутились вспыхнувшие в синеватой темноте слова «Торжественная церемония вручения национальной кинематографической премии „Ника“». К своему удивлению Настя обнаружила, что уже не на сцене, а в великолепном вечернем платье, вся в сверкающих драгоценностях сидит в первом ряду.

Рядом с ней ее хранитель и его озорной приятель — а вокруг сплошь знаменитые артисты, режиссеры, эстрадные звезды… И на сцену выходит не кто иной, как сам Андрей Кончаловский,

президент Российской академии кинематографических искусств «Ника».

Да, это было настоящее волшебство! Конечно, Настя каждый год смотрела по телевизору эту церемонию и грезила о том, что когда-нибудь и она будет… нет, не участвовать в ней, ее мечты не распространялись так далеко, но хотя бы просто сидеть в зале и видеть все это своими глазами. Однако даже в самых смелых своих фантазиях она не представляла себе, что знаменитая ведущая, актриса Жанна Эппле, перечисляя номинанток на лучшую женскую роль, назовет имена двух известных актрис и ее, Настино, имя! А потом на заднике сцены, превратившемся в большой экран, возникнет ее собственное изображение — та самая сценка из «Нотр-Дама», которую она только что исполняла.

Как, оказывается, странно и интересно наблюдать за собой со стороны! Совсем не то что случайные съемки на встроенные в смартфон многопиксельные камеры. Там все получалось так себе — а тут Настя красовалась на экране крупным планом, пела, улыбалась, хлопала ресницами и в целом сама себе понравилась. Пожалуй, даже очень понравилась.

— Ну, как тебе? — шепотом, точно в настоящем

кинозале, спросила она у своего хранителя. — Я хорошо играла?

— Потрясающе! — ответил он.

Когда пришло время объявить победителя, ведущая пригласила на сцену самого любимого Настиного артиста, Павла Прилучного. Тот, разорвав конверт, ухмыльнулся с фирменным прищуром и провозгласил:

— Анастасия Федотова!

И зал взорвался аплодисментами.

— Ну что же ты сидишь, Настя? — спросил Озорник, перегнувшись через своего приятеля. — Иди на сцену!

Она встала с кресла и поднялась по ступеням — туда, навстречу любимому актеру, который, улыбаясь, вручил ей золотую статуэтку крылатой богини и поцеловал Настю. В зале раздались восторженные возгласы, засверкали вспышки фотоаппаратов, задвигались телекамеры.

«Господи, неужели это все происходит *со мной?* — думала Настя, потирая свой курносый носик. — Этого просто не может быть!»

Как во сне, она вышла к микрофону, что-то говорила… А зал осветился всеми огнями, и шикарно одетые зрители — мужчины в великолепных костюмах и женщины в вечерних нарядах, все

сплошь знакомые по телеканалам и модным пабликам, — поднялись со своих мест и хлопали ей стоя. Так, под гром аплодисментов, она и спустилась в зал, победно держа над головой статуэтку.

И тут…

Синеватый свет, лившийся со сцены, постепенно превратился в серебристые лучи фонариков. В зале вновь стало полутемно, знаменитости исчезли, их место вновь заняли фигуры ангелов, тускнеющие на глазах и вновь становящиеся почти прозрачными.

— Ты очень хорошо держалась! — сказала красавица Гортензия и повернулась к своим друзьям: — Какие же вы молодцы, и ты, Апрель, и ты, Озорник! Давно я не была так счастлива. Как же это, оказывается, здорово — творить чудеса!

А высокая женщина-ангел расцеловала Настю и искренне проговорила:

— Ты была великолепна!

— Что? *Была?* Неужели все кончено? — тихо спросила девушка.

— Да, к сожалению! — подтвердил ее хранитель, появляясь рядом. — Все когда-нибудь заканчивается — и хорошее, и плохое. Правда, в твоем случае это не конец, а только начало. Только что состоялось твое первое выступление.

И ты выдержала это испытание с честью, ты была на высоте! Теперь я не сомневаюсь, тебя ждет большое будущее, впереди успешная карьера и еще много-много таких выходов на сцену. И, если ты будешь стараться, то, что мы показали тебе сейчас, произойдет на самом деле…

Однако Настя даже не слушала, что говорит ей хранитель. Стоя в полутьме, она машинально вертела в руках свой растянутый, застиранный свитер, который каким-то загадочным образом оказался здесь, на спинке кресла.

Глава 5,
в которой рассказывается о том, что случилось после «бенефиса»

Волшебство закончилось, зал приобрел свой прежний вид. Ангелы попрятали свои фонарики в сумочки и вновь сделались невидимыми для Насти. Апрель, счастливый оттого, что его идея так хорошо удалась, переходил от одного своего товарища к другому, и для всех у него нашлись слова благодарности. Со всеми надо было сердечно проститься.

— Знаешь, ты, наверное, все-таки прав! — сказала ему на прощание высокая кареглазая женщина-ангел. — Пока шло представление, я смотрела, как светится от радости Настя, и все думала и думала над твоими словами… Ты убедил меня. Я не вернусь больше к Стирателю, а поспешу сейчас к своей подопечной, буду поддерживать ее и вместе с ней надеяться. Ведь еще может свершиться чудо, Всевышний милостив…

— Я рад, что ты приняла такое решение! — ответил Апрель.

Женщина нежно сжала его ладонь в своих ру-

ках и улетела, а ее место занял маленький ангел, похожий на азиата:

— Спасибо тебе, друг! — сказал он. — Сегодня я понял, что мы, ангелы, еще можем быть кому-то нужны… Я, пожалуй, тоже подожду *стираться*…

— И я передумала! — рассмеялась белокурая Гортензия. — Просто глупо делать это под Новый год, когда на Земле происходит столько интересного! Пока! Может быть, еще увидимся!

Апрель оглянулся по сторонам. В опустевшем зале, кроме него, остались только двое — Озорник и Настя, ангел и человек. Приятель Апреля с любопытством заглядывал в оркестровую яму, очевидно, в надежде найти там забытые музыкантами инструменты. Девушка уже успела переодеться в свои старые вещи и теперь сидела в дальнем углу зала, почему-то не на кресле, а прямо на полу. Положив на согнутые колени скрещенные руки, она уткнулась в них лицом и то ли дремала, то ли думала о чем-то.

Ангел подошел к ней и тихо опустился рядом.

— Ну как, ты довольна? — спросил он.

— Угу, — кивнула Настя и вытащила из волос забытую в спешке заколку с крупными яркими стразами. — Не то слово.

Апрель с сомнением поглядел на девушку:

— Что-то не так, Настя?

— Нет, все в порядке. Спасибо, мне все очень понравилось. — Не глядя на него, девушка принялась играть заколкой.

— Ты говоришь мне неправду. Я же чувствую, что ты совсем не счастлива…

— А как я могу быть счастлива, сам подумай! — Настя сердито потерла себя по руке — после нежного прикосновения нарядного платья ей казалось, что ее старый свитер все время колется. — Ведь это было только игрой! Что я, по-твоему, дитя малое? Думаешь, поигралась в театр, померила костюмы, которые мне никогда не доведется надеть, вышла на сцену, на которой никогда не буду выступать, поглядела на фантом Прилучного, которого мне никогда не придется увидеть в реальности, — и теперь буду довольна всю жизнь?

Краем глаза Апрель увидел, что его друг, забыв об оркестровой яме, потихоньку приближается к ним, привлеченный разговором. Но сейчас ему не было никакого дела до Озорника. Слова Насти тронули его до глубины души — он и не подозревал, что задуманный им сюрприз обернется *вот так.*

— Послушай, но ведь это была только, как вы

говорите, проба пера, — заговорил он, стараясь, чтобы его слова звучали как можно более убедительно. — Теперь, когда мы встретились, в твоей жизни все изменится…

Девушка иронично поглядела на него:

— Что-то мне уже начинает надоедать эта фраза… И что же изменится, хотела бы я знать?

— Ну-у, — растерялся ангел, — я пока не могу тебе ничего сказать, я еще ничего не обдумал… Наверное, помогу сдать экзамены в театральный институт…

— Экзамены летом, а сейчас, к твоему сведению, декабрь на дворе! До лета еще дожить надо.

— Я помогу тебе найти какую-нибудь работу, как-то устроиться с жильем…

— Вот именно — как-то, что-то, где-то!.. — перебила Настя. — И я опять буду вкалывать с утра до ночи, чтобы оплачивать жалкую съемную хату, во всем себе отказывать, жрать «дошик», отбиваться от извращенцев, носить всякое тряпье и копить на первый взнос для ипотеки! А потом выяснится, что тех денег, которые я подкопила за всю свою долбаную жизнь, хватит разве что на такую вот заколку!

— Настя, ну зачем ты так говоришь? — не очень уверенно возразил Апрель, но собеседница реши-

тельно его прервала:

— Зачем? Да затем, что я знаю жизнь, вот зачем! Причем знаю ее с изнанки. А сегодня ты показал мне ее лицо — и только после этого я поняла, насколько же я несчастна! Зачем ты это сделал, зачем разрешил одеться в такие вещи, зачем позволил размечтаться о том, что я тоже могу вращаться среди известных и знаменитых людей, что я тоже могу быть гламурна, богата и счастлива? Если бы ты знал, как мне теперь тяжело! — И девушка сердито отвернулась.

— Ну вот тебе и на! — прокомментировал подошедший Озорник. — Не ожидал…

— Это я во всем виноват! — пробормотал Апрель. — Надо же, как нехорошо вышло…

— Как у того политика, — согласился Озорник. — Хотели как лучше, а получилось как всегда…

— Ну откуда же я мог знать, что Настя так это воспримет?..

— Чего-чего? — лениво поинтересовалась Настя. Она играла заколкой, открывая и закрывая ее, и украшавшие вещицу стразы ярко сверкали, когда на них попадал отблеск от луча света единственного прожектора, горевшего в зале.

— Извини, это я говорю не тебе.

— А-а… Слушай, а клевое ожерелье вы на меня нацепили!.. Интересно, сколько такое стоит — ну, настоящее, конечно? Под лям, наверное, не меньше… Мне таких денег никогда в жизни не заработать.

Внезапно она поднялась на ноги, бросила заколку прямо на пол, накинула на плечи куртку и пошла к выходу.

— Куда ты? — окликнул ее Апрель.

Девушка пожала плечами:

— Тебе не все равно? Пойду погуляю… Не торчать же мне вечность в этом пустом зале?!

Она спустилась по лестнице и вышла из театра. Ее растерявшийся хранитель и Озорник двинулись следом.

Даже в это позднее время (а было уже около полуночи) жизнь в центре города не утихала. Снегопад, продолжавшийся целый день, наконец прекратился, и теперь пушистый снег весело поскрипывал под ногами гуляющих. Рестораны работали, вечера в кофейнях были в самом разгаре, из окон проезжающих машин доносилась громкая веселая музыка. Идя по тротуару, Настя то и дело оборачивалась вслед прохожим или автомобилям, и Апрель, который мог читать ее мысли, отлично знал, о чем она думает: «Шикар-

ная тачка! Хоть бы раз прокатиться в такой! А какая обалденная шуба на той тетке — вот бы мне такую!»

Поравнявшись с магазином парфюмерии и косметики, девушка остановилась перед ярко освещенной витриной и принялась рассматривать баночки, тюбики и флаконы.

— Бли-ин, сколько же тут всего!.. Chanel, Dior, Byredo… У меня никогда в жизни не было такой красоты! Ой, Armani! Да за такие духи можно дьяволу душу продать!

Озорник закашлялся, точно поперхнулся, а Апрель вздрогнул и подбежал к своей протеже:

— Настя, ты что! Что ты такое говоришь!

Она недоуменно оглянулась на него.

— А что я такого сказала?

Они беседовали прямо на улице, но, хотя поздние прохожие и не видели Апреля, девушка, говорящая сама с собой, никого не удивляла. Общаться с невидимым собеседником — обычная вещь для любой владелицы миниатюрной гарнитуры.

— Послушай меня, — тихо продолжал Апрель. — Ты сейчас сказала ужасную вещь. Никогда и ни за что на свете больше не повторяй ее, поняла?

— Вот как? — Настя недоверчиво покосилась

на своего хранителя. — А почему?

— Потому что лишиться души, отдать ее Темным силам — это очень страшно, — увещевал ангел. — Ты теряешь самое дорогое, что есть у человека, даже если получаешь что-то взамен. Даже если то, что ты получила, кажется тебе пределом твоих желаний…

— Да неужели? — Настя хмыкнула, отошла от него и направилась к другой витрине.

Озорник потянул своего приятеля за рукав.

— Будь осторожен! — прошептал он. — Следи за каждым своим словом. А то я тебя знаю, сболтнешь сгоряча чего-нибудь не то, а она, вместо того чтобы испугаться, обрадуется и помчится со всех ног к нашим конкурентам исполнять свои желания. А тебе останется только головой биться. Только что нашел — и приплыли!

— Послушай, как же ты мне надоел! — рассердился Апрель. — Ну что ты все время таскаешься за мной, лезешь в мою жизнь, в мои отношения с той, которую я охраняю? Это наши с ней дела, и больше они никого не касаются. Можешь ты хоть иногда оставить меня в покое?

— Да пожалуйста! — обиделся Озорник. — Могу вообще уйти, если я у вас тут третий лишний. Слетаю к Стирателю, посмотрю, как у него там

дела… Да и охранников надо навестить. Кстати, если кому интересно, я им всем аж до утра занятие придумал. А меня вместо благодарности прогоняют…

Он развернулся, всем своим видом выражая недовольство, и скрылся из глаз.

— Ну что, поговорил со своим другом? — Настя все еще рассматривала духи. — Теперь и мне можешь время уделить?

— Конечно, — кивнул Апрель. — Извини, что я отвлекся.

— Ну, наверное, он говорил тебе что-то очень важное, да?

По ее язвительному тону было ясно, что девушка подразумевает «что-то более важное, чем я». Вслух это произнесено не было, но мысли ее он прочитал. Конечно же, Апрель понял, что Настя обижена на него.

— Ничего особенного, — торопливо заверил ее Апрель. — Он просто сказал, что на всю ночь отвлек охрану в этом районе. И видеонаблюдение тоже.

Настя поежилась и проговорила с упреком:

— Вот ты разговариваешь с ним, а я совсем замерзла! Зашла бы в «Старбакс», но там обязательно придется заказать что-нибудь, хоть чашку

кофе — а у меня практически совсем нет денег. Скажи, а ты не мог бы сделать так, чтобы у меня появились денежки? Ну, хотя бы пара тысяч, а?

— Увы, нет, — покачал головой ангел.

— А почему? — капризно протянула девушка. — Почему представление — можешь, а жалкие две тысячи — нет?

— Потому что представление, — объяснил ангел, — это лишь иллюзия, фантом, как ты выразилась. А деньги тебе нужны настоящие. Значит, их придется где-то или у кого-то забрать.

— Послушай! — оживилась вдруг Настя. — Я, кажется, придумала! Давай я зайду в кофейню, посижу, выпью латте — а ты внушишь официанту, будто я расплатилась?

— Нет, Настя, — покачал головой ангел. — Это было бы нечестно. А мы, ангелы, никогда не обманываем.

— Вот же ты зануда, — насупилась девушка. — И что мне — так и мерзнуть теперь на улице из-за твоих дурацких принципов?

— Максимум, что я могу, — отвечал Апрель, — это сделать так, чтобы официанты тебя не заметили. Ты можешь зайти в кофейню и немного там погреться.

— Ага, смотреть, как другие посетители едят и

пьют, и страдать! — возмутилась Настя. — Нет уж, спасибо, не надо!

Она решительно зашагала дальше по улице, но вскоре снова остановилась — на этот раз у магазина, торгующего элитной техникой. Сквозь прозрачные витрины в ярко освещенном зале были прекрасно видны смартфоны, ноутбуки, необычайно милого вида роботы-пылесосы… Стояли там и удобные кресла. В подобном месте непременно должно было быть тепло.

— Слушай, а можно я тут немножко посижу? — вкрадчиво попросила она. — Ну пожалуйста… Ведь от этого-то никому не будет плохо! Просто посижу в магазине, погреюсь… Мне ведь правда очень холодно! Посмотри — я даже варежки потеряла. — Она показала красные от мороза руки, которые все время держала в карманах. — Неужели тебе не жалко меня?

Сердце ангела дрогнуло.

— Ну хорошо, — проговорил он. — Пожалуй, это можно сделать. Давай зайдем — я попробую внушить охраннику, чтобы он отпер дверь, а потом отправился на как бы вызов начальника.

— Ура! Ты самый лучший ангел-хранитель на свете! — воскликнула Настя.

После этих слов Апрель готов был простить

своей подопечной все ее капризы — и настоящие, и будущие…

Все вышло так, как он задумал. И вот уже Настя с комфортом устроилась на черном кожаном диване, сбросила старые ботинки и положила усталые ноги на стоящий напротив журнальный столик с аккуратными веерами рекламных брошюр. — Как хорошо!..

— Я очень рад.

Апрель тоже опустился на минималистичную табуретку и подумал о том, что впервые за долгое время он совершенно счастлив. Он наконец-то обрел ту, кого так долго искал, и добился того, чтобы она была довольна… Теперь у них впереди все самое прекрасное, самое интересное — он будет помогать Насте строить ее жизнь, добиваться того, о чем она мечтает, — а что может быть лучше?

— Слушай, а что ты такое говорил о Темных силах? — вдруг спросила девушка. — О том, что человек, продавший душу дьяволу, получает взамен все, что попросит?

Благостное настроение Апреля мигом улетучилось.

— Мне не хотелось бы возвращаться к этому разговору, — тихо проговорил ангел.

— А почему? — притворно недоумевала Настя. — По-моему, это очень интересный разговор. И мне страсть как хочется узнать подробности. Получается, что, если я продам свою душу дьяволу, я смогу получить за это все, что хочу, да?

— Настя! Поверь, самое главное у тебя уже есть!

— Да неужели?! Щас… — Она принялась шарить по карманам куртки, извлекла на свет весьма покоцанный смартфон с сеточкой тонких трещин во весь экран и с силой нажала на продолговатую кнопку. — Ну же, давай! Ты ведь уже отогрелся, зараза такая, чего тебе еще нужно?

— Ты хочешь кому-то позвонить? — осторожно уточнил Апрель.

— Да некому мне звонить! Хотела просто показать тебе во «ВКонтакте» или «ТикТоке», как выглядят те, у кого действительно есть самое главное. Знаешь, это весело — наблюдать за их жизнью. Я всегда так делаю, когда накатывает… — Апрелю почудилось, что в ее голосе появились отчаянные нотки, а в глазах — отблеск грядущих слез, однако он никак не мог понять, связано это с тем, что смартфон никак не хотел включаться, или с тем, как «весело» наблюдать за чужой

жизнью по ту сторону экрана. — Аккумулятор старенький, совсем на морозе заряд не держит… Надо будет где-нибудь подзарядить.

Она поднялась с места и принялась ходить по помещению, рассматривая технику, прикасаясь к каждой вещи, беря в руки всевозможные гаджеты, которые прежде видела лишь на треснувшем экране своего смартфона, словно через портал в мир богатства и успеха.

— Какая симпатичная штуковина, — говорила она, снимая с полки большую блютус-колонку. — У родных был похожий магнитофон, а я уже не помню, какой стороной кассеты вставляются. Или это не магнитофон? Ну и ладно, какая разница! Я бы хотела, чтобы такой стоял у меня дома. Вот, например, на таком вот столике. — И она со стуком водрузила колонку на стеклянную столешницу.

— Пожалуйста, осторожнее! — воскликнул Апрель. — Ты можешь поцарапать стол или разбить вещь.

— Да ладно, ничего с ними не будет, максимум пленку замацаю, — отмахнулась девушка и тут же перешла в другой конец зала. — Вот этот экран мне совсем не нравится, уродство какое-то, фу! А самокат обалденный! Сколько он стоит, интерес-

но? Ого! Ни фига себе…

— Настя! Перестань, очень тебя прошу! — Ангел, как привязанный, ходил за ней.

— А что такое? — Она с восторгом забралась на электросамокат, проверяя, катится ли он без включения. Отходящий от него провод жалобно зашлепал по полу.

— Тебя могут увидеть с улицы. Ты же не хочешь неприятностей?

Этот аргумент подействовал. Бросив тревожный взгляд в сторону витрины, девушка переместилась подальше — прямо на огромную напольную колонку, которая, казалось, могла бы звучать на весь стадион.

— Ладно, я буду сидеть тихо, — объявила она. — Но только при одном условии! Ты расскажешь мне про эти свои Темные силы.

— Они не мои, — поморщился ангел.

— Хорошо, пусть не твои. Но все равно расскажи!

— Ладно, будь по-твоему, — без особой охоты согласился Апрель. Устроился в кресле рядом с девушкой и горячо заговорил:

— Понимаешь, Настя, Темные силы очень могущественны. Здесь, на Земле, они намного сильнее нас, у них гораздо больше власти над людьми.

— А почему так?

— Потому что они могут предложить вам очень многое. Богатство, славу, успех, возможность достигать своих целей — быстро и за счет других людей. Демоны играют на таких струнах человеческих душ, как зависть, алчность, жадность, эгоизм, тщеславие. Ради своих целей они не останавливаются ни перед чем — у них ведь нет ни совести, ни жалости. А мы… Мы можем творить только добро, делать то, от чего хорошо одному человеку и не может быть плохо никому другому, понимаешь?

— Понимаю, — наморщила курносый нос Настя. — Это очень мало.

— Да, в материальном смысле немного, — вынужден был признать ангел. — Мы даем людям то, что нельзя купить или продать, на чем нельзя ездить и что нельзя носить, — любовь, дружбу, понимание, радость, наслаждение… Наслаждение не от обладания той или иной вещью, а наслаждение красотой природы или произведениями искусства, любимым делом, общением с тем, кто тебе дорог. Наслаждение помогать другим, делать добро…

— Знаешь, все это только красивые слова! — Она сердито спрыгнула на пол. — А когда тебе

негде жить и нечего есть, тебе не до помощи другим, не до красот природы и не до разговоров! Ты готов на все…

— Нет, Настя! — Ангел потянул ее за руку, заставляя снова сесть рядом с собой. — Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Да, в этой жизни тому, кто добр, честен и бескорыстен, приходится очень нелегко. Но зато потом, после смерти, когда он перейдет в другой мир, его душу ожидает Спасение и вечное блаженство. Он будет вечно счастлив. А те, чьи души погибли, обречены на вечное страдание, и, поверь мне, на свете нет ничего страшнее.

— Да ладно! — отмахнулась девушка. — Это когда еще будет… Мне до смерти еще так далеко…

— Это ты так думаешь. Но никто не может знать, когда пробьет его час. Даже мы, ангелы, не знаем, сколько отпущено нашим подопечным и что ждет их уже завтра.

— Авось обойдется. — Уже заскучав, Настя снова глядела не на собеседника, а на обстановку магазина. Слишком уж она контрастировала с мыслями о нематериальных ценностях, слишком уверенно обещала подключение к цифровому благополучию, где нет никакой смерти, а только бесконечные обновления…

— А если нет? — настаивал Апрель. — Если расплата наступит скорее, чем кажется?

— А хоть бы и так! — Настя снова вскочила. — Мне наплевать, что будет потом! Все говорят — родители, учителя, да все: «Вот подожди, потерпи, потом, не все сразу!..» А я хочу сейчас, понимаешь? Сейчас, пока я молода! Хочу все иметь, хочу наслаждаться жизнью! Чего бы мне это ни стоило! Что бы там ни было дальше! Мне бы только раздобыть денег и пожить в свое удовольствие — а что будет после смерти, мне все равно!

— И тут ты не права, — продолжал увещевать Апрель. — Заложив душу, ты уже не сможешь в полной мере радоваться жизни. Понимаешь, отданная Темным силам душа теряет способность к обычным человеческим чувствам. Ее бывший обладатель становится в полном смысле слова бездушным — безразличным ко всему. Ничего из того, что ты получишь, не доставит тебе радости.

— Ну да, как же! — недоверчиво усмехнулась девушка. — У меня появятся собственная квартира, стильные шмотки, машина, счет в банке и драгоценности — а я не буду этому радоваться! Рассказывай эту чушь кому-нибудь другому!

— Но Настя…

— Ну что — Настя? — перебила она. — Я уже девятнадцать лет Настя. И все эти девятнадцать лет живу в нищете, только что не голодаю, и завидую тем, кто живет по-другому. Чем я хуже их?

— Ты лучше их, — тихо пробормотал ангел.

— Да перестань! Была бы я лучше — имела бы то же, что и они… А так — чем я лучше? Тем, что у меня есть ангел-хранитель? Но что я с этого имею? Ты ведь не можешь мне обеспечить то, что я хочу, что мне нужно!.. Так и на фиг ты мне сдался, спрашивается?

Испуганно ахнув, ангел поглядел на нее:

— Настя, что ты такое говоришь? Я же твой хранитель!

Но девушку уже, что называется, понесло.

— И что мне с этого?! Мне нужен не хранитель, мне нужна нормальная обеспеченная жизнь. Вроде той, которую ты сам мне показал, между прочим, сегодня вечером! Только она была всего лишь мечтой, по-настоящему ты ничего этого дать мне не можешь! А они — как ты их называешь, Темные силы, — могут. Ну и сам посуди, с кем мне выгоднее быть — с тобой или с ними?

Пораженный ангел даже привстал, ошеломленно глядя на свою подопечную.

— Ты хочешь сказать… Хочешь сказать, что го-

това променять меня на них? Отдать Тьме душу, принадлежащую Свету?

— По крайней мере, — фыркнула Настя, — это будет выгодный обмен.

Бедный Апрель! Будь на его месте более опытный ангел, он бы, конечно, знал, что нельзя всерьез воспринимать все то, что говорят (да еще сгоряча!) люди. Да еще молодые люди. Да еще женщины… Но Апрелю недоставало опыта. Настя была его первой подопечной, и он относился к ней почти с благоговением…

Погруженный в свои невеселые мысли ангел поднялся и долго бродил взад и вперед по магазину. Казалось, от окружающих его товаров он вздрагивал. Настя видела, что он напряженно размышляет о чем-то, и терпеливо ждала. Она чувствовала себя в тот момент так, как чувствует любая женщина, которая, пуская в ход все свои приемы и уловки, пытается заставить мужчину принять принципиальное для нее решение — неважно, купить айфон или жениться. Конечно, девушка понятия не имела, о чем может думать ее хранитель, но интуитивно чувствовала, что сможет от него чего-то добиться.

— Ну что же, видно, это было решено свыше, — проговорил наконец Апрель. — Очевидно, Стиратель был прав — это не что иное, как испытание для меня. Не просто так я встретил тебя именно в тот момент жизни, когда ты находишься на перепутье…

— Я не понимаю, что ты бормочешь, — пожала плечами Настя.

— И не надо… Так чего ты хочешь? Что тебе нужно? Денег, да?

— А ты знаешь в этом мире другой способ достижения целей? — поинтересовалась девушка. Она уже торжествовала победу, но решила пока не ме-

нять тактику и продолжать быть настойчивой.

— И какая же сумма?

Ответ у нее уже был готов.

— Мне нужно сорок три с половиной тысячи долларов. Или четыре миллиона триста пятьдесят тысяч рублей.

— А почему именно столько? — Он был в некотором недоумении. — Откуда такая странная сумма?

— За сто тысяч рублей можно снять хорошую квартиру, — пояснила Настя. — В год это получится миллион двести — уж за год-то я точно решу свои проблемы! Сто пятьдесят штук стоит «Хуавэй» вон в той витрине — мы же не станем его воровать, правда? Ты же будешь так против! Еще тысяч десять долларов надо на одежду, на первое время. Ну и двадцать тысяч зеленых на расходы — на салоны, на жрачку… Я же не фастфудом буду питаться! Думала еще о машине, но решила, что это потом. Я ведь водить не умею, да и побаиваюсь, честно говоря… Ну а курс бакса — я так округлила. Пусть по сотке будет, считать удобнее.

Ангел опять задумался на некоторое время.

— Да, — проговорил он наконец. — Боюсь, что другого выхода действительно нет. Ох, не думал

я, что так все получится, совсем не думал… Ладно, пусть будет так.

Настя облегченно вздохнула:

— Господи, только сейчас поняла, как же я устала…

Апрель тотчас шагнул к ней:

— Ну конечно, как же я не подумал об этом! Ты ведь целый день на ногах, сначала работа, потом представление… Тебе срочно нужно отдохнуть, прилечь, а лучше даже поспать в нормальных условиях.

— Ты отвезешь меня в отель? — улыбнулась Настя.

— А зачем тебе отель? — Ангел сделал широкий жест, обводя все пространство магазина. — В задней части пустует вип-комната с диваном!

— Прямо здесь? — ахнула девушка. — Если честно, и впрямь никуда не хочу идти… А можно?

— А почему нет?

— Ты сумасшедший! — недоверчиво рассмеялась Настя. — Кто-нибудь может с улицы заглянуть, подумает, что магазин работает…

— Я позабочусь об этом. — Апрель взмахнул рукой, и свет в магазине тотчас погас. Теперь помещение освещалось только отблеском уличных фонарей. — Ложись и спи.

Позволив себя уговорить, Настя зашла в таинственную вип-комнату, о существовании которой не могла даже подозревать, поскольку обычных посетителей сюда, видимо, даже не приглашали. Здесь избранные клиенты могли опробовать технику практически в домашних условиях. Например, развалясь на диване, посмотреть понравившийся телевизор размером в полстены или послушать музыку на выбранной акустической системе hi-fi , попивая терпкий напиток в мягких креслах. Настя приблизилась к дивану, но, точно вспомнив о чем-то, вновь обернулась к своему хранителю:

— Так я не поняла… Ты что, действительно достанешь мне денег? Столько, сколько мне нужно?

— Надеюсь, что да, — кивнул тот.

— Ах, как здорово! И я смогу снять квартиру? И купить то, что мне захочется?

— Да…

— Ты чудо! — Девушка повисла у него на шее, собираясь звонко расцеловать, но он отклонился, и поцелуй пришелся в воздух.

— Ой, прости! Я себя с тобой веду, словно ты мой парень, а не ангел…

Диван оказался совсем не похожим на кро-

вать, но все равно смотрелся в разы комфортнее родной постели, а хайтек в интерьере вводил в восторг. Настя щелкнула пальцем по кулеру с водой, уселась на диван, заерзала в блаженстве:

— Как мягко, с ума сойти!

— Укладывайся, а то ты и впрямь уже засыпаешь на ходу, — ласково проговорил ее хранитель.

Настя свернулась калачиком и блаженно улыбнулась.

— Спокойной ночи! — пожелал, склонившись над ней, Апрель. — Учти, тебе придется проснуться очень рано, нужно будет уйти отсюда до того, как появятся продавцы…

Но девушка уже не слышала его. Она мгновенно заснула, как могут засыпать только дети или очень молодые люди. Ангел накрыл ее пледом, сняв его со спинки стула одной из работниц в основном зале, осторожно поправил упавшую на лицо прядь русых волос, с нежностью и печалью поглядел на свою подопечную и вышел из зала, кинув напоследок взгляд в сторону камеры слежения. Все было спокойно.

* * *

Ложась спать, Настя была уверена, что увидит во сне исполнение всех своих желаний. И ей действительно приснился чудесный сон, но грезились совсем не успех и слава актрисы, не вожделенный шопинг и даже не будущая квартира. Девушка увидела себя на берегу небольшого озера, вроде того, что у ее бабушки за деревней. Только бабушкин пруд был грязным, затянутым ряской, а этот, во сне, — таким чистым и прозрачным, что сквозь толщу воды можно было рассмотреть играющих на дне маленьких разноцветных рыбок. Настя, в ярко-голубом сарафане, которого у нее на самом деле никогда в жизни не было, сидела на толстом стволе склонившейся к пруду ивы, болтала босыми ногами в теплой воде и плела венок из алой и белой кашки. Светило солнце, за ее спиной в лесу пели птицы, а вокруг не было ни души.

Кто-то позвал ее, девушка обернулась и увидела, что из леса выходит и идет по направлению к ней ее ангел. И хотя он был в том же самом черном пальто, в остроносых сапогах и с этой странной коричневой сумочкой через плечо, где он хранил свой волшебный фонарик, Настя

почему-то сразу поняла, что он совсем не ангел, а такой же человек, как и она. Он подошел совсем близко, склонился к ней так, что длинные светлые волосы мягко коснулись ее щеки, раскрыл ладонь, и девушка увидела в ней несколько сочных алых земляничин.

— Это тебе, — сказал он и положил ягоды ей в рот, а Настя потянулась и поцеловала его, и губы его по вкусу тоже напоминали горьковато-сладкую землянику. Ангел — нет, никакой не ангел, а просто ее парень, ее любимый человек, тот, кто был ей дороже всего на свете, — легко подхватил ее на руки, и Настя, чуть не задохнувшись от счастья, тесно прижалась к нему.

— Мне надо идти! — вдруг сказал он, осторожно опуская ее на землю, и девушка вдруг поняла, что он уходит от нее навсегда. Да-да, насовсем. Все кончено, она никогда его больше не увидит.

— Как? Зачем ты уходишь? Это нечестно! Ты же обещал, что всегда будешь со мной! — запротестовала она, но он только мотал длинноволосой головой и повторял:

— Так получилось. Прости. Мне надо. Мне пора.

И он взмыл вверх и быстро стал удаляться, но Настя не растерялась и тоже взлетела прямо в

высокое голубое небо — оказывается, она тоже умела летать! Она летела не очень высоко, прямо под ней проплывали зеленые деревья, поля и дома, но девушке некогда было смотреть на них, она старалась двигаться как можно быстрее, чтобы догнать темную фигурку вдали. Иногда она теряла темп, он исчезал из виду, и она пугалась, что потеряла его, но потом ей снова удавалось увидеть вдали крошечный темный силуэт, и она напрягала все мышцы, чтобы увеличить скорость. Быстрее, быстрее, еще быстрее — так, чтобы ветер свистел в ушах!

Наконец стремительный полет закончился, они оказались над городом, и тот, кого она хотела настичь, опустился на какую-то крышу. Настя, не веря своей удаче, спикировала следом… и увидела, что гналась совсем не за своим возлюбленным, а за другим… ангелом или человеком? Им оказался какой-то незнакомый пожилой тип в коричневом костюме, толстый, лысый и неприятный. Он почему-то осуждающе взглянул на девушку и сказал нечто странное:

— Значит, поменять свое существование на здоровье ребенка — это глупо, а на дурацкие деньги — нет?

— Где он? Где мой любимый? — спросила она.

— Он улетел, — отвечал лысый.

— Он вернется? Вернется? — кричала Настя. — Я хочу, чтобы он был со мной! Он мне нужен! Я не могу без него!

Но лысый был непреклонен:

— Ты сама во всем виновата. Он больше не вернется. Он исчез навсегда. Мы ведь ангелы, а у ангелов нет бессмертной души… Раньше надо было думать. А теперь уже поздно.

Настя горько, отчаянно заплакала… и проснулась.

* * *

Коридор и приемная в башне Исторического музея были непривычно пусты. Ни один задумчивый, печальный или равнодушный ангел не ожидал своей очереди на *стирание,* и Апреля это почему-то обрадовало. Секретарь, которая уже совершенно открыто читала свою книжку в яркой обложке, увидев его, так и ахнула:

— Опять ты?

— Добрый вечер, — вежливо проговорил Апрель.

Та только усмехнулась:

— Вот уж не знаю, добрый или нет. Я уже начинаю тебя побаиваться — а ну как с твоим

появлением у нас опять что-нибудь произойдет? Гляди, что творится — ни одного клиента! После устроенного тобой бенефиса в Театре оперетты все куда-то разбежались. Но ты молодец! — И она хитро подмигнула Апрелю.

— Стиратель у себя? У него есть кто-нибудь или можно войти?

— Да, у него сидит твой приятель, этот, как его, Озорник, — ответила Секретарь. — Но он пришел не по делу, а просто так, поболтать. Так что ты можешь войти.

— Спасибо! — Ангел кивнул и направился к лестнице.

— Постой-постой, — остановила его Секретарь. Похоже, ее просто распирало от любопытства. — Может, ты сначала объяснишь мне, что происходит? Зачем ты сюда явился? Я-то полагала, что, после того как разогнал всех наших клиентов, ты долго не решишься показаться шефу на глаза. А ты опять здесь! Не прощения же пришел просить?

— Нет, теперь уж я здесь по делу, — тихо проговорил молодой ангел, занося ногу на ступеньку.

— Да ты что! Неужели *стираться* пришел? *Ты?* — ахнула Секретарь и от удивления даже уронила свою книгу.

Апрель не стал ничего отвечать, только наклонился, чтобы поднять книгу и выпавшую из нее фотографию, видимо, служившую закладкой. Снимок упал лицом вниз, и у ангела не было возможности увидеть, кто или что на нем запечатлено — тем более что Секретарь тут же выхватила фото у него из рук и снова засунула между страниц.

— Ну иди же, что ты стоишь? — поторопила она, кивая в сторону лестницы.

Стирателя Апрель застал все на том же месте — в офисном кресле за старинным столом. Он снова пил свой напиток, а напротив него сидел Озорник и с любопытством наблюдал за этим процессом.

— А-а, дебошир! Явился не запылился! — проворчал Стиратель, увидев в дверях Апреля. — Что же ты наделал, друг дорогой? Всю клиентуру мне разогнал!

— Подумаешь, трагедия! — тут же подхватил Озорник, подмигивая своему другу. Похоже, он уже напрочь забыл о своей недавней обиде. Ловко схватив лежащие на столе очки, он нацепил их на нос, принял позу, типичную для хозяина кабинета, и стал вещать: — Они сделали свой выбор. Всегда существует выбор, который дан нам

Свыше. Каждый человек и каждый ангел может выбрать между тем или иным поступком, между добром и злом, Светом и Тьмой… — цитировал он, смешно копируя голос и интонацию Стирателя.

— Перестань паясничать! — прикрикнул на него чиновник, отбирая назад свои очки. И строго посмотрел на Апреля: — Ты уж больше мне таких представлений не устраивай!

— А что — классное получилось представление! — снова встрял Озорник. — Знатно повеселились, жаль, что вас там не было. Вы бы видели, как…

— Мне из-за вас совсем не до веселья! — перебил Стиратель. — Пришлось сообщать о вашей выходке *Наверх*, и еще неизвестно, как все это воспримет руководство.

— Мне нужно поговорить с вами, — решился наконец Апрель.

Человек за столом снова снял очки и дужкой указал в кресло по другую сторону стола.

— Коли так, садись. Что ты хочешь мне сказать?

— Я пришел, чтобы обменять свое существование на помощь моей подопечной, — отчетливо произнес молодой ангел.

Озорник аж подскочил на месте, и даже у ви-

давшего виды Стирателя брови непроизвольно поползли вверх.

— Ты что, помешался, дружище?! — воскликнул первый.

А второй полез в карман пиджака, вынул оттуда кусочек коричневой замши и принялся тщательно протирать стекла очков.

— И что же ты хочешь попросить? — поинтересовался он, не поднимая головы.

— Денег, — коротко отвечал ангел.

— Вот как? — поднял взгляд чиновник. — Забавно. Даже ангелам стали нужны деньги… И сколько же ты хочешь?

— Сорок три с половиной тысячи долларов.

— Гм… А почему такая странная сумма?

— Мы с Настей так подсчитали.

— Ну что же, раз с Настей подсчитали… — Его голос сочился неприкрытой иронией. — Дадим, конечно, отчего же не дать. Бывало, и больше давали, значительно больше… Тебе в какой валюте? Доллары? Рубли? Евро?

— Бери в тугриках! Или в «зайчиках», — проворчал Озорник. — Ну чего ты на меня волком смотришь? И не жаль тебе менять себя, свое существование… на какие-то дурацкие бумажки? Сам же говорил… А, ладно! — Он махнул рукой

и отвернулся.

Апрель ничего не ответил.

— Я дам тебе половину в рублях, половину в валюте. Чтобы можно было сразу что-то купить, но не потратить все одним махом, — решил чиновник. — Центробанк не позволит обменять такую сумму за раз. Вот.

— Скажите, — тихо спросил Апрель, — я могу быть уверен, что после моей сме… моего исчезновения новый хранитель будет хорошо заботиться о моей подопечной? Что ее душа будет спасена?

— Ну что я могу тебе на это сказать… — неторопливо отвечал чиновник. — Охранять ее, конечно, будут, нового хранителя сразу же пришлют… И, Бог даст, с ним не получится, как с тобой, они встретятся сразу. А что касается спасения души — тут, конечно, не может быть никаких гарантий. Вдруг у нее хватит ума самой заложить ее нашим конкурентам…

— Очень надеюсь, что, после того как она получит деньги, у нее не будет уже такой необходимости, — горячо проговорил ангел.

— Как знать… Аппетит приходит во время еды. Все от нее самой зависит…

Стиратель поднялся из-за стола, подошел к скрытому в стене сейфу, отпер его, вытащил пач-

ку денег и сел пересчитывать.

— Десять… Двадцать… Двадцать пять… Это доллары. А вот рубли. Пятьдесят, сто, сто пятьдесят, двести, триста, пятьсот, семьсот… Да, все точно. Вот тебе двадцать одна тысяча семьсот пятьдесят долларов и два миллиона сто семьдесят пять тысяч рублей. — И он подвинул Апрелю через стол запечатанные банковским способом пачки и несколько отдельных купюр. — По хорошему курсу даю, сейчас ни в одном обменнике такого не получишь.

— Спасибо, — кивнул ангел и тут же передвинул деньги по столу своему приятелю. — Послушай, окажи мне любезность, отдай это завтра утром Насте. Она сейчас спит в магазине, где продают сотовые, тут недалеко… Пожалуйста, разбуди ее пораньше, чтобы у нее не возникло никаких проблем. И еще… Знаешь что? Скажи ей… Хотя нет, не надо.

— Да как ты себе это представляешь? — сердито отвечал Озорник. — Как я могу ей что-то сказать или передать? Она же твоя подопечная, а не моя. Меня-то она ни видеть, ни слышать не может.

— Да, верно, — растерялся Апрель. — Я как-то об этом не подумал…

— А следовало бы… — проворчал чиновник.

Ангелы растерянно смотрели друг на друга.

Озорник издал какой-то странный звук — то ли хмыкнул, то ли шмыгнул носом, — а Стиратель поглядел сначала на старинные часы, поддерживаемые тремя бронзовыми фигурами граций, потом на свои наручные, потом на компьютер, на телефон и, наконец, на сидевшего перед ним молодого ангела.

— Вот что, друг дорогой, — проговорил он. — Ты, конечно, должен завершить все свои дела только сам. Помочь тебе никто не может. И пока я не буду тебя *стирать*. Отправляйся-ка ты к своей подопечной, отдай ей деньги и сам скажи все, что считаешь нужным. Сейчас половина второго ночи… Я даю тебе на все про все еще сутки, ну почти сутки. Но учти — уже сегодня, тридцать первого декабря, до полуночи, ты должен стоять с фонариком вот на этом самом месте, и я тебя *сотру*. Договорились? Ну что ты смотришь на меня? Можешь считать это чем-то вроде новогоднего подарка. Хоть ты и здорово поднадоел мне сегодня, то есть уже вчера вечером, но я ведь не зверь…

Лицо молодого ангела просияло:

— Спасибо! Честно признаться, я от вас такого не ожидал… Эти сутки будут как нельзя более

кстати. По правде говоря, я сильно беспокоился… Как Настя одна сумеет со всем справиться? А до полуночи я во многом успею ей помочь.

Озорник с интересом поглядел на чиновника.

— А разве так можно? — хитро спросил он. — Вы же нарушаете правила!

Стиратель на миг опустил глаза.

— Да, нарушаю, — признался он. — Делаю это под собственную ответственность. И если о моем поступке узнают *Наверху,* мне не поздоровится. Очень даже не поздоровится… Так что ты уж, Апрель, не подводи меня. Будь здесь до полуночи!

— Иначе, Золушка, твоя карета превратится в тыкву… — Озорник пытался шутить, но ясно было, что ему совсем не весело.

— Обещаю, что не подведу вас! — воскликнул Апрель. — Еще раз благодарю. До скорой встречи!

И, схватив со стола деньги, он пулей вылетел из кабинета.

— Эх, молодость, молодость, — вздохнул Стиратель, проводив его взглядом. — А я вот с каждым днем чувствую, как старею… Устал…

— Так выходите на пенсию, — тут же откликнулся Озорник. — А я бы на вашем месте

посидел…

— Еще чего, и не мечтай! — буркнул чиновник. — Не подходишь ты для этой должности.

— А жаль! Ух, я бы тут развернулся!..

— Да у тебя бы ничего не вышло, — строго проговорил его собеседник. — Думаешь, у меня легкая работа? Как бы не так! Все время надо быть начеку. Я тут вроде сапера или диспетчера в аэропорту. Малейшая ошибка — и все, конец. Здесь с этим строго. Промахов и вольностей, даже пустячных, *Там,* — он указал наверх, — не прощают. К примеру, если они узнают, что я самовольно, ни с кем не посоветовавшись, дал деньги твоему дружку, то тут же вылечу со своего места.

— Что, неужели все так серьезно? — удивился Озорник.

— А ты думал…

Чиновник снова полез в стол, где у него стояла бутылка и, сумбурно оглядевшись, на этот раз вытащил два стакана.

Глава 6,
в которой Апрель пытается устроить судьбу Насти, а Озорнику приходит в голову неожиданная мысль

Вип-комната магазина освещалась лишь отблеском уличного фонаря. Настя сладко спала, разбросав по диванной подушке длинные русые волосы. Во сне она казалась совсем юной, почти ребенком, и улыбалась так счастливо, что ангел невольно залюбовался ею, не решаясь прерывать ее сон. Но вот по лицу девушки пробежала тень, оно стало напряженным, точно Настя делала нечто очень трудное, требовавшее неимоверных усилий. А потом она вдруг нахмурилась, и из закрытых глаз медленно выкатились две слезы.

Испуганный Апрель быстро потряс свою подопечную за плечо:

— Настя! Настенька, проснись, некогда больше спать!

Девушка перевернулась на другой бок, что-то пробормотала во сне, открыла глаза и с изумлением поглядела сначала на своего хранителя,

потом вокруг:

— Ты? Господи, где я? Ах, ну да… Так это был сон! Слава богу! А я думала, что потеряла тебя навсегда… Ой, как же хорошо, что это был только сон! — Она обхватила руками ладонь ангела, прижала к себе и потерлась об нее щекой.

— Я принес тебе деньги, Настя!

— Да ты что? — Девушка села и с удивлением уставилась на пачку купюр. — Господи, какая куча денег, с ума можно сойти! Никогда в жизни не держала столько в руках… Сколько же здесь? И рубли, и баксы… Тысяча, две, три…

— Как ты и просила, сорок три с половиной тысячи долларов.

— Убиться можно! Ты что, ограбил банк?

— Нет, что ты, это нереально! — серьезно отвечал Апрель.

— Что нереально — вскрыть банковский сейф? — Настя, сидя по-турецки на диване, раскладывала банкноты на кучки.

— Это тоже, конечно! Но я про другое… Я же ангел. А ангелы, как я тебе уже говорил, не могут ни красть, ни обманывать, ни совершать каких-либо других подобных поступков. И уж тем более в гостях — а мы ведь здесь, на Земле, в гостях.

— Ой, какая же я счастли-и-и-вая! — Девушка

снова сгребла купюры вместе, с размаху упала на диван и потянулась.

— Значит, мне больше ничего на свете не нужно, — проговорил со вздохом ее хранитель.

Пару минут они молчали, потом Настя подняла глаза и прошептала:

— Знаешь, я поняла, что мне теперь надо делать. Я должна найти богатого мужчину и выйти за него замуж. А? Как тебе моя идея?

— А что? — улыбнулся ангел. — Отличная идея. Выбрать хорошего человека, обеспеченного, прочно стоящего на ногах, который будет тебя любить и заботиться… Тогда сразу решатся многие твои проблемы, с жильем, например. Вот только где бы его найти так быстро?

— Ну, это я давно знаю. С состоятельными мужчинами лучше всего знакомиться в хороших ресторанах, — уверенно заявила Настя.

— Тогда пойдем прямо сейчас, чего ждать!

— Ты смеешься? — возмутилась девушка. — Посмотри, во что я одета. Мне просто стыдно идти в приличное место в таком виде! Нет уж, отложим это до завтра. Завтра утром я накуплю себе новых шмоток, косметики, схожу в салон красоты, приведу себя в порядок, а вечером пойду в какой-нибудь модный ресторан или клуб…

— Настя, но мы не можем ждать завтрашнего вечера! — воскликнул ангел. — Нам надо найти этого человека быстро! Мы должны отправляться прямо сейчас.

— Сейчас? М-м-м… А сколько сейчас времени?

— Около двух часов.

— В принципе, для ресторанов и ночных клубов самое оно… — кивнула Настя. — В это время тусовочная жизнь в самом разгаре, даже можно сказать, только начинается. Но вот где я сейчас одежду себе куплю? В предновогоднюю ночь все будет или закрыто, или очень дорого.

Ангел на миг задумался.

— Давай возьмем тебе несколько вещей в ближайшем магазине напрокат, — предложил он. — Утром вернемся перед открытием и положим все на место. А в десять часов ты снова придешь и выкупишь все, что носила ночью.

— Правда? — обрадовалась девушка. — Это было бы здорово!..

— Тогда решено! Где бы ты хотела выбрать себе вещи?

— А можно в ЦУМе?

— Конечно, можно. Только побыстрее, ладно? Времени очень мало.

— Никаких проблем! — Девушка тут же вско-

чила.

— Только сначала наведи здесь порядок, так, чтобы никто не заметил, что ты тут была! — попросил ангел.

Настя послушалась и управилась за несколько минут. Потом так же быстро обулась, накинула куртку и через черный ход магазина, почти бегом, в считанные мгновения добралась до ЦУМа. Ангел спешил за ней.

— Что тебе нужно? — поинтересовался он, когда они оказались в пустом магазине.

— Ну прежде всего нужно костюм какой-нибудь или кофту с юбкой… Или брюки… — начала перечислять девушка. — Шубу, я тут такую потрясающую шубку видела — закачаешься! Сапоги, колготки, белье…

— Очень тебя прошу — выбирай поскорее, ладно? — настаивал Апрель. — У нас с тобой очень мало времени.

И когда Настя только научилась ориентироваться в этом большом торговом доме? Взбежав по стоящему эскалатору на нужный этаж, она тут же оказалась в том бутике, который искала.

— Я возьму вот эту сумочку! — щебетала Настя, перебирая аксессуары. — Знаешь, я всегда была совершенно больная на сумки… Все мечтала,

что заработаю денег и первым делом куплю себе хорошую сумочку. Или вот эту. Или лучше эту, посмотри, какая классная! Нет, она очень дорогая, больше штуки баксов…

— Ты теперь можешь себе это позволить, — напомнил Апрель.

— Ой, и правда, я забыла! Нет, лучше не спешить, а то все деньги так и разлетятся туда-сюда и ничего не останется… Возьму вот эту, она ничуть не хуже, а стоит почти на пять тысяч рублей дешевле. А? Как ты считаешь?

— Как знаешь, Настя…

— Отлично, все деньги в нее поместились… Как думаешь, ничего не случится, если я их все возьму с собой? А завтра положу в какой-нибудь банк. Я так боюсь, что они потеряются или кто-нибудь украдет!..

— Не беспокойся. Пока я рядом, ничего такого не произойдет.

— Теперь белье! Где-то я видела… А, вспомнила! Скорее туда! — В мгновение ока девушка оказалась в нужном бутике. — Как тебе нравится этот черный комплект — лифчик и трусики? Или лучше взять вон тот, с розовой отделкой?

— Знаешь, Настя, я лучше подожду тебя внизу… — несколько смущенно отвечал Апрель. — Толь-

ко умоляю, поскорее!

Как ни торопился ангел, на сборы ушло не менее часа. Но когда Настя, разодетая, накрашенная, причесанная и надушенная, спустилась на первый этаж, вышла к падающему из окна свету и показалась перед ним во всей красе, он только ахнул.

— Ты восхитительна!

Настя, довольно улыбаясь, прошлась перед ним, повернулась на высоких каблуках изящных сапожек.

— Тебе нравится?

— Очень. Просто очень!

— А шубка эта мне идет?

— Потрясающе идет.

— А прическа? Я хорошо уложила волосы?

— Великолепно!

— Знаешь, я нашла такой чудный гель для волос, с блестками… Сначала подумала, что это будет излишне броско, но потом решила, что для ночи ничего, сойдет…

— Ты все сделала просто отлично! А теперь идем скорее! — С этими словами ангел взял ее за руку и повел к двери.

— Погоди! Я хотела сделать с тобой селфи!

— Что сделать со мной? — растерялся Апрель.

— Селфи! Ну, сфотографироваться вместе. Я и раньше хотела, но и вид был не тот, и настроение… А сейчас, мне кажется, мы очень даже друг другу соответствуем. Щас, погоди… — И она принялась копаться в сумочке, где под пачками денег совсем затерялся ее старенький смартфон. — Выложу фотку на своей страничке, вот посмотришь, сколько лайков наберется!

— Настя! — укоризненно произнес ангел. — Ты совсем забыла: меня можешь видеть только ты. Меня не только зеркала не отражают, но и пленка не фиксирует.

— Какая пленка? Это ж прошлый век! — возразила Настя, впрочем, уже не слишком уверенно. — Сейчас везде эти… цифровые матрицы!

— Меня не видят ни люди, ни системы видеонаблюдения, ни встроенные в телефоны камеры. Ты, конечно, могла бы поэкспериментировать и убедиться, но мы бы попросту зря потратили время. А оно и так поджимает! Идем!

— Ну куда ты так торопишься? — Девушка еле поспевала за ним. — Ну не беги, я же на каблуках!

— У нас с тобой очень мало времени, Настя… — повторил Апрель.

— Господи, да почему же?..

Никем не замеченные, они выбрались на улицу, где снова начался снегопад. Девушка с удовольствием повела плечами, скрытыми нежным мехом.

— С ума сойти, какая же эта шубка теплая! И такая легкая, я ее совсем не чувствую…

— Настя, тебе сейчас предстоит новый дебют, — сказал ангел, беря ее под руку. — На этот раз настоящий. Ты готова? Сможешь сыграть эту роль?

— А то! — засмеялась она, увлекая его к краю тротуара. — Я ведь четыре года в драмкружке занималась, а не только во ВГИК поступала… Справлюсь как-нибудь. Пошли машину ловить!

— Машину?

— Ну, не на метро же нам с тобой ехать! Ты чего дергаешься?

— Не люблю метро.

— А зря! Там можно смартфон подзарядить и вай-фай бесплатный.

— Это одно из самых неприятных для нас, ангелов, мест.

— Не бойся, оно уже давно закрыто! И потом, с такими деньгами мне теперь не нужно на метро ездить. Надеюсь, что и вовсе никогда больше не придется!

— И куда же мы отправимся? — осторожно ведя Настю под руку, чтобы она не поскользнулась, спросил ангел.

— Как — куда? Конечно, куда-нибудь в клуб! Хочу оторваться по полной!

— В клуб? — с сомнением переспросил Апрель.

— Ну да. Ты что-то имеешь против клубов? — с вызовом поинтересовалась она.

— Я, конечно, не специалист по клубам… Но, насколько знаю, там чаще собирается молодежь. А ты вроде бы хотела найти солидного человека, за которого могла бы выйти замуж… Вряд ли его стоит искать в клубах.

— Да, это верно…

Девушка покачала головой, явно размышляя о чем-то, и снова обратилась к ангелу:

— Слушай, а ты не мог бы провести меня в «Сохо»?

— Прости, пожалуйста, куда?

— Ну в «Сохо»! Не знаешь, что такое «Сохо»? Да ты что, с луны, что ли, свалился? Ой, извини. Кажется, я сказала глупость… Видишь ли, «Сохо» — это такой ночной клуб, модное-премодное место, где девушки знакомятся с олигархами…

— Ты хочешь поехать туда?

— Хотела бы, но туда просто так не попадешь, —

покачала головой Настя. — Вот если бы ты помог мне туда проникнуть… — Она задумалась, потерла по привычке курносый нос, но потом махнула рукой. — Хотя нет, не надо. Опять скажешь, что я заставляю тебя обманывать… Ладно, едем в другое место.

Девушка повозилась с сервисом такси в смартфоне, затем раздраженно покачала головой, встала у обочины, подняла руку — и сразу же один из автомобилей, движение которых в центре столицы не прекращается в любое время суток, сбросил скорость и остановился около них. Это оказалась не самая новая «гранта», за рулем сидел пожилой кавказец.

— Не слишком ли скромная модель для твоего наряда? — поинтересовался ангел. — Может, поймаешь что-нибудь другое?

— Да ничего, сойдет, главное — доехать. — Настя уже распахивала дверь.

— Куда везти, красавица? — улыбнулся, сверкнув золотым зубом, водитель.

— На Новый Арбат. В «Весну»!

С элегантностью, достойной если не английской королевы, то по крайней мере ее придворной дамы, Настя уселась на заднее сиденье. Ангел устроился рядом с ней, пробормотав, что не помнит, когда он последний раз ехал в автомобиле.

* * *

До выбранного Настей ресторана было не так уж далеко — по относительно свободным ночным улицам они добрались на Арбат за какие-то

четверть часа. Настя небрежно протянула водителю четыре сторублевки и эффектно вышла из машины, а Апрель, вылезая, пожал руку сопровождающему водителя ангелу, похожему на своего подопечного, словно родной брат, даже с таким же золотым зубом.

У высоких стеклянных дверей девушка на миг замешкалась, вопросительно взглянула на своего спутника, и тот, поняв ее волнение, слегка сжал ее ладонь:

— Не волнуйся! У тебя все получится!

После этих слов Настя решительно махнула волосами, вошла внутрь, приблизилась к гардеробу и непринужденным движением сбросила с плеч шубку — так, будто делала это не впервые в жизни, а несколько раз за вечер.

Служитель принял у нее невесомый мех, аккуратно расправил его на вешалке и тут заметил свисавшую с внутренней стороны бирку ЦУМа.

— Вам это не мешает? — поинтересовался он, удивленно посмотрев сначала на ценник, а потом на Настю.

— Мне — нисколько, — ответила девушка, спокойно выдержав его взгляд. — А вам?

— Мне тем более, — несколько растерялся работник.

— Ну, тогда пусть останется на месте, раз никому не мешает, — рассмеялась Настя. Поправила перед зеркалом волосы, слегка одернула жакет и невозмутимо направилась в зал.

— Ох, я даже испугался за тебя! Не хватало еще, чтобы тебя приняли за воровку! — шепнул ей шагавший следом ангел. — Но только я собрался тебе помочь, как ты уже сама справилась. Молодец!

— А как, ты думаешь, я обходилась в этой жизни раньше, пока тебя не было? — вполголоса ответила, не поворачивая головы, его спутница. — Приходится самой за себя постоять. К счастью, мы, современные женщины, на многое способны.

У входа в празднично украшенный зал Настю встретила приветливо улыбающаяся девушка-распорядитель — хостес:

— Вас кто-то ожидает?

Настя покачала головой:

— Нет, я сама по себе.

Хостес кивнула, быстро оглядев зал.

— А вы будете одна или к вам кто-то присоединится?

— Я буду одна? — Настя вопросительно взглянула на ангела. Тот приложил указательный палец к губам.

— Простите? — не поняла распорядитель. — Вы что-то сказали?

— Ой, извините, это я просто рассуждаю вслух. Возможно, ко мне присоединится мой приятель. Чуть позже.

— Тогда позвольте предложить вам вот этот столик.

Он располагался у окна, недалеко от витрины, где были выставлены очень соблазнительного вида пирожные и десерты. Настя уселась лицом к залу и с любопытством огляделась вокруг.

Несмотря на поздний час, в ресторане было многолюдно. Звучала негромкая приятная музыка, не перекрывавшая шум голосов, напоминавший гул пчелиного роя. В воздухе витал головокружительный аромат, состоявший из смеси запахов вкусных блюд, душистого кофе, эксклюзивного парфюма и дыма дорогих сигар. Стильно одетые мужчины и женщины ели и пили, разговаривали и смеялись. По тому, как они общались, как здоровались друг с другом, видно было, что эти люди хорошо знакомы и принадлежат к одному и тому же высшему кругу, именуемому *светом* или *сливками общества.*

— Класс! — только и смогла прошептать Настя. — Да здесь же весь бомонд! Ой, обалдеть

можно! Видишь мужчину, который подозвал официанта? Это же знаменитый кинорежиссер! А вон девушка в белом свитере идет через зал — это известная модель, я ее фотки во «ВКонтакте» видела! А вон там, погляди, телеведущий, забыла его фамилию… Он еще прикольные стримы ведет… Ой, а там, вон, вон там, да посмотри же ты! Это же Саби Мисс! Какой у нее крутой прикид! Я ее обожаю, а ты?

— Ничего не могу тебе сказать, — отвечал сидевший напротив Насти ангел.

— Ты что — не знаешь Саби Мисс? Да не может такого быть, ее сейчас все знают. Она вот эту песню поет… — Девушка принялась мурлыкать какую-то мелодию, но прервалась и с недоумением поглядела на своего спутника. — Слушай, у тебя такое лицо, будто тебе здесь не нравится…

— Мне это все почему-то напоминает показ мод, — признался Апрель. — Кажется, это называется «дефиле».

— Я тебя не понимаю. В каком смысле — дефиле?

— В таком, что каждый пришел сюда для того, чтобы себя продемонстрировать. Свою особу, свой, как ты выражаешься, прикид…

— Ну а что в этом такого? — фыркнула Настя. —

Если бы я могла одеваться, как они, то тоже бы каждый день ходила сюда и в другие клевые места, на всякие тусовки… Ты не представляешь, как бы я хотела тоже быть тут своей! Чтобы телеведущие подсаживались к моему столику, режиссер приглашал на премьеру своего фильма, а Саби Мисс целовала меня при встрече и спрашивала, как у меня дела…

Подошел официант и подал Насте меню. Девушка с интересом принялась его рассматривать.

— Надо же, меню здесь просто бумажное… Красивое, конечно, но какое-то скромненькое… Я думала, оно будет в кожаной папочке, да с золотым тиснением… А еще, если честно, боялась, что тут вместо названий кьюар-коды… Ну, знаешь, наводишь смартфон на значок в меню и читаешь с экрана, что это за блюдо и сколько стоит. Говорят, сейчас это модно в самых разных заведениях. Как бы я своим заморышем эти коды считывала при всех?.. Ну-ка посмотрим, что нам могут сегодня предложить! Ой, с ума сойти, сколько всего! Аж глаза разбегаются. И знаешь, не так уж и дорого! Я думала, цены в таких местах намного круче… Что бы такое выбрать?..

— Ты голодна? — поинтересовался ее спутник.

— Как ни странно, совсем нет. Весь день уми-

рала, как есть хотелось. А сейчас, после этих событий, совсем аппетит отшибло. Боюсь, что мне сейчас просто кусок в горло не полезет. Тут все так здорово!..

— Подсказать вам что-нибудь? — снова приблизился к их столу официант.

— Да, пожалуйста…

Она долго консультировалась с ним, обсуждая напитки и поглядывая на витрину с десертами, и в конце концов остановила свой выбор на фруктовом салате и смузи.

— А ты что будешь? — подняла Настя взгляд на Апреля. Тот только головой замотал. — Да не стесняйся, я угощаю. Ой, ну да…

Официант поглядел на девушку, на пустой (для него!) стул, опять на девушку. Но он был хорошо обучен, и на лице ничего не отразилось.

Настя поняла свой промах и смутилась.

— Мне приятно думать, что я тут с парнем, — торопливо объяснила она официанту.

— Бывает! — невозмутимо ответил тот и удалился. А Апрель принялся выговаривать своей подопечной:

— Сделай милость, не разговаривай со мной при посторонних! Еще, не приведи Господи, сочтут за сумасшедшую и вызовут санитаров, которые

упекут тебя в психиатрическую больницу. Если ты хочешь мне что-то сообщить, тебе достаточно просто подумать об этом, и я все пойму.

— Хорошо, постараюсь, — пообещала девушка. — Но сейчас-то, пока мы одни, я могу говорить с тобой?

— Сейчас можешь, здесь играет музыка, и тебя никто не услышит. Только не смотри все время на меня. Гляди лучше по сторонам, выбирай себе кавалера, но только тоже незаметно, конечно. Не забывай, с какой целью ты сюда пришла.

— Не учи бабушку кашлять, — хихикнула его подопечная. — Я уже давно этим занимаюсь. И даже приглядела кое-кого… Слушай, и что? Вот я выберу любого из сидящих здесь мужчин, скажу тебе, и ты сразу сделаешь так, что он влюбится в меня?

— Нет, боюсь, так просто это не получится.

— Понятно. Я не волшебник, я только учусь? — Продолжая разговаривать со своим спутником, девушка так и стреляла глазами по сторонам.

— Извини, я тебя не понимаю, — отвечал ангел.

— Ты что, не смотрел «Золушку»? — Внимание Насти на миг переключилось на собеседника, но вскоре вновь вернулось к посетителям ре-

сторана.

— Какую Золушку? Мне сегодня уже не первый раз о ней говорят, но я понятия не имею, о чем речь.

— Ну ничего-то ты не знаешь, всему тебя надо учить! «Золушка» — фильм такой старенький, еще черно-белый. Очень милая сказка.

— Прости, я не знаю сказок, — развел руками Апрель.

Она снисходительно улыбнулась.

— Ну конечно, откуда тебе знать! У вас небось и телевизоров нет…

Ее собеседник только плечами пожал.

— Ну, в общем, есть такая сказка про девушку, у нее умерла мать, она жила со злой мачехой и сестрами, те заставляли ее вкалывать с утра до ночи и делать самую черную работу, даже золу из печки выгребать, оттого ее и прозвали Золушкой. Она ходила в лохмотьях и была все время голодная — и это при том, что дом, где они жили, был на самом деле ее! То есть она, в принципе, не была бедной, но у нее все отобрали, а она не возмущалась, не такая была…

Ангел понимающе кивнул:

— А что было дальше?

— А дальше к ней пришла фея-крестная со сво-

им помощником, мальчиком, он все время так и говорил: «Я не волшебник, я только учусь». И они дали Золушке красивое платье и хрустальные туфельки, превратили тыкву в карету, и она поехала на бал и познакомилась там с принцем.

— Вышла за него замуж, и все закончилось хорошо?

— Ну да, только не сразу. Вообще, ты знаешь, существует много-много разных версий этой сказки, даже мюзикл новый. В мюзикле, конечно, есть отличные песни, но сюжет для чего-то переделали практически до неузнаваемости. Там в итоге принц потерял право на трон, потому что уехал путешествовать. Это же ужас! Спрашивается, зачем было знакомиться с принцем, если он потом лишился наследства? Вот так едва начнешь привыкать к хорошему, только-только размечтаешься…

— Настя, ты отвлеклась.

— А, ну да, прости. Короче говоря, у всех этих сказок есть один общий момент: Золушке обязательно нужно было вернуться с бала домой до полуночи, иначе платье исчезнет и карета превратится в тыкву…

При упоминании о полуночи Апрель вздрогнул и погрустнел. Так вот на что намекал Озорник!

Но Настя не заметила его печали, ее слишком поглотили собственные переживания.

— Знаешь, сегодня, когда представление, ну то, в театре, вдруг так неожиданно закончилось, я как раз почувствовала себя той самой Золушкой… После бала. Только что в дорогом платье и украшениях танцевала, веселилась, болтала с принцем, в которого уже успела влюбиться, — и тут бац! Снова ни дворца, ни бала, ни принца, ни цацек, сплошные планы на будущее и зола у печки… Ладно, давай не будем о грустном, это теперь все позади! Что-то я тебе еще хотела сказать?.. Ах да! Мне больше нравится другой фильм по этой сказке, чешский, он называется «Три орешка для Золушки». Там Золушка переодевается юношей и скачет верхом на белой лошадке, и песня там такая классная, и принц очень красивый… А феи никакой нет, есть только три волшебных орешка, и в них спрятаны разные наряды.

— Значит, твоя сказка больше похожа на эту, — улыбнулся Апрель. — У тебя тоже будут наряды, но не будет феи.

— Как, а ты? — наигранно возмутилась Настя.

— Нет, я не фея, — слишком серьезно для такого шутливого разговора ответил ангел. — Я не могу исполнять твои желания и превращать тыквы в

кареты. Я могу только помогать тебе, но делать тебе все придется самой.

— Ну вот, а я уж обрадовалась, — то ли в шутку, то ли всерьез надула губы Настя.

Подошел официант с подносом, поставил перед ней хрустальную креманку с живописной горкой ягод и кусочков фруктов и высокий, красиво украшенный бокал со смузи.

— Что-нибудь еще?

— Пока нет, благодарю вас, — с достоинством отвечала Настя.

Едва официант отошел, она сделала большой глоток через соломинку.

— Ой, как вкусно! Пить хочу, умираю! Щас, погоди… — Она начала копаться в сумочке.

— Настя, что ты делаешь?! Кто-нибудь может увидеть, какую кучу денег ты с собой таскаешь!

— А, — беспечно отмахнулась девушка, — ты сам говорил, что с тобой мне никакие неприятности не грозят. — Она наконец вынула смартфон, украдкой, прикрывая ладонью неказистый гаджет, приподняла его над столом и сделала несколько снимков креманки и бокала с разных ракурсов. Затем, увлеченно листая получившиеся кадры, пробурчала под нос: — Надо будет еще в дамскую комнату заглянуть, там наверняка кра-

сота и зеркала в полный рост — сделаю наконец селфи в зеркале. А то такой прикид пропадает…

— Почему пропадает? Ведь ты же выкупишь утром эти вещи, они уже, считай, твои.

— Ты не понимаешь! Утро — это утро. Пока понятия не имею, где буду утром. А сейчас я тут. Должна же поделиться с друзьями тем, как у меня все здорово? Кто знает, когда я в следующий раз в «Весну» попаду? Да и вообще: в одном и том же наряде приходить дважды в один и тот же ресторан — это попросту неприлично! Так во всех бьюти-блогах пишут.

— А что ты сейчас делаешь? — вытянув шею, Апрель попытался заглянуть за край стола, за которым Настя прятала свой смартфон, колдуя пальчиками над экраном.

— Как что? Размещаю фотки на своей страничке. Вон, уже первый лайк! Второй!

— Прости, я не понимаю… Ты что, показываешь посторонним людям то, что собираешься съесть?

— Ну да, а что в этом такого? Прикольно же! К тому же это не посторонние люди, а мои друзья.

Апрель очень удивился.

— Друзья? Настя, совсем недавно ты говорила мне, что у тебя нет друзей, что тебе даже позвонить некому!

— Нет, ну… — Девушка на минутку задумалась. — Это не такие друзья, это виртуальные френды. Мы с ними постоянно общаемся, делимся своими новостями, мыслями. Поддерживаем друг друга… Или вот, — осторожненько повернула она экран в сторону ангела, — желаем друг другу приятного аппетита. Видишь, сколько уже комментариев нападало? И это в два часа ночи! А что будет утром, когда остальные проснутся…

Апрель помолчал, давая возможность Насте всласть полюбоваться на количество комментариев, а сам в это время размышлял.

— Знаешь, — наконец сказал он, — я ведь пытался разобраться в смысле интернет-общения. Я много путешествовал, пока искал тебя, и везде сталкивался с тем, как людям это важно — быть всегда на связи, иметь возможность получать информацию, делиться новостями, переписываться с десятками, а то и сотнями людей, которых они подчас ни разу в жизни не видели… За девятнадцать лет все это так стремительно распространилось… и, получается, я не поспел. Не придал должного значения. Думал, это временное поветрие, которое вскоре надоест людям, забудется, как «Тамагочи» или «Тетрис» — про них ты, конечно, вряд ли помнишь, а вот я застал

времена, когда все поголовно носились с этими игрушками. Вот! Игрушка! Это самое подходящее название! Я был уверен, что и соцсети, блоги, мессенджеры — это тоже что-то ненастоящее, несерьезное, что люди однажды наиграются — и забудут.

Настя с сомнением перевела взгляд со смартфона на ангела и обратно.

— Как это — несерьезное? Да ведь сейчас шагу нельзя ступить без смарта! Как я узнаю, что где-то происходит что-нибудь интересное? Как пойму, что сейчас в тренде? Какая песня попала во все плейлисты, какой фильм больше всего обсуждают, какие цвета в одежде будут модными в этом сезоне?

— А как об этом узнавали раньше, до появления соцсетей? Ведь тогда тоже слушали популярные песни, ходили в кино и на выставки, и отсутствие смартфона никак не мешало следить за модой.

Настя неуверенно хихикнула:

— Ну ты сказал! Вспомнил бы еще времена, когда дамские журналы выписывали из Парижа, а потом их целый месяц доставляли. Да за этот месяц мода, знаешь, как далеко убегала? А сейчас всё еще быстрее меняется. Вот так начнешь обсуждать с подружкой какие-нибудь винклиперы,

а потом окажется, что они из прошлогодней коллекции, — это ж такой зашквар! Да и как вообще с подружкой связаться, если смартфона нет?

— Ты могла бы встретиться с ней в парке, в кафе или даже вот здесь, в «Весне». И моду бы обсудили, и не пришлось бы выкладывать фотографии салата на свою страничку — подруга и так бы его увидела, вживую.

Настя снова снисходительно улыбнулась.

— Какая радость от того, что мой салат или мое платье увидела бы всего одна знакомая? А так со мной сейчас сидят здесь… — Она покосилась на экран гаджета. — О! Шестьдесят пять лайков уже! Вот — со мной здесь сейчас шестьдесят пять друзей, которым очень нравится все происходящее.

— Настя, оглянись! — взмолился Апрель. — Ты за столиком совсем одна! Здесь нет всех этих людей!

— Ошибаешься! Они — тут, пусть и виртуально. И мне очень приятно, что в этот момент они наблюдают за таким замечательным кусочком моей жизни. И, если уж на то пошло, для окружающих тебя тоже здесь нет, они ведь тебя не видят, правильно? Но я-то знаю, что ты тут, рядом, и мне от этого хорошо. Так и с моими френдами.

Апрель сокрушенно покачал головой, не в

силах до конца понять эту новую культуру. Впрочем, если его подопечной от этого хорошо, стоит ли мешать ей наслаждаться? Раз общение через смартфон и впрямь стало неотъемлемой частью современной жизни, значит, это стоит принять и уж точно не осуждать.

— Прости, я тебя заболтал. А между тем — не следует забывать о нашей цели.

— Это точно! Слушай, а тебе не кажется, что вон тот тип как раз похож на принца чем-то?

— Тебе кто-то понравился? — Сидевшему спиной к залу ангелу пришлось обернуться.

— Ну да, вон тот, черноглазый, в сером джемпере. По-моему, он очень симпатичный! — Настя со всех сторон исследовала свой десерт и решила начать с клубники.

— Темноволосый, за столиком у стены?

— Ага! — девушка отправила в рот сочную половинку ягоды и с удовольствием разжевала. — Вкуснятина! Я клубнику последний раз ела у бабушки в деревне, после выпускного…

— Настя, я не советую тебе знакомиться с этим мужчиной! — проговорил ангел.

— Вот как? А почему?

— Потому что я вижу его сопровождающего. Это, как бы тебе сказать… Не ангел.

— В каком смысле? — Девушка оторвалась от десерта и с удивлением посмотрела на Апреля.

— В самом прямом. У людей ведь бывают разные хранители. У кого-то это ангелы, а у кого-то, как мы их называем, наши конкуренты — демоны.

— Правда? А как так получается?

— Мы же с тобой уже говорили на эту тему, — нахмурился ее собеседник. — Это зависит от того, какому миру принадлежит душа человека — миру Света или миру Тьмы.

— А, ну да, припоминаю… Темные силы. Значит, душа этого кекса принадлежит миру Тьмы? — Настя так заинтересовалась, что даже забыла про свой салат. — Ты хочешь сказать, что он продал душу дьяволу? Колдовал, читал заклинания, вызвал всякую нечисть из преисподней и подписал кровью контракт с дьяволом, как в кино?

Ангел поморщился:

— Я не большой знаток кино, однако не сомневаюсь, что там все сильно преувеличено. Договоры кровью сейчас тоже подписывают, но редко. Видишь ли, чтобы потерять шанс на Спасение, человеку вовсе не обязательно заниматься черной магией. Есть масса других способов погубить свою душу… Извини, мне не хочется

говорить на эту тему.

— А жаль… Хотя я тебя понимаю, — кивнула девушка, снова отпивая коктейль. — Вам, должно быть, очень досадно, что существуют, как вы говорите, конкуренты… У меня тоже такое было недавно… Мы вместе с одной девчонкой проходили испытательный срок, хотели продавцами устроиться, а шеф сказал, что возьмет на работу только одну из нас. Так я ее просто видеть не могла, убить была готова, честное слово! Особенно после того, как ее взяли на работу — а меня, соответственно, нет. Так что тебе, наверное, тоже очень неприятно видеть этих самых демонов?

— Неприятно — это еще мягко сказано, — горько улыбнулся Апрель. — Силы Света и силы Тьмы все время враждуют. Нам постоянно приходится сражаться за ваши души. И чем больше вы поддаетесь их соблазнам, тем больше страдаем мы, ангелы.

— Знаешь, это все так интересно… — Против своей воли Настя то и дело кидала любопытные взгляды на темноволосого мужчину за столиком у стены. — Первый раз вижу человека, продавшего душу дьяволу!

— Тебе это только так кажется, — вздохнул ангел. — Таких людей очень и очень много.

Здесь, например, подавляющее большинство. Вот за соседним столиком справа от тебя — да не оборачивайся ты так явно, Настя, это же неприлично! — сидят две молодые женщины.

— Ну да, я слышу, они все время смеются.

— Эти женщины добились своего — вышли замуж за богатых мужчин, и теперь у них есть дома на Истре, очень дорогие автомобили, драгоценности, меха… Их дети учатся за границей, а сами они проводят все свое время в таких вот ресторанах, в бутиках, в салонах красоты и в зарубежных поездках.

— Счастливые! — вздохнула Настя и отправила в рот еще одну ложечку фруктового салата.

— Я так не думаю, — покачал головой ангел. — Помнишь, я говорил тебе, что человек, чья душа погибла еще при жизни, не способен ничему радоваться? Послушай, насколько делано и неискренне звучит их смех, как скучны, даже им самим, их разговоры, посмотри в их глаза — в них только пустота и пресыщенность. Нет, Настя, они совсем не счастливы.

Девушка с сомнением поглядела на него, потом снова обернулась и некоторое время рассматривала своих соседок.

— Знаешь, пусть я лучше буду несчастна так,

как они, на Истре, чем счастлива целый день с «бутербродом» на морозной улице… — проговорила она и снова потянулась к торчащей из бокала соломинке. — Как хорошо, что мне не нужно продавать душу — у меня есть ты!

Она улыбнулась, а ангел смущенно отвел глаза.

— А вот за столиком чуть наискосок двое мужчин, молодой и постарше, — быстро заговорил он. — Это деловая встреча, они ведут нелегкий разговор о своем бизнесе, каждый из них не доверяет другому, ждет подвоха и сам норовит обмануть… А сзади них стоят их спутники, тоже, как ты понимаешь, не ангелы, и тоже ссорятся, вот-вот — и вцепятся друг другу в глотки. Это забавная сцена, если бы ты могла ее увидеть полностью, то повеселилась бы от души…

— И правда жаль, что я не могу это увидеть, — огорчилась Настя. — Слушай, а что ты скажешь вон о той импозантной пожилой паре? Видишь, седой мужчина, он сидит к нам спиной, и женщина в лиловом, с брошью в виде ящерицы на плече? Хотела бы я так же хорошо выглядеть в ее возрасте… У них тоже сопровождающие… ну эти… Темные силы?

— Здесь еще хуже, — отвечал Апрель, поглядев

в ту сторону, куда указывала девушка. — Это супруги, они женаты уже очень давно. Но его хранит ангел, а ее — демон.

— Да что ты? И такое бывает?

— К сожалению, бывает. И это одно из самых тяжелых испытаний для ангела. Знаешь, мы ведь очень привязаны к своим подопечным, откликаемся на все их чувства, мысли, поступки. Когда вам хорошо — мы радуемся, а когда вы грустите, думаете о плохом или делаете что-то дурное — мы страдаем. И если вы кого-то любите, то этот человек тоже очень значим для нас — и не только он, но и его хранитель. Обычно ангелы матери и ребенка или, например, влюбленных становятся очень близкими, почти родными. Но если того, кем дорожит твой подопечный, сопровождает враг — для ангела это сущее наказание…

— Могу себе представить… И у этой пары именно такая ситуация?

— Да. И ангел, который хранит мужа, выглядит очень печальным. Нам ведь неприятно даже просто видеть друг друга. Обычно ангелы и демоны стараются не общаться без крайней необходимости. Мы просто игнорируем их, делаем вид, что их не существует. И они так же ведут себя по отношению к нам. Что-то вроде негласного договора.

— Блин, как это все интересно… Слушай, а кто сопровождает вон того одинокого мужчину за столиком у окна? Он все время смотрит в мою сторону.

— Которого?

— Ну, вон того, что сейчас говорит по мобильнику. С седыми висками, как Тимоти Олифант в «Мандалорце».

— Не понял, как кто?

— Потом расскажу, ладно? — Настя потерла курносый носик. — Так что с ним?

— Про этого человека я ничего не могу сказать, он один.

— У него нет хранителя?

— Нет. Такое тоже очень часто бывает. Помнишь охранников в магазине, которые чуть тебя не поймали, один все время ворчал на другого, а второй мечтал стать модельером? У них обоих не было хранителей. И даже у тебя самой каких-нибудь пять часов назад…

— Неужели мы с тобой тусуемся всего только пять часов? А мне кажется, что я знаю тебя сто лет, с первого класса или даже раньше. — Кинув быстрый взгляд по сторонам и убедившись, что сейчас на нее никто не смотрит, Настя осторожно погладила лежащую на столе руку ангела и

тотчас спросила: — А вот тот блондин в синем костюме? Который пьет кофе? Слушай, а он ничего! Даже очень ничего!

— Вот с ним как раз ангел. Женщина. Но она выглядит какой-то усталой… Хочешь, я пойду поговорю с ней, расспрошу о ее подопечном?

— Не сейчас, ладно? Гляди, тот, с седыми висками, встал и идет прямо сюда. Неужели ко мне? — Пальцы Насти испуганно сжали ладонь Апреля.

Мужчина, о котором она говорила, действительно подошел к их столику. Высокий, широкоплечий, в отличной, несмотря на уже не юный возраст, физической форме, одетый с иголочки, он, пожалуй, не был красив, но, без сомнения, пользовался большим успехом у женщин.

— Добрый вечер! Я вижу, вы сегодня одна. Не скучаете? — поинтересовался он.

— Ничуть! — отвечала Настя, лучезарно улыбаясь.

— Вот как? А я, честно признаться, что-то затосковал в одиночестве. И решил подойти к самой красивой девушке в этом заведении. Разрешите угостить вас кофе? Здесь варят великолепный кофе, такого вы больше нигде не найдете. Вы ведь, похоже, здесь впервые? Я никогда не видел

вас раньше. Кстати, с наступающим вас праздником!

— Спасибо, и вас также…

Настя выразительно посмотрела на своего хранителя, и он сразу понял, что она хотела ему сказать: «Пожалуйста, оставь нас с ним вдвоем! Я буду здесь, у тебя на глазах, со мной ничего не случится, можешь не беспокоиться. Но я хочу пообщаться с ним сама, наедине. Не обижайся, ладно?»

И ангел лишь пожал плечами в ответ, поднялся и отошел в противоположную часть зала, а Настя осталась за столиком в обществе импозантного мужчины.

«Они хорошо смотрятся вдвоем, — думал Апрель, наблюдая за этой парой. — Настя выглядит великолепно, ей очень идет этот костюм. И она прекрасно держится. Сейчас никто бы не узнал в ней ту несчастную девчушку, что еще днем мерзла с рекламными досками на улице… Он наклонился, что-то говорит ей, и она смеется. Может быть, у них и правда все получится? Как мне хотелось бы уже сегодня устроить ее судьбу! Времени до новогодней полуночи осталось так мало, а потом… Что будет потом? Для меня — ничего. Я просто исчезну. Перестану видеть,

слышать, мыслить, чувствовать… Не могу представить себе, как это. Лучше вообще не думать об этом. Слава Создателю, у меня есть другая забота — Настя. А что это с ней? Она хмурится, говорит своему кавалеру что-то резкое… Он поднимается… Похоже, они поссорились!»

Так и было. Мужчина встал из-за столика и, слегка пожав плечами, удалился на свое место, даже не допив кофе. Девушка фыркнула ему вслед и с громким стуком поставила чашечку на блюдце. Она выглядела рассерженной.

— Увы. Прибалтийский народный праздник — обломайтес, — сообщила она ангелу, едва тот вновь опустился на стул.

— Прости, я тебя не понимаю. Что случилось?

— Что-что! Облом. — Она взяла губами соломинку и одним глотком допила то, что еще оставалось в бокале.

— Все равно я не…

— Господи, ну ты что, русского языка не понимаешь? Впрочем, ну да, конечно… Я говорю, что ничего не получилось! Он оказался женат. Сам об этом сказал, представляешь? Он, оказывается, всегда об этом говорит с самого начала. Во избежание ненужных иллюзий, как он выразился. По-моему, это просто свинство — так себя вести. И

совсем он не такой интересный, как мне показалось сначала… Фу, таким быть! Как ты думаешь, мне заказать коктейль?

— Конечно, и коктейль, и что-нибудь еще. Мы же с тобой собираемся пробыть здесь довольно долго. И не расстраивайся. Как у вас говорят — первый блин комом…

— А я и не думала расстраиваться. Было бы из-за чего!

Настя подняла палец, собираясь позвать официанта, но тот уже сам приближался к ней. В руках у него было серебряное ведерко со льдом, из которого виднелось обернутое фольгой горлышко бутылки.

— Открыть сейчас или попозже? — спросил он, ставя перед Настей высокий сверкающий бокал на длинной ножке.

— Но я ничего не заказывала! — удивилась девушка.

— Это подарок.

— Подарок? Круто! Интересно, от кого бы это? — Она взглянула на ангела, и тот ясно прочитал в мыслях: «Хорошо бы от того симпатичного блондина!»

— От господина вон за тем столиком. — Официант указал именно в том направлении, и Настя

радостно просияла.

Увидев, что она смотрит на него, блондин слегка склонил голову. Девушка растерянно перевела взгляд на своего хранителя.

«А что я должна сейчас сделать? Как принято поступать в таких ситуациях?» — мысленно спрашивала она.

— Понятия не имею! — отвечал Апрель. — Просто улыбнись. Я думаю, этого будет достаточно.

Настя последовала его совету и тут же, смутившись, отвернулась.

— Открыть сейчас или попозже? — невозмутимо повторил официант.

— Сейчас, пожалуйста.

Девушка съежилась и замерла в предвкушении хлопка, но волновалась она напрасно: напиток был охлажденным, а потому пробка вылетела почти бесшумно. Придерживая бутылку белоснежным полотенцем, официант налил в ее бокал пузырящуюся золотистую жидкость.

— Спасибо. И передайте ему, что я… Не знаю, как выразиться… Ну, в общем, тоже спасибо.

Официант отошел, неторопливо приблизился к столику блондина и что-то сказал ему. Тот кивнул и вернулся к своему кофе.

— Ну и что теперь? — нетерпеливо спросила

Настя у своего ангела.

— Откуда я знаю? — пожал плечами тот. — Давай подождем.

Она отпила из бокала и поморщилась:

— Фу-у, какая кислятина!

— Это ты еще не пила брют, — принялся развлекать ее разговором Апрель, чтобы хоть как-то скрасить ей ожидание. — Французы, его производители, утверждают, что настоящее шампанское должно быть только сухим. Все остальные сорта, даже полусухое, они считают подделкой. А подавать к шампанскому обычно принято икру. В крайнем случае фрукты. Но ни в коем случае не сладкое. Когда я был во Франции, то однажды…

— Как ты думаешь, может, мне самой подойти к нему? — перебила его девушка. Она, похоже, вообще не слушала собеседника, заинтригованная блондином в синем костюме.

— Что ты, ни в коем случае! — даже испугался ее хранитель. — Действовать должен только он, сам.

— Ну да, знаю, это во всех блогах для девочек пишут. — Настя недовольно поморщилась. — Позвольте мужчине себя завоевать, пусть в нем проснется дух охотника и прочая фигня…

— Блоги тут совсем ни при чем! — отвечал ее

спутник. — Тут дело в вашей людской психологии. Поверь, уж мы, ангелы, ее знаем. Почему-то вы дорожите только тем, что вам тяжело досталось. А еще больше — тем, что вы потеряли. А то, что приходит к вам само, или то, что у вас уже есть, к сожалению, не имеет для вас ровным счетом никакой ценности.

Настя едва слушала его. От нетерпения она только что не ерзала на стуле.

— Вот ты тут сидишь и философствуешь, а он сейчас допьет свой кофе и уйдет. Что мне тогда делать? Или, того хуже, пока я тут зеваю, его уже уведет какая-нибудь другая девчонка. Нет, не отговаривай меня, я пойду!

— Не торопись! Я же знаю, что он сейчас сам подойдет к тебе.

И действительно. Блондин неторопливо сделал последний глоток, отодвинул чашку, поднялся и направился в их сторону.

— Ну вот, видишь! Я же тебе говорил…

— Вы позволите? — Мужчина взялся рукой за спинку свободного, с его точки зрения, стула. Он же не знал, что там сидит Апрель!

Настя, от волнения лишившаяся дара речи, только кивнула. Ангел торопливо встал, и блондин тотчас занял его место.

— Мне уйти или можно остаться? — поинтересовался Апрель.

«Оставь нас, а? — мысленно отвечала Настя. — Мне при тебе как-то неловко разговаривать с мужчинами. А будет надо, я тебя позову».

Он внял ее просьбе и направился туда, где раньше сидел блондин. За еще не убранным столиком в одиночестве сидела его хранительница — симпатичная женщина-ангел, на вид лет пятидесяти, с короткой стрижкой, в простом и удобном, но не лишенном изящества клетчатом домашнем платье с большими карманами. Лицо ее было усталым и печальным.

— Привет! — улыбнулся ей Апрель.

— Привет! — кивнула та. — Скучаешь?

— Да так, — неопределенно отвечал ангел. — Решил пройтись по залу, с кем-нибудь поболтать.

— Ну отдохни, пока мой твою клеит… — грустно улыбнулась она. — У нас с ним такое часто бывает. Что ни вечер, то новая телка, как он это называет.

— Похоже, с ним не все в порядке, да? — с сочувствием спросил молодой ангел, наблюдая, как блондин, перекинувшись несколькими словами с Настей, подзывает официанта.

— И не говори! — махнула рукой его собеседни-

ца. — Вся исстрадалась из-за него… Ну сам посуди — разве это жизнь? Спит каждый день до двух, а то и до трех часов дня. У него собственная фирма в Москва-Сити, склады по всему Подмосковью, но делом своим он совсем не занимается, посадил везде директоров да управляющих, они вкалывают, а он только бабло стрижет. А ночи напролет мы с ним по кабакам да по саунам мотаемся. И все с девками, все с девками… Сейчас, если и с твоей получится, будет жене звонить, опять врать… Изоврался так, что уже скоро имя свое забудет! Жена у него красавица, бывшая модель, детишек двое — так они уже не помнят, когда последний раз его видели… Гляди, вон нашим закуски принесли… Похоже, договорятся!..

— Выходит, это совсем не тот человек, который нужен моей подопечной, — со вздохом заключил ангел.

— Да не то слово! — горячо поддержала его собеседница. — Твоя девочка может сейчас, как он у меня выражается, встрять по полной программе. Сюда же с минуту на минуту его постоянная пассия нагрянет. Он ей назначил встречу, да и забыл. А у нее характерец — ого-го, душа-то уже давно *не наша,* чуть не с детства, по-моему… С нее станется, может и в волосы вцепиться, и лицо расцарапать,

и одежду порвать. Всякое бывало, даже похуже. Недавно одну студентку в больницу увезли с сотрясением мозга. Она ее так толкнула…

— Какой ужас! Слушай, спасибо, что предупредила! — Ангел благодарно сжал ей руку и сделал знак Насте. Та поймала его взгляд и кивнула. Сказала что-то своему кавалеру, встала из-за стола и неторопливо направилась в сторону туалетной комнаты.

— Она что — *видит тебя?* — ахнула заметившая это женщина-ангел.

— Да.

— Не может быть! Дожила до таких лет — и ни одного греха?

— Нет, тут другое… Мы только что встретились. Сегодня, точнее уже вчера вечером. А до этого я искал ее почти двадцать лет.

— Да ты что! Просто чудеса! Слышала о таком, но ни разу не видела… Ну что же, удачи и тебе, и ей!

— Спасибо! — Ангел еще раз пожал ее руку на прощание и поспешил следом за Настей. Она ожидала его, поправляя макияж у большого зеркала. Кроме них, в комнате никого не было.

— Ну и как? Как он тебе? — волнуясь, спросил ангел.

Настя пожала плечами:

— А я сама не знаю. Как-то не очень… Так вроде ничего… Но такое чувство, что он врет все время, глаза бегают… А что его ангел? Ты поговорил с ним?

— С ней. Это женщина. Говорил. И ровным счетом ничего хорошего о ее протеже не услышал.

— Вот как? Ну и фиг с ним, и не очень-то хотелось. — Девушка закрыла пудреницу и кинула ее в сумочку. — Пошли обратно?

Первое, что они увидели, вернувшись в зал, — ярко накрашенную брюнетку, лобызавшую несостоявшегося Настиного кавалера.

— Ах, котик, — щебетала она, — как это мило было с твоей стороны назначить мне свидание здесь. Я так соскучилась и такая голодная… Ты угостишь свою зайку чем-нибудь?

Настя только скривилась, проходя мимо них. Она вернулась за свой столик и тотчас подозвала официанта.

— Принесите счет, пожалуйста. Мне здесь надоело, — попросила она.

— Ты огорчена? — участливо поинтересовался Апрель.

— Ничуть. Вот честное слово — ни капельки!

* * *

Расставшись со своим приятелем, Апрель, конечно, понятия не имел, куда тот направится. Наверное, Озорник так и останется сидеть в кабинете Стирателя, отвлекая чиновника от работы и раздражая его своей веселой болтовней, или отправится летать по ночной Москве, чтобы устроить где-нибудь очередную проделку. Впрочем, Апрелю сейчас было вовсе не до него, у него достаточно было своих забот.

А между тем Озорник, который вскоре после своего друга тоже покинул кабинет Стирателя, совсем не веселился. Вылетев из башни Исторического музея, он отправился прямиком на Сухаревскую площадь, в Институт имени Склифосовского, где вот уже много недель лежала без сознания его подопечная. Склонившись над койкой Алины, ангел вглядывался в ее безжизненное лицо, и по его щекам текли слезы. Он знал, что девушка не страдает, не чувствует боли — она вообще ничего не чувствует, — но легче ему от этого не становилось. В который уж раз ангел во всех подробностях прокручивал в памяти ту страшную осеннюю ночь и запоздало корил себя за то, что отвлекся и не сумел вовремя прийти на

помощь Алине. Конечно, потом, когда ее земной путь закончится, может выясниться, что именно такой исход был предначертан для нее в Книге Судеб… Это, конечно, послужило бы оправданием для ее хранителя. Ну а если нет? Если окажется, что авария была чистой случайностью? Тогда он, Озорник, будет кругом виноват.

Впрочем, удручало молодого ангела не только чувство вины. И уж никак не боязнь ответственности за свою оплошность. Больше всего Озорник горевал из-за того, что судьба его подопечной приняла столь трагический оборот. Он очень любил свою Альку и никак не мог смириться с тем, что в столь юном возрасте жизнь девушки уже практически закончилась. Надежды на ее выздоровление практически не было. «Спасти ее может только чудо», — повторяли врачи. Родители Алины, чье горе было безмерным, не жалели денег на лечение своей дочки. Они верили и надеялись, и их хранители всячески поддерживали их в этом. И тем не менее ангелам было еще тяжелее, чем отцу и матери девушки, — они ведь могли читать мысли врачей и знали то, что не произносилось вслух. Они знали — даже если девушка когда-нибудь и придет в себя, прежней она уже не станет. Несчастной Алине уже больше не

гонять на мотоцикле, не плавать, не веселиться с друзьями — ей придется провести весь остаток своих дней на больничной койке, почти без движения. И каждый раз, когда Озорник думал об этом, его горло сдавливали рыдания.

Вот и теперь, оставшись наедине с Алиной в полутемной больничной палате, ангел, как это не раз уже случалось, тихо и горько плакал. Но в этот раз он оплакивал судьбу не только подопечной, но и друга. От мысли, что меньше чем через сутки, в тот час, когда на Земле все люди будут весело встречать свой самый любимый праздник, его друг исчезнет раз и навсегда, его сердце отчаянно сжималось. И, глядя в стену палаты, Озорник продолжал бесконечный мысленный разговор со своим другом, то упрекая его за то, что он так дешево оценил собственную жизнь, то всячески пытаясь отговорить его от необдуманного поступка, то восхищаясь его смелостью и мужеством. Сам бы он ни за что не решился на такой отчаянный шаг, не то что ради каких-то денег, но даже ради спасения столь дорогой ему Алины. Хотя…

Глава 7, в которой Настя и ее ангел-хранитель гуляют по ночной Москве

— Ну что? — поинтересовался Апрель, когда они оказались на улице. — Ловим машину и едем в другое место?

Настя не торопилась с ответом. Она с удовольствием вдыхала свежий ночной воздух, постукивая каблучком по очищенным от снега плиткам перед входом в ресторан, и оглядывалась вокруг. Несмотря на весьма поздний час, жизнь на празднично украшенном Новом Арбате продолжала бурлить. Фонари и рекламные вывески ярко освещали улицу, поток машин на заснеженной мостовой и не думал редеть, да и недостатка в прохожих не ощущалось.

— Знаешь, а может, пройдемся немного? — проговорила она наконец. — Такая чудесная ночь — прямо совсем-совсем новогодняя!

— А ты не устанешь? — Апрель с сомнением покосился на ноги своей подопечной. — Вон у тебя какие высокие каблуки!

— Ерунда! — беззаботно отвечала Настя. — Я

привыкла. С моим ростом без каблуков ходить просто нельзя. А устану — вызову такси.

И, подхватив своего сопровождающего под руку, она зашагала по улице.

— Смотри, Настя! — Апрель указал на вход в ночной клуб, откуда доносилась громкая веселая музыка. — Это, насколько я знаю, тоже очень модное место. Может, зайдем?

— Нет, не сейчас. У меня пока нет настроения. Я хочу погулять! — Настя прижалась щекой к его плечу и счастливо проворковала: — Я так рада, что тебя встретила, что ты меня все-таки нашел. Оказывается, иметь ангела-хранителя так здорово! Теперь у меня и деньги есть, и на душе так спокойно…

Подул ветер, бросил им в лицо горсть снега, над головой громко хлопнула рекламная растяжка, поздравлявшая москвичей с наступающим Новым годом.

— Словно парус! — заметила Настя, поглядев вверх. — Знаешь, я никогда в жизни ни на чем не плавала. Ни на теплоходах, ни на яхтах, ни даже на лодке. И моря ни разу не видела. А так хочется лежать на берегу, на горячем песке, под ярким солнцем, чтобы шумел прибой и кричали чайки… Или плыть на красивой яхте, чтобы си-

няя-синяя вода, и белоснежный парус, и берега на горизонте не видно, и соленые брызги в лицо… Я часто об этом мечтаю и иногда так явственно себе представляю, точно все это уже со мной было. Может, в прошлой жизни? А? Как ты считаешь? Ты веришь в переселение душ?

— Настя, мне не хочется тебя огорчать, — улыбнулся ангел, — но никаких прошлых жизней не бывает. Это все выдумки. Земная жизнь у человека только одна, одна-единственная.

— Правда? А что же тогда потом?

— Потом его тело умирает, а душа или спасается — или гибнет. Разве ты не помнишь? Мы ведь недавно об этом с тобой говорили.

— Да, помню, конечно, только я не все понимаю… Выходит, Ад и Рай — это правда? Есть и райские сады с цветами и плодами, есть и преисподняя?

— Насчет райских кущ — это почти правда. Как бы тебе это объяснить… Там все устроено так, чтобы тому, кто там находится, было хорошо. И если чьей-то душе нравятся цветущие сады — значит, они будут его окружать. Дело же не только в пейзаже, верно? Дело в том, что там с тобой всегда будут те, кто тебе дорог, там ты сможешь всегда заниматься тем, что тебе по душе.

А будет это в саду, на опушке леса, в большом старом доме или на берегу моря — это уж как твоей душе будет угодно.

— А Ад? Там что, и впрямь черти варят грешников в котлах и поджаривают на сковородках?

— Нет, про котлы и сковородки — это, разумеется, сказки. Просто, как я тебе уже говорил, спасенная душа пребывает в вечном покое и блаженстве, а погибшая — в вечном страдании.

— Как это — в вечном страдании? — недоумевала девушка.

— Ну как бы тебе объяснить… Тебе знакомо чувство душевной боли?

— Ну конечно! Когда бабушка умерла, мне было так плохо… А еще у меня была неразделенная любовь — целых два года, с седьмого класса по девятый. Да я тебе рассказывала!..

— Вот и проклятая душа постоянно испытывает такие муки — только во много раз сильнее. И им нет ни конца, ни послабления…

Настя поежилась.

— Тебе холодно? — тут же заволновался ангел.

— Нет, нисколько! Я просто представила себе то, что ты говоришь… Наверное, это действительно ужасно…

— А я уже хотел предложить тебе снова отпра-

виться куда-нибудь в тепло. В другой ресторан, а?

— Нет, давай погуляем еще, ладно?

— Как хочешь, Настя.

Девушка счастливо засмеялась.

— Знаешь, уже так давно никто не интересовался, не холодно ли мне, как я себя чувствую и чего хочу… Наверное, с тех пор, как я уехала из дома. Впрочем, и дома тоже… А ты такой милый, все время спрашиваешь!

— Это мое предназначение. Я счастлив только тогда, когда тебе хорошо.

— Спасибо тебе! — Настя на миг снова прижалась к его плечу. — Знаешь, у меня столько вопросов к тебе, столько всего хочется узнать… Ведь мне с тобой просто необычайно повезло — я могу узнать все-все, что интересовало людей. Сколько человек живет — столько хочет узнать, как устроен этот мир, ну, в смысле за пределами нашего разума. И прикинь — все хотели, а возможность есть только у меня! Как клево. — Она даже запрыгала от радости.

— Так спрашивай, — улыбнулся ангел. — Пока есть такая возможность.

— Мне очень многое непонятно, — заговорила после паузы девушка, не обратив внимания на

его последние слова. — Вот ты говоришь, что ангел-хранитель счастлив только тогда, когда его подопечному хорошо. Это так?

— Да. Мы радуемся, когда вы довольны, когда от души делаете что-то хорошее.

— Ну вот я и хочу тебя спросить… Ведь, как правило, человек доволен совсем не тогда, когда он делает что-то хорошее. Даже, скорее, совсем наоборот. Например, бабка, у которой я койку снимаю, она знаешь, как счастлива, когда выпьет! А Мамед, был у меня такой начальник, — так он радовался, когда кого-нибудь кидал на деньги. И что — получается, их ангелы смотрят на них и радуются?

— Что ты, конечно, нет! — заверил Апрель. — Они очень страдают! Ведь все то, о чем ты говоришь, — совсем не радость, а самообман, иллюзия удовольствия. Как раз то, что приносят вам наши враги… Боюсь, что рядом с теми, о ком ты сейчас рассказала нет ангелов-хранителей. А если есть, то это несчастнейшие существа…

— Ой, посмотри туда! Вон там, на другой стороне, на четвертом этаже! Видишь?

Апрель взглянул туда, куда указывала девушка. В окне жилого высотного дома виднелась большая наряженная елка. Гирлянда из лампочек в

виде разноцветных свечек переливалась на ней яркими огоньками.

— Как здорово! Видимо, легли спать, а елку оставили гореть на всю ночь. Наверное, у них есть дети. Когда я была маленькая, мама ставила мне искусственную елку, а потом как-то перестала. А мне до сих пор хочется! Знаешь, когда у меня будет свое жилье, я обязательно буду наряжать елку каждый Новый год, только настоящую, живую…

— Это может быть уже завтра, Настя! — воскликнул ангел. — Точнее, уже сегодня. Хочешь, прямо с утра займемся поисками квартиры для тебя? Я постараюсь помочь тебе в этом и сделать так, чтобы бой курантов ты слушала уже в собственном доме.

— Господи, неужели такое возможно! — Она даже руками всплеснула. — Просто боюсь в это поверить… Я смогу снять себе квартиру — именно квартиру, а не койку и даже не комнату! Никто не будет храпеть или ругаться над ухом… Собственная кухня, собственная чистая ванна… — Девушка ощупала свою сумочку, словно желая убедиться, что та все еще при ней и деньги целы. — Но первым делом все-таки купим одежду, хорошо? Мне обязательно нужны хорошие джинсы и теплый свитер, а еще я присмотрела на третьем этаже

ЦУМа такую кофточку…

На противоположной стороне Нового Арбата показался красиво подсвеченный белоснежный храм Симеона Столпника. Настя внезапно остановилась.

— Знаешь, мне вдруг так захотелось зайти в церковь… Это можно?

— Думаю, да.

— Но сейчас поздняя ночь и наверняка все закрыто!

— Я тебя проведу.

Девушка с сомнением поглядела на него.

— А нас никто не увидит? То есть, я хотела сказать, меня?

Ангел улыбнулся:

— Не беспокойся! Я все устрою. Только, пожалуйста, накрой голову шарфом.

Они поднялись по занесенным снегом ступеням. Вход в храм был, разумеется, заперт, но Апрелю стоило только дотронуться до него — и створки со скрипом приоткрылись.

— Пожалуйте, сударыня! — пригласил он.

Настя, испуганно оглянувшись по сторонам, с усилием потянула тяжелую дверь и проскользнула внутрь.

— Ой! — шепотом сказала она. — Как красиво!

Помещение освещалось лишь лампадками да отсветом горевших снаружи фонарей. На цыпочках, боясь нарушить торжественную тишину, девушка переходила от иконы к иконе и наконец остановилась перед образом Богоматери. С нежностью и печалью глядела Спасительница на людей, прижимая к себе своего Божественного Младенца.

— Как думаешь, я могу поставить свечку? — шепот Насти гулко отдавался под высокими сводами.

— Ну конечно! — также вполголоса отвечал Апрель. — Вон там, недалеко от входа, есть все, что нужно. Возьми свечу, а деньги просто положи рядом.

Настя выбрала самую толстую свечу из красного воска и засветила ее перед образом. Потом, подумав, вернулась, взяла еще одну такую же и тоже укрепила ее в подсвечнике. Сложила ладони и долго стояла перед иконой, беззвучно что-то нашептывая. Ангел со счастливой улыбкой смотрел на нее.

Наконец девушка обернулась к нему:

— Знаешь, я поблагодарила Пресвятую Богородицу за то, что у меня появился ты, — вполголоса поделилась она. — И еще попросила… Об одной

вещи. Или нельзя говорить, а то не сбудется?

— А ты не говори. Я и так все понимаю, — отвечал он. — Ты захотела встретить свою настоящую любовь, да?

— Да. Причем в этом году. Но разве такое возможно? Я совсем забыла, что от этого года осталось, — Настя кинула взгляд на стильные часики — двадцать часов и тридцать три минуты. Разве можно найти любовь за двадцать часов?

— Трудно, конечно. Но у нас ведь еще есть тридцать три минуты!

— Ты смеешься надо мной, да?

— Ничуть. Я не сомневаюсь, что все, о чем ты загадала, обязательно сбудется.

Никем не замеченные, они вышли из церкви, снова заперев за собой дверь, покинули храм и отправились дальше. Дошли до Бульварного кольца и, не сговариваясь, свернули налево.

— Как я люблю бывать в церкви! — нарушила молчание Настя. — После этого так светло, так легко на душе… Только я почему-то редко туда хожу. Все некогда…

Она неожиданно поскользнулась и упала бы, если бы Апрель ее не поддержал.

— Вот черт! Ой, извини, пожалуйста, я хотела сказать «Блин!»… Спасибо тебе. Как же все-таки

хорошо, что ты все время рядом! Вот только опять странно. Я всегда думала, что ангелы должны быть в белоснежных одеждах и с большими крыльями… И была уверена, что для людей они не только невидимы, но и, как бы сказать, бесплотные, да? А я тебя вижу, могу говорить с тобой и даже держать за руку…

— Мы действительно бесплотны, не способны есть, пить и делать многие другие вещи, доступные вам, людям, — отвечал Апрель. — Но иногда вы можете нас видеть, а когда это необходимо, даже чувствовать. Ты наверняка слышала рассказы о том, как какого-то человека перед самой опасностью словно бы остановила невидимая преграда? Эта преграда — и есть его ангел-хранитель. Он удержал его — от падения в пропасть, например, или от какой-нибудь другой роковой ошибки.

Настя кивнула, соглашаясь.

— Конечно, я не раз слышала об этом… А давайка перейдем вон туда, пока нет машин!

Потянув своего спутника за руку, она потащила его на бульвар. Теперь их путь пролегал между рядами заснеженных деревьев и укрытых пушистой белой периной скамеек.

— И еще одно, — продолжала Настя, которой все было интересно. — Я была уверена, что у ан-

гелов нет пола. А ты выглядишь, как парень, и к тому же симпатичный…

— Мы сами выбираем себе облик, прежде чем прийти в ваш мир. У нас есть и мужчины, и женщины.

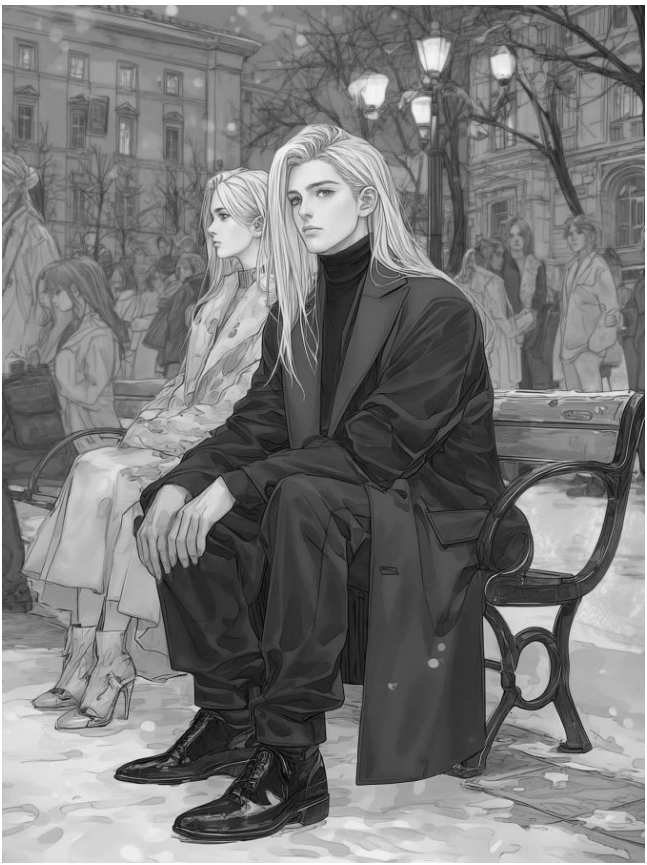
— Как интересно! И вы тоже любите друг друга, встречаетесь?

— Да, бывают и привязанности, и пары.

— А у тебя есть пара? — В голосе девушки появилась какая-то напряженность.

— Нет. Мне было не до этого, я все время искал тебя. И потом, пары у ангелов чаще всего образуются, когда их подопечные тоже любят друг друга — если это муж и жена или, например, мать и ребенок.

— Да, я помню, ты говорил… Скажи, а у всех девушек ангелы-хранители мужского пола? А у мужчин — женского, как у этого кекса в ресторане?



— Нет, это не так. Мы ведь выбираем себе пол еще до того, как прибудем на Землю и познакомимся с душой, которую нам назначено опекать. И душа, пока человек, в чьем теле она будет, еще не родился на свет, еще не мужчина и не женщина. Это просто душа.

— В каком смысле?

Прежде чем ответить, ангел показал рукой на двигавшуюся им навстречу пару. Юноша и девушка шли, нежно прижавшись друг к другу, он что-то тихо говорил, склонившись к ней и обнимая за талию, она счастливо смеялась.

Настя проводила их взглядом, в котором смешивались умиление и незлая зависть.

— Посмотри на них! Так трогательно…

— Да, я вижу. И вижу не только их двоих, но и сопровождающих их ангелов.

— А они тоже мужчина и женщина? — заинтересовалась Настя.

— Точнее, два мужчины и женщина, — с улыбкой отвечал Апрель. — У этой девушки двое сопровождающих. Знаешь, о чем это говорит?

— Нет. Она что, какая-то особенная?

— Можно сказать, что особенная. Ведь внутри ее новая жизнь! Она беременна, просто сама еще об этом не знает. А тот ангел, что призван

охранять душу ребенка, которого она ждет, уже оберегает ее — вместе с ее собственной хранительницей.

— Как это здорово! — Еще раз оглянувшись вслед парочке, Настя сначала просияла, а потом нахмурилась, видимо, подумав о чем-то неприятном. — Слушай, а если… что-нибудь случится и ребенок не родится?

— Тогда ангел вернется на Небеса и вскоре получит нового подопечного. Ведь еще не рожденная душа безгрешна.

— А рожденная?

— Рожденная, как правило, грешна.

— И что тогда бывает с ее хранителем?

— Пока они здесь, на Земле, он очень страдает от каждого греха своего подопечного, от его дурных поступков и даже недобрых помыслов. А потом, когда человек умирает, ангел-хранитель ведет его душу на Небо, и там она предстает перед Высшим Судом… Слушай, Настя, вон на той стороне я вижу еще один ночной ресторан. Давай пойдем туда и продолжим наши поиски?

Девушка отрицательно замотала головой:

— Я не хочу. У меня нет никакого желания сейчас идти в ресторан и с кем-то знакомиться. Хочу гулять и разговаривать с тобой!

— Настя, но у нас очень мало времени, — начал было настаивать ангел.

— Почему это? Ты сам говорил, что мой наряд, в отличие от наряда Золушки, не превратится в лохмотья, когда пробьет двенадцать, — засмеялась девушка. — И, кстати, полночь уже давным-давно была. Так что лучше расскажи мне про Высший Суд — должна же я знать, что ждет меня впереди?

— Ну если ты правда хочешь это знать, то на Суде человеку, вернее уже его душе, будут припомнены все грехи, какие он когда-либо совершал. Но если у него есть ангел-хранитель, то во время Суда он будет стоять рядом и защищать своего подопечного, вспоминая его добрые дела.

— То есть что-то вроде адвоката, да? А как быть тем, у кого нет ангела? Самим отдуваться?

— Можно сказать и так. Если, конечно, их душа не принадлежит уже Темным силам. Тогда она сразу попадает в ад, как вы это называете, без всякого Суда. Туда же попадают и те души, чей перечень злых дел и помыслов на Земле окажется больше перечня добрых поступков… Чтобы лучше понять это, представь себе большие весы с чашками. На одну чашу кладется все хорошее, сделанное человеком за жизнь, а на другую — все

дурное. От того, какая чаша перевесит, и решается судьба…

— Человеческой души? — подсказала Настя.

— И не только. Еще и судьба ангела-хранителя.

— Судьба души ангела?

— Нет, не души, ты неправильно меня поняла, — помотал головой Апрель. — У нас, ангелов, в отличие от людей, нет бессмертной души. Только сердце. Благодаря ему мы можем любить и ненавидеть, радоваться и страдать… В основном наши чувства связаны с нашими подопечными — но и за всех других людей у нас тоже, как сказали бы люди, «болит сердце».

— Надо же, никогда об этом не думала! — воскликнула девушка и тут же добавила: — Знаешь, я постараюсь вести себя хорошо, чтобы ты никогда-никогда не страдал из-за меня… — Некоторое время она молчала, а потом спросила встревоженно: — Слушай, а тебе не попадет за то, что ты все это мне рассказываешь? Разве вам этого не запрещают?

— Нет.

— Офигеть! А почему же тогда люди не знают ничего из того, о чем ты мне говоришь?

— Потому что люди в большинстве своем не умеют слышать ангелов. Это дано только избран-

ным или только в исключительных случаях. Говорить с ангелами могут только маленькие дети, святые или те, кто находится на пороге смерти. И еще настоящие творцы — поэты, писатели, художники, музыканты…

— А я тоже исключительный случай? — кокетливо засмеялась Настя.

— Конечно. И не только потому, что я могу говорить с тобой. Ты и без этого — удивительная…

Они пересекли Большую Никитскую и оказались на следующем бульваре — Тверском.

— Ты не устала? — заботливо поинтересовался ангел, заметив, что девушка все чаще поглядывает на заметенные снегом лавочки. — Может, хочешь присесть отдохнуть?

— Вообще я посидела бы немножко, но… Зима ведь на улице, мы отморозим себе все на свете.

— А ты не беспокойся! — Ее спутник уже смахивал снег. — Я сделаю так, что ты даже не почувствуешь холода.

Девушка аккуратно опустилась на скамейку, ангел сел рядом. От него теперь действительно веяло теплом. Настя довольно рассмеялась:

— Точно у бабушки в избе на печке сижу! Только печка жесткая, а тут мне мягко, как на перине… До чего же мне с тобой хорошо! Слушай, неужели

все ангелы так заботятся о своих подопечных?

Апрель слегка смутился:

— Ну-у… Наверное, я делаю чуть больше, чем другие. Но, знаешь ли, я так долго тебя искал, так мечтал, что вот встречу тебя и буду опекать, охранять от всех несчастий, помогать тебе во всех начинаниях…

— Но ты все равно будешь заботиться обо мне и дальше, правда? Даже когда привыкнешь ко мне?

Ангел опустил глаза.

— Я… постараюсь, — выдавил он из себя. — Сделаю все, что в моих силах.

— Так что мне повезло, что моим хранителем оказался именно ты! — улыбнулась Настя.

— Ну что ты! — совсем засмущался Апрель. — Остальные ангелы тоже заботятся о своих подопечных. Мы вообще очень любим тех, кого охраняем. Это чувство часто сравнивают с отношением матери к ребенку, но, на мой взгляд, это не совсем верно…

— Знаешь, когда я встречу того, кого полюблю и кто полюбит меня, мне хотелось бы, чтобы он относился ко мне так же, как ты…

— Я очень надеюсь, что рядом с тобой будет именно такой человек.

Настя взяла Апреля под руку, прижалась к нему и несколько минут сидела молча.

— Знаешь, о чем еще я хотела тебя спросить, — заговорила она после паузы. — Расскажи мне об этих ваших фонариках. Ну который у тебя вот тут, в сумочке. Которыми ты и твои друзья светили во время моего выступления в театре. Это какая-то волшебная вещь, да?

— Можно, наверное, сказать и так, — улыбнулся Апрель. — Это особая принадлежность ангела. С этими фонариками мы приходим в ваш мир и обязаны не расставаться с ними никогда, что бы ни случилось. Спуститься с Неба на Землю и подняться обратно мы можем только с фонариком… Именно с его помощью мы ведем души после смерти в мир иной. Ты ведь слышала о свете в конце тоннеля, который видят умирающие, правда? Так вот это — не что иное, как сияние фонарика ангела.

— Неужели? Круто!

— Да, именно так. Свет наших фонариков действительно, если подойти к этому с позиции людей, творит чудеса. В луче фонарика человек может увидеть ангела, этот луч уничтожает демонов…

— Это как?

— Ну если посветить фонариком на демона, то он обычно погибает.

— А если ты его вдруг потеряешь?

— И что?

— Ну ведь им кто-то может воспользоваться!

— В чужих руках он останется всего лишь фонариком, да и то до тех пор, пока не потребуется заменить батарейки. Никакого вреда Темным силам нашедший или укравший фонарик принести не сможет.

— Правда? Почему же вы тогда сами этим не пользуетесь? Ведь можно было бы устроить большую разборку, собраться большой армией ангелов и перебить всю нечисть с помощью волшебного света!

Апрель усмехнулся, вспомнив, как когда-то давно, еще на уроке в ангельской школе, точно такой же вопрос задал его друг Озорник. И ангел ответил почти так же, как это сделал в свое время его учитель:

— Настя, я ведь говорил тебе, что подобные поступки против нашей природы. Мы не можем никого убивать, даже конкурентов. Разве что в крайних случаях… А еще наш фонарик — это индивидуальная принадлежность каждого ангела. Ведь нас не всегда можно узнать. Имена

ангелов часто повторяются, и внешний облик мы легко можем изменить, если возникнет такая необходимость…

— Постой-постой! У ангелов есть имена?

— Конечно, почему бы нет. Должны же мы как-то обращаться друг к другу! Мы это и делаем — по именам или по прозвищам. Я же рассказывал тебе о своем приятеле по прозвищу Озорник.

— И какое прозвище у тебя?

— Меня зовут Апрель.

— Прикольно!

— Я сам выбрал себе такое имя. Хотя до встречи с тобой еще не знал, что ты родишься именно в апреле.

— Как это мило… Но извини, я перебила тебя. Ты рассказывал о фонариках…

— Да, я говорил, что это — отличительная черта ангела. Когда ангел исчезает, его фонарик гаснет. И становится просто никчемной безделушкой.

— Очень грустно…

— Да, это очень грустно, — согласился Апрель, вспомнив коробку в кабинете Стирателя. — Но зато собранные вместе горящие фонарики приобретают особую добрую силу, способную творить настоящие чудеса. И ты их видела…

— Да, когда вы устроили для меня выступле-

ние! — Глаза Насти потеплели от счастливого воспоминания. — Это действительно было настоящей сказкой! Скажи, а откуда тогда взялось столько ангелов? Кто это были — наверное, хранители людей, которые находились в тот момент неподалеку? И как ты ухитрился собрать их вместе так быстро? У вас есть на этот счет какой-то особый знак? Может, сигнал тем же фонариком?

— Нет, — отвечал Апрель. — Все было несколько иначе. Мои друзья в это время… как бы тебе объяснить? В общем, они стояли в очереди.

— В очереди? — чрезвычайно удивилась девушка. — Что еще может быть за очередь… у ангелов?

— Видишь ли… Ты знаешь здание Исторического музея?

— На Красной площади? Знаю, конечно. И что — ангелы стояли в очереди в музей? — засмеялась Настя. — Они так любят искусство? Или историю?

— Ангелы очень любят искусство, — серьезно отвечал Апрель, — но это тут ни при чем. Просто наверху этого здания есть две башни, и в правой расположен особый кабинет… Люди пользуются им нечасто, а ангелы — постоянно. Там сидит один… ну не знаю я, как тебе это объяснить!..

— Ангел? — попробовала подсказать сгорающая от любопытства девушка.

— Да нет, он, пожалуй, не ангел или не совсем ангел… Говорят, когда-то он им был… Впрочем, я этого не знаю, а передавать сплетни не хочу. Он что-то вроде промежуточной инстанции между нами и Небом, понимаешь?

— Понимаю. Он помогает вам, ангелам, решать ваши проблемы, так? Вы решаете наши, а он — ваши?

— Ну да, что-то вроде этого.

— Послушай, Апрель, а почему он сидит именно в Историческом музее?

— Понятия не имею, — пожал плечами ее собеседник. — Никогда об этом не задумывался. Так решили Наверху. Видимо, сочли, что это самое удобное место.

— А как его зовут?

— Мы называем его Стиратель.

— Круто! Как в каком-то боевике. Это оттого, что он стирает ваши проблемы, как стирают белье? Положил в машину — а оно чистое?

— Да, наверное, можно и так сказать.

— И что же он делает?

— В основном отправляет ангелов обратно на Небо, а иногда… *стирает* их. Ангел заходит к

нему в кабинет, зажигает фонарик. Потом ангел исчезает, а фонарик гаснет. И Стиратель кидает его в большую коробку.

— А вам это не больно?

— Не больно. Мы же не чувствуем боли, — сказал ангел и подумал, что ответил не совсем честно, покривил душой, как выразились бы люди. Физической боли они действительно не знали, а вот душевную он ощущал, и даже очень сильно. Особенно когда вспоминал о предстоящем *стирании.*

И Апрель поспешил перевести разговор на другую тему:

— По-моему, нам пора идти, Настя. Поднимайся, пожалуйста. Ты надумала, в какой ресторан мы пойдем дальше?

— Надумала. И точно поняла, что я вообще не хочу больше в рестораны. Пойдем еще погуляем! Такая чудесная ночь! И не спорь со мной — возражения не принимаются!

* * *

Эта приятная для них обоих прогулка настолько затянулась, что Настя и ее хранитель едва успели вовремя вернуться в ЦУМ.

— И что мы теперь будем делать? — растерянно

поинтересовалась девушка, когда они вновь оказались в торговом доме — в самой его середине, в еще темном атриуме, у празднично наряженной елки, среди полок и витрин с новогодними украшениями.

— Как — что? — удивился ангел. — Вон лежат твои старые вещи, куртка и все остальное. Быстренько переоденься и верни все то, что ты носила ночью, на свои места.

— Но не здесь же я буду переодеваться! — надула губки девушка. — Пойдем на третий этаж, там есть кабинки.

— Ты иди, а подойду к тебе чуть позже, хорошо? — попросил Апрель. — Мне хочется разыскать моего друга Озорника. Вчера мы както нехорошо поговорили с ним, практически поссорились, и теперь я чувствую, что должен попросить у него прощения. Кто знает…

Он хотел сказать: «Кто знает, может быть, больше такого шанса не представится», но вовремя прикусил язык. Насте совсем не нужно знать, что ее хранителю осталось жить на свете меньше семнадцати часов. Чем позже она об этом узнает, решил ангел, тем лучше.

— Ладно, — не слишком охотно согласилась Настя и двинулась к эскалатору. Апрель в недо-

умении огляделся по сторонам. Он не имел никакого представления, где искать друга. А значит, помочь ему в этом могла лишь та, что знала все обо всех ангелах, — Секретарь Стирателя.

Придя к этому решению, Апрель мигом перенесся в башню музея. В приемной снова была очередь, но на этот раз небольшая — всего из четырех ангелов.

— Опять ты здесь! — ахнула Секретарь, на секунду оторвавшись от своей книжки. — Господи, а на этот-то раз что случилось?

— Да ничего, не беспокойтесь! — заверил ее молодой человек. — Просто хотел спросить, не знаете ли вы, где Озорник?

— А, этот мальчик… Он прилетал сюда недавно, но я отправила его прочь. Все равно он не успел бы на прием. У нас уже заканчивается рабочее время. Скоро придут люди — ты же знаешь, что днем мы всегда освобождаем кабинет.

— Интересно, и где же мне теперь его искать? — развел руками Апрель.

— Кажется, он говорил что-то о какой-то охране… — припомнила Секретарь, наморщив высокий лоб. — Чье-то внимание он должен был отвлечь, каких-то людей до утра занять…

— Точно! — воскликнул ангел. — Как же я об

этом забыл! Тогда я, кажется, догадываюсь, где он может быть…

И тут, несмотря на все свои переживания, Апрель все-таки не удержался от того, чтобы не заглянуть через ее плечо в книгу — точнее, не посмотреть на фотографию, служившую закладкой. Он догадывался, кто может быть изображен на этом снимке… И, украдкой подглядев, убедился, что не ошибся в своих предположениях.

— Спасибо и до свидания! — проговорил он.

— Ну-ну, до свидания. — Секретарь спрятала книгу в стол и передвинула стоявшую у нее на столе фигурку Деда Мороза. — И кстати, с наступающим праздником! Если кто не помнит, то сегодня тридцать первое декабря.

Однако уж кто-кто, а Апрель помнил об этом очень хорошо. Мысль о скором *стирании* не выходила у него из головы на протяжении всей прогулки с Настей. Ему не терпелось что-то делать, куда-то бежать, чтобы как можно больше успеть за столь небольшой и так быстро сокращавшийся срок, который был ему отпущен, — но ведь не мог же он сказать об этом своей подопечной! А у девушки ночью не было настроения с кем-то знакомиться или решать какие-то другие свои проблемы, ей хотелось бродить с ним по

празднично украшенным улицам и болтать о том о сем. Честно признаться, Ангел тоже с удовольствием гулял с Настей, но неумолимое время летело так быстро… И он дал себе слово больше не терять даром ни одной минуты. А для начала успеть помириться с другом.

Озорник действительно был там, где Апрель и ожидал его увидеть, — в пункте вневедомственной охраны. Ангел сидел за монитором и с азартом играл в какую-то компьютерную игру. Тем же самым были заняты все находившиеся в комнате дежурные, а их хранители, стоя за спиной своих подопечных, увлеченно наблюдали за экранами.

Апрелю пришлось несколько раз окликнуть своего приятеля и даже потрясти его за плечо, прежде чем тот соизволил обернуться.

— Что тебе? — покосился он на приятеля, не выпуская из рук джойстика и не переставая следить за происходящим на экране.

— Я хотел бы с тобой поговорить…

— Не сейчас, видишь — я занят! Я только что новую миссию получил. Я уже почти самый крутой! Всего два уровня осталось. Давай попозже.

— Попозже я не смогу. — Апрель тщетно пытался привлечь к себе внимание друга.

— Ну, значит, это не так и важно… — отвечал Озорник, не поднимая головы. — Интересно, и куда этот гад спрятался, только что тут был?

— Это важно! Я хотел извиниться перед тобой! Я был с тобой резок, почти груб… Прости меня!

— А, пустяки, — отмахнулся Озорник, так и не оторвавшись ни на секунду от монитора. — Погоди-ка! Ага, вижу, вон он крадется! Ну держись! Врешь, от меня не уйдешь!..

Апрель попытался еще что-то сказать, но понял, что это бесполезно — Озорник его сейчас не слышит. Махнул рукой и отправился обратно в ЦУМ.

* * *

Поднявшись наверх, Настя зашла в первый же попавшийся бутик. С каждой минутой становилось светлее — за высокими блестящими окнами уже занималось серое зимнее утро. Надо было спешить — в любую секунду на этаже могли появиться служащие, какие-нибудь продавцы, уборщицы или охрана… Девушка торопливо шагнула в ближайшую кабинку, аккуратно сняла шубку, повесила ее на плечики, стянула один за другим сапожки, давая отдых уставшим от долгой ходьбы на высоких каблуках ногам, сняла жакет, потом юбку. По мере того как она разде-

валась, возникали некоторые проблемы. Что, скажите на милость, ей теперь делать с бельем? Как быть с колготками — не класть же их обратно в упаковку? На жакет она ухитрилась посадить небольшое пятнышко — видимо, от кофе, а юбка слегка помялась. Но хуже всего было с сапожками, набойки на каблучках заметно стерлись. Ей неловко было возвращать в магазин уже ношеную вещь.

А духи, а вся косметика, начиная с лака для ногтей и заканчивая гелем с блестками, который до сих пор отлично держался на волосах? Ведь все эти флакончики и тюбики уже были открыты — нельзя же ставить их на полки в таком виде! Продавцы это наверняка заметят! В недоумении Настя так и стояла в примерочной, забыв даже обуться. К счастью, тут появился ее хранитель, и она поспешила поделиться с ним своими сомнениями.

— Что будем делать? Мы никак не можем вернуть эти вещи на место! Из всего, чем я пользовалась, только шубка имеет прежний вид, и то она влажная от снега.

— Не расстраивайся, я что-нибудь придумаю, — заверил он и действительно быстро нашел выход: — У нас ведь сохранились ценники? Тогда

все в порядке. Мы подсчитаем общую стоимость, и я подкину нужную сумму в сейф, а ты сможешь оставить вещи себе.

Такой выход девушку устраивал. Она с удовольствием отбросила прочь старую куртку, поклявшись, что никогда в жизни ее не наденет, и вновь облачилась в свой стильный ночной наряд. Апрель тем временем быстро складывал числа в уме.

Они успели как раз вовремя. Ангел вывел Настю из магазина в тот самый момент, когда через другой вход в здание ЦУМа уже входил первый сотрудник. А тем временем в пункте охраны дежурные, точно очнувшиеся от сна, недоуменно таращась друг на друга и на знакомое черно-белое изображение на мониторах, силились понять, что же с ними такое произошло ночью…

* * *

— Восемь. У нас еще два часа до открытия! — проговорил Апрель, когда они вновь оказались на морозной улице. — Предлагаю пока тебе позавтракать.

— Это классная идея! — обрадовалась Настя. — Вот только где бы нам поесть?

Словно для подтверждения своих слов, она

нащупала сумочку на боку и продолжала:

— Придумала! Тут поблизости есть парочка отелей — наверняка в них должны быть какие-нибудь круглосуточные рестораны или кафе.

— Возьмем машину?

— Нет, что ты, это в двух шагах. Еще не хватало деньги тратить! Пешком дойдем за пару минут.

Отель нашелся быстро, и в нем действительно был круглосуточный ресторан. Вскоре девушка и ее невидимый для всех спутник уже сидели в удобных креслах за круглым столиком.

— Персонал расценит тебя как гостью отеля, — констатировал ангел, оглядывая немногочисленную публику. — Но боюсь, сейчас ты тут ни с кем не познакомишься.

В этот утренний час большой зал был практически пуст. Ночные гуляки уже разошлись, и среди посетителей были в основном ранние пташки, торопившиеся на самолет или по другим, не менее важным делам, которые им необходимо было закончить до наступления Нового года.

— И не надо, — отмахнулась Настя, подробно изучая меню. — Мне не до того. Я сюда есть пришла, а не глазки строить.

— Здравствуйте, с наступающим, выбрали что-нибудь? — поинтересовалась миловидная юная

официантка, вся усыпанная веснушками.

— Скажите, а горячее я сейчас могу заказать?

— Разумеется, все, что пожелаете.

Еще полистав меню, Настя остановила свой выбор на двух салатах, отбивной с гарниром, натуральном апельсиновом соке, кофе и вишневом пироге.

— Да, и еще мороженое, пожалуйста!

— Какое именно?

— Ой, не знаю, так трудно выбрать… Ассорти, хорошо?

— Неужели ты все это съешь? — с улыбкой спросил Апрель.

— Да запросто! Ты не представляешь, какая я голодная!

В ожидании, пока принесут ее заказ, Настя пила сок и листала сайт с объявлениями.

— Как думаешь, какой район лучше? — щебетала она. — Из центра все близко, но там дороже и дышать нечем… И еще — однокомнатную или двухкомнатную? Две, конечно, круче, но, с другой стороны, зачем мне одной несколько комнат? Хотя, например, если одна спальня, а другая — гостиная…

Тут веснушчатая официантка поставила перед ней салаты, и девушка с жадностью набросилась

на еду (разумеется, не забыв предварительно сделать пару снимков своего замечательного завтрака).

— Надо купить хороший телефон наконец, — проговорила Настя, дочиста вымазывая кусочком хлеба вторую тарелку. — И позвонить по всем объявлениям. С ума сойти, просто не верится!.. Неужели у меня наконец будет нормальный смартфон?! А то у меня просто позорище какое-то доисторическое… Все откладывала — вот-вот, с первой зарплаты… Пожалуй, я прямо с телефона и начну. Хочу, чтобы был не очень большой, плоский, непременно с камерой хорошей. Только жаль, что ты не получишься на фотографии — я бы тебя сфоткала в первую очередь! — на миг огорчилась Настя. Но сейчас ее занимали более важные проблемы. — Ну и где же там моя отбивная?

Глава 8, в которой Настя идет шопинг и знакомится с известным художником, а Апрель узнаёт много нового о своем друге Озорнике и о Стирателе

Ровно в десять Настя в сопровождении Апреля уже снова была на пороге ЦУМа.

— Надеюсь, меня тут не ждут люди в погонах! — поделилась своими соображениями девушка. Она уже научилась делать это мысленно, так, точно разговаривала сама с собой, а не со своим хранителем. — После того кипежа, который мы подняли вчера вечером…

— Напрасно боишься, — отвечал ей Апрель. — Уверяю, сегодня все про тебя забыли. Озорник свое дело знает. Ты же помнишь, что хочешь купить?

Еще в кафе Настя, попросив у официантки ручку, составила на салфетке длинный список того, что ей необходимо приобрести в первую очередь. И теперь, оказавшись в торговом доме, с уже известным ей расположением бутиков, Настя

торжественно объявила:

— Начну с первого этажа — с парфюмерии и косметики!

И принялась бродить по залу, переходя от бренда к бренду и выбирая все то, без чего просто не может жить ни одна женщина, — шампуни и бальзамы, лосьоны и тоники, кремы и скрабы, пудру и румяна, помаду и тушь… Апрель преданно бродил следом за своей подопечной от стенда Madino Milano к стенду Chanel, а от Lancôme к Estée Lauder, и с каждой минутой ему делалось все тревожнее. Время бежало неумолимо быстро, и ему очень досадно было так расточительно тратить его… Несколько раз он просил свою подопечную поторопиться, но девушка, похоже, его даже не слышала.

Наконец, когда в руках у Насти оказалось уже несколько до отказа заполненных фирменных пакетов, она решила, что косметики и парфюмерии ей на первое время хватит. И решила перейти к следующей, еще более важной части шопинга, — к одежде.

Ангела изумило то, что Настя, проведя за этим занятием не один час, нисколько не устала. Он думал, что после почти бессонной ночи его подопечная должна была бы быстро утомиться, но

она, наоборот, выглядела очень бодрой и довольной. Щеки ее разрумянились, волосы, на которых еще кое-где сохранялись блестки от геля, слегка растрепались, а глаза лучились таким необыкновенным счастьем, что, глядя на нее, Апрель подумал: «Наверное, все-таки не зря я добыл эти деньги… Пусть и такой ценой».

В то утро, в преддверии самого любимого в России праздника, ЦУМ был еще более оживлен, чем накануне. Люди торопились сделать последние в этом году покупки — кому-то не хватало подарков, кто-то не успел еще выбрать себе новогодний наряд или дополнения к нему, а кто-то просто решил доставить себе удовольствие и посвятить утро выходного дня шопингу. В атмосфере этой радостной суеты Настя чувствовала себя как рыба в воде. Ей уже стало казаться, что она всю жизнь только и делала, что покупала элитные товары в модных магазинах.

«Я решила, что обычные джинсы мне все равно нужны, — мысленно обращалась она к своему спутнику. — Но, разумеется, не тот турецкий ужас из интернет-магазинов, который я всегда носила до этого… Думаю, я присмотрю себе что-нибудь от Gucci или DKNY. И, конечно, надо будет подобрать аксессуары — ремни, сумки, обувь… Мне очень

нравится Prada и Dolce & Gabbana. А? Ты чего молчишь? Ты где?»

— Я здесь, здесь, рядом с тобой, — заверил ее ангел. — А молчу, потому что не знаю, что сказать… Ты же знаешь, из меня в этом деле плохой советчик. На мой взгляд, было бы лучше, если бы ты занялась сейчас поиском квартиры. Не забывай, что тебе пока еще негде жить. И даже негде встретить Новый год!

— Успеется! — легкомысленно отвечала девушка, переходя от одного эскалатора к другому. — Сначала надо закупиться как следует! А уж Новый год я точно не буду встречать одна в четырех стенах. Нет, новоселье — это одно, а бой курантов — совсем другое. Сегодняшнюю ночь я опять проведу на какой-нибудь тусовке. Глядишь, и познакомлюсь с кем-нибудь подходящим.

— Ох, скорее бы это произошло, — пробормотал ангел, бросая тревожный взгляд на часы.

В бутике Miu Miu девушка набрала целую охапку вещей и скрылась в примерочной.

— Подожди меня здесь! — велела она Апрелю, задергивая за собой занавеску.

Тот в который раз за сегодняшнее утро вздохнул и прислонился к стене. Было уже половина третьего. Сколько еще времени его протеже со-

бирается провести в магазине? Конечно, он все понимает, шопинг, да еще здесь — это просто прекрасно. Но драгоценные минуты неумолимо истекают, предстоящий визит к Стирателю все ближе и ближе, а он еще не успел решить самые важные Настины проблемы. Надо было срочно что-то делать…

— Грустишь? — послышался сбоку знакомый голос. Ангел оглянулся и увидел Стирателя. — А где твоя?

— Примеряет одежду. — Молодой ангел кивнул на кабинку.

— Ну-ну. Похоже, это надолго… Она хоть в курсе, что через девять с половиной часов у нее больше не будет хранителя?

— Нет, конечно! Я ей этого не говорил.

— И правильно, — проворчал Стиратель. — А то скажешь и услышишь в ответ: «Ну и что? На фиг ты мне сдался, если у меня полно бабок и шмоток!»

— Зачем же вы так плохо о ней думаете! — возмутился Апрель.

— А я, если ты успел заметить, вообще плохо думаю о людях, — сердито отвечал чиновник. — А о женщинах в особенности.

— Почему?

— А это, извини, не твое дело. Не люблю я их — и все. Впрочем, и они платят мне тем же.

— Ну не скажите, — улыбнулся Апрель. — Мне кажется, что я знаю одну женщину, которая думает о вас совсем иначе…

— Вот как? И кто же это? — подчеркнуто равнодушно поинтересовался Стиратель.

— Не могу вам сказать. Это не моя тайна, — улыбнулся Апрель.

— А не можешь — так и не надо. — Стиратель не стал настаивать. — Перейдем лучше к делу. К твоему сведению, я сюда не за покупками пришел, а по долгу службы, точнее по одной просьбе.

— Вот как?

— Именно так. И ищу я здесь, между прочим, не кого-нибудь, а тебя.

— Меня? — удивился Апрель. — Но вы же сами дали мне срок до полуночи…

— Да помню я об этом, — отмахнулся чиновник. — Слава Создателю, маразмом я еще пока не страдаю. И искал я тебя совсем по другой причине — меня попросил об этом твой приятель. Он не успел с тобой попрощаться и хотел кое-что тебе передать напоследок.

— Попрощаться? Напоследок? — удивленно переспросил Апрель. — А что — Озорник покинул

Землю?

— Да, а что тут удивительного? В его ситуации этого и следовало ожидать, — пожал плечами Стиратель.

— В его ситуации? А что у него за ситуация?

— Так ты ничего не знал, что ли?

— О чем?

— Да о его подопечной!

— Нет, ничего. Озорник не рассказывал мне, кого охраняет. Признаться, я решил, что у него вообще нет подопечной души…

— А, так, стало быть, ты не в курсе… — кивнул Стиратель. — Ты ошибался — душа-то как раз была. Была девушка, ровесница твоей Насте. Несколько месяцев назад она попала в аварию и с тех пор лежала в больнице без сознания.

— Неужели! — воскликнул Апрель. — А я ничего не знал… Бедный Озорник…

— Врачи очень старались ей помочь, но они были бессильны, — продолжал чиновник. — Говорили, что спасти больную может только чудо. Твой приятель долго колебался, мучился сомнениями, но сегодня ночью все-таки решился прийти ко мне, чтобы обменять свое существование на жизнь девушки…

Ангел застонал и закрыл лицо руками. Какой

ужас! Его друг, любимый товарищ по детским играм, вместе с которым столько было пережито, пожертвовал собой и погиб… И больше они никогда не увидятся… В эту минуту Апрель даже не думал о том, что через несколько часов и ему самому предстоит *стирание,* — так велико было его горе.

— Прийти-то он пришел, да *стереться* не успел, — говорил тем временем его собеседник. — Время было уже позднее, в смысле, раннее, прием заканчивался — и моя Секретарь отправила его восвояси.

Апрель поднял голову. Ну конечно же! Как он мог об этом забыть! Ведь под утро он и сам разговаривал с Секретарем, и та сообщила ему, что его друг недавно побывал в приемной, и подсказала, где его искать. И после этого он своими глазами видел Озорника, живого и здорового. Тот играл в компьютерную игру и был погружен в нее настолько, что не захотел разговаривать с ним, с Апрелем, который приходил к нему мириться и просить прощения… Или друг все-таки был сильно обижен на него?

— Я ничего не понимаю! — воскликнул Апрель. — Что же все-таки случилось с Озорником?

— Да ничего особенного, — бесстрастно отвечал Стиратель. — Просто его первая командировка на Землю закончилась. Пару часов назад девушка умерла. А ее ангел-хранитель, как положено, был в это время рядом с ней и, когда все закончилось, проводил ее душу в последний путь. Теперь душа Алины на Небесах, а твой приятель ждет, когда его работу оценят и поручат ему следующую душу. Но так как он отбыл довольно поспешно и не успел проститься с тобой, то очень просил меня, чтоб я тебя нашел и передал… Не помню дословно, что-то такое длинное и сентиментальное, как это у вас, ангелов, принято… В общем, если по смыслу, то он любит тебя, очень дорожит тобой и просит, если это возможно, чтоб ты передумал насчет *стирания.* Просьба, как ты понимаешь, совершенно бессмысленная. Ты уже получил деньги, так что обратного хода нет.

Из глаз Апреля катились слезы.

— Мой милый друг… — шептал он. — Я так тронут… И эта бедная девушка… Как жаль ее — она умерла такой молодой…

— Ну, для нее-то это был лучший выход, — спокойно заметил чиновник.

Апрель не успел ответить. Настя, облаченная в элегантную нежно-розовую блузку и обтяги-

вающие черные брючки в узкую белую полоску, вышла из примерочной, чтобы показаться ему.

— Очень хорошо! — машинально похвалил ее хранитель. Мысли его еще были далеко.

— Просто восхитительно! — прокомментировал еще чей-то голос.

Настя, даже покраснев от удовольствия, повернулась в ту сторону.

В двух шагах от нее стоял неброско, но очень элегантно одетый мужчина лет сорока пяти. Он был настолько хорош собой, что девушка тихонько ахнула. Высокий рост, отличная фигура, густые черные волосы и ярко-синие глаза — с такой внешностью он должен был бы сниматься в Голливуде в роли Джеймса Бонда или еще какого-нибудь супергероя. Его лицо почему-то показалось Насте знакомым.

— А это что еще за тип? — вполголоса поинтересовался Стиратель. — Глянь, как уставился на твою!

— На первый взгляд он вполне достоин внимания, — отвечал Апрель. — Привлекательный и, сразу видно, состоятельный, значит, сможет обеспечить Настю. Вот только я не вижу его хранителя…

— У вас очень красивая линия бедра, — про-

должал тем временем мужчина, обращаясь к Насте. — В точности, как на полотнах мастеров эпохи Возрождения, Джорджоне или Боттичелли. Подобную линию ни в коем случае нельзя прятать, это просто кощунство! Вам обязательно нужно носить вещи, которые не скрывают ваши формы, а подчеркивают. Вот вроде этих брючек.

— Вы художник? — предположила девушка.

— В некотором роде. — Ее собеседник улыбнулся, показывая ряд идеально ровных белоснежных зубов. — Извините, я не представился. Иннокентий Комов.

— Неужели? — ахнула Настя. — Вы тот самый Иннокентий Комов, который рисует портреты всех знаменитостей?! А я-то ломаю голову, где я могла вас видеть! Да где угодно видела! И в журналах, и по телевизору… Даже на конфетных коробках ваши картины!

Художник на миг опустил глаза, прикрыв их длинными ресницами, точно ему стало неловко.

— А, вон где его хранитель! — произнес Стиратель. — Точнее, хранительница. Видишь вон ту мадам в красном и черном?

Его пухлая рука указывала на уже немолодую, но очень эффектную и броско одетую даму. Черная курточка, короткая ярко-алая юбка и

высокие, до середины бедра, сапоги выглядели излишне смело для женщины ее лет, но она могла позволить себе такой наряд — фигура ее была идеальна, а ноги безупречны.

— Ишь ты, какая фифа, — поцокал языком Стиратель. — Постой, да это же… Мать честная! Этого же не может быть! — Он изменился в лице.

— Да, я понял, она *не наша,* — кивнул Апрель. — Это очень жаль… Значит, он Насте не подходит.

Художник тем временем продолжал:

— Итак, я Иннокентий, а вы?..

— А я Настя… — Девушка взволнованно пожала протянутую ладонь.

— Прекрасное имя, оно мне всегда нравилось. Анастасия… Воскресение… Это очень благородное имя. И царственное. Вы же знаете, что так звали младшую дочь последнего российского императора? О ее чудесном спасении ходили легенды.

— Я что-то слышала…

— А историю о самозванке, выдававшей себя за царевну Анастасию, слышали?

— Нет…

— Ну что вы, это очень интересно! Хотите, я вам ее расскажу?

— Да, очень хочу!

— Тогда позвольте пригласить вас на чашеч-

ку кофе. Здесь на третьем этаже есть премилое кафе.

— Я бы с удовольствием, но… — замялась Настя. — Видите ли, я уже тут столько всего накупила… Как-то неудобно идти в кафе с таким ворохом пакетов.

— Какие пустяки, — засиял улыбкой мужчина. — Сейчас я позвоню своему водителю, он тотчас подойдет и решит эту проблему. Вы сможете сколько угодно бродить по магазину налегке, а на выходе получите свои покупки в целости и сохранности.

— Ой, это было бы здорово! Тогда я сейчас, только переоденусь…

— Прошу вас, не стоит! Вам так идет этот наряд! Я бы хотел, чтобы вы оставались именно в нем.

Он подозвал продавщицу и поинтересовался, можно ли Насте уйти прямо в этих вещах. Та отвечала, что к этому нет никаких препятствий, нужно будет только снять магнитные бирки, и удалилась вместе с девушкой в примерочную. Выйдя оттуда, Настя двинулась было к кассе, но служащая магазина остановила ее: «Не нужно, все уже оплачено!»

— Ну что вы… Зачем?.. Мне как-то неудобно… — забормотала девушка, но Комов только вновь

улыбнулся в ответ:

— Перестаньте, Настя! Могу я доставить себе удовольствие и сделать вам небольшой подарок к Новому году? А теперь прошу со мной.

И она, как зачарованная, отправилась вместе с ним, ни разу даже не поглядев на своего ангела-хранителя.

— Я пойду с ними. — Апрель повернулся в ту сторону, где только что находился Стиратель, но, к своему удивлению, никого там не увидел. Куда же он девался? Ангел недоуменно оглянулся по сторонам и наконец увидел чиновника. Тот стоял у перил и очень оживленно беседовал с той самой дамой-демоном — хранительницей художника.

«Выходит, они знакомы? — еще больше изумился Апрель. — Надо же… Что общего может быть у Стирателя с нашей конкуренткой?» Но долго раздумывать на эту тему ему было некогда — нужно было спешить за Настей и ее так неожиданно появившимся поклонником.

* * *

Художник был прав — кафе оказалось действительно очень уютным. Насте сразу понравились черные стулья и кожаные кресла вокруг столиков, симпатичная елочка на витрине с пирожными и

десертами и красочное панно на стене, с которого нежно и мечтательно глядели большеглазые женщины в старинной одежде.

— Это вариации на темы полотен импрессионистов, — объяснил Иннокентий, кивнув на стену. — Вон, в центре, например, девушка с картины Эдуарда Мане «Бар в „Фоли-Бержер“», а сбоку — «Танец в городе» Огюста Ренуара. Вы любите импрессионистов, Настя?

— Очень, — совершенно искренне отвечала она, хотя до этой минуты имела о них весьма смутное представление. Но теперь готова была всей душой полюбить все, что имело хоть малейшее отношение к этому потрясающему мужчине.

Иннокентий заботливо усадил свою спутницу за столик у окна и поинтересовался, что ей заказать. Настя была так взволнована, что совсем не хотела есть, но, подумав, решила, что заказать пару пирожных все-таки стоит. Ведь это отличный предлог, чтобы потянуть время и подольше побыть в обществе такого мужчины. Кто знает — вдруг после кофе он тотчас исчезнет, сославшись на неотложные дела, и она больше никогда его не увидит? А так хоть будет возможность поболтать. И потом, эти пирожные выглядели такими

соблазнительными…

Апрель, помня о нежелании своей подопечной общаться с мужчинами при нем, наблюдал за этой сценой издали. Он был в полном смятении. Ему очень хотелось подойти к девушке и предостеречь ее от сомнительного знакомства с человеком, чья душа принадлежит Темным силам. Но он видел, что Настя слишком очарована своим кавалером, чтобы прислушиваться к чьему-либо мнению — пусть даже к мнению собственного ангела-хранителя. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на красивом, элегантном, богатом художнике. Правда, изредка в ее голове всплывали рекомендации с женских форумов о том, как вести себя на первом свидании. Апрель же в ее мыслях отсутствовал напрочь.

— Я хотел бы записать ваш номер, — сказал Комов, когда перед ними уже стояли чашки кофе и тарелочки с пирожными. — А то я боюсь, что вы, Настя, внезапно исчезнете, как утренний сон, — и я потеряю вас навсегда.

Он достал ультратонкий гаджет и вопросительно взглянул на девушку. Та в очередной раз смутилась.

— Видите ли… — Настя совсем стушевалась, но вовремя вспомнила, что собирается стать

артисткой, и тут же принялась вдохновенно импровизировать: — Смартфон я потеряла! Только вчера ночью. Представляете, выхожу из «Сохо» — а моей «сяомки» нет. Ума не приложу, где я могла ее оставить? То ли в ресторане, то ли в машине…

— Но вы, конечно, заблокировали номер? — поинтересовался художник.

— Нет, знаете ли, не стала. Ну его!.. Он мне не нравился, — заявила девушка и отправила в рот на маленькой ложечке кусочек пирожного.

— Я вас понимаю, — кивнул Иннокентий. — Вы, видимо, решили начать новую жизнь, да? Я тоже несколько раз так делал…

— Да-да, именно так! — обрадовалась девушка. — Как раз собиралась после шопинга заглянуть в какой-нибудь салон связи и выбрать новый смартфон, что-нибудь из флагманов, заодно и тариф какой-нибудь интересный подключить… Какое вкусное пирожное!

— Я закажу вам еще…

Художник сунул руку во внутренний карман стильной куртки стального цвета, вытащил уже другой смартфон и показал девушке.

— Как насчет такого…

— Симпатичный! — отвечала Настя, взяв гаджет в руки и осторожно его рассматривая.

— Тогда возьмите его себе.

— Что вы, но как же можно?.. А вы? Вы же останетесь без связи?

Художник рассмеялся:

— Не бойтесь, не останусь! У меня три мобильника и три номера — один для всех вообще, второй для близких друзей, третий на всякий случай. Вот этот самый случай и представился. Возьмите его.

— Ой, спасибо огромное! Мне неудобно… Даже не знаю…

— А я зато теперь знаю, точно знаю ваш номер, — улыбнулся Комов и отпил глоток кофе.

Настя вся светилась от радости.

— Кстати, а какие у вас планы на сегодняшний вечер? — спросил художник, аккуратно ставя чашку на блюдце.

— Сегодня же новогодняя ночь! — Девушка принялась за следующее пирожное.

— Об этом я и спрашиваю. Дело в том, что сам я еще не определился, где буду встречать Новый год. Но больше всего склоняюсь к ресторану «Шале Березка». Вы, конечно, знаете его?

— Нет…

— Ну как же! Это на Рублевском шоссе, очень стильное место. В новогоднюю ночь там обещают

чудесный праздник, и у меня приглашение на два лица. Быть может, вы составите мне компанию?

Девушка потупилась, и ангел понял, что в эту минуту она опять судорожно вспоминает лайфхаки из пабликов — удобно сразу согласиться на такое заманчивое предложение или нет? Видимо, Настя так ничего не вспомнила, так как ответила:

— Мне очень хотелось бы, но…

— У вас, конечно, уже какие-то другие планы? Этого следовало ожидать, — огорчился художник.

— Нет, дело не в этом… Просто как раз сейчас, когда мы с вами познакомились, я выбирала себе шмотки. Видите ли, так получилось, что у меня не нашлось подходящей одежды для выхода в свет. Мне надо будет еще пройтись по магазину.

— Как хорошо, что проблема только в этом! — облегченно вздохнул Иннокентий. — А я уже начал опасаться, что вы мне откажете… Позвольте же мне сопровождать вас и сделать вам небольшой подарок. Сегодня же сочельник, канун Нового года, и делать подарки — это просто святая обязанность! Если позволите, я хотел бы сам выбрать для вас весь новогодний наряд, включая аксессуары и украшения, и преподнести

его вам.

— Ой, ну как же… — Девушка чуть не поперхнулась пирожным.

— Вы не согласны? Неужели не доверяете моему вкусу?

— Нет, что вы!.. Просто неудобно, мы только познакомились… И потом, у меня есть свои деньги! — гордо добавила она.

— Очень рад за вас, — отвечал художник, — и не сомневаюсь, что юной леди они обязательно пригодятся.

— И потом, вы мне уже подарили телефон. — Настя погладила блестящий корпус лежащего перед ней аппарата.

— Это не считается. Смартфон ведь не новый. Я не подарил его вам, а просто отдал.

— Ну не знаю, это так неожиданно. — Она, опустив глаза, играла ложечкой.

— Поверьте, Настя. — Художник взял ее ладонь в свою и слегка сжал. — Я ведь делаю это не столько для вас, сколько для самого себя. Да-да, не удивляйтесь! Вы не представляете, насколько я одинок… Так хочется заботиться о ком-то, подарить пусть маленькую, но радость. Тем более под Новый год. Я ведь совсем один в этом мире, Настя. После развода с женой…

— Так вы разведены?

— Да, уже четыре года… Если позволите, я не хотел бы развивать эту тему. Не в моих правилах плохо говорить о женщинах, тем более о женщинах, которые были со мной рядом, но… — он сделал красноречивый жест. — Надеюсь, вы меня понимаете!

— Да, конечно!.. — Пирожное было забыто.

«Ох, как не нравится мне этот тип! — думал Апрель, продолжавший наблюдать за ними из дальнего угла кафе. — Весь такой приторно-сладкий, сразу видно — неискренний… Как она может верить ему, она же неглупая девочка! Наивная, конечно, но в то же время очень практичная. Мне казалось, она уже немного разбирается в людях… А тут развесила уши и с каждой секундой запутывается в сети его речей и подарков, точно бабочка в паутине. Ее-то нетрудно понять — красивый, богатый, знаменитый… Но вот он… Зачем она нужна *ему?* Что он хочет от нее? Слишком уж этот тип старается, чтобы задурить голову самой обычной провинциальной девчонке… Тут что-то неладно! Наверняка он замыслил какую-то гадость… От человека, чьим хранителем является демон, нельзя ждать ничего хорошего. Кстати, где она, эта дама, почему она не рядом с ним?»

— Возможно, это звучит странно, — продолжал тем временем художник. — Конечно, я богат, известен, на короткой ноге со многими знаменитостями, мне заказывают портреты политики, бизнесмены, актеры… Вокруг меня журналисты, я все время на виду — то в прессе, то на телевидении… Все хотят продемонстрировать знакомство со мной, называют меня своим другом — но нигде во всем мире нет ни одной родной души, которой я действительно был бы нужен, интересен, дорог. У меня собственная студия в центре Москвы, дом в Миллениум-парке, вилла на побережье Испании, яхта, несколько автомобилей… Но, поверьте, все это не доставляет мне никакой радости. Просто скучно пользоваться этим в одиночку! Меня приглашают на презентации, на премьеры, на великосветские тусовки, но рядом со мной нет человека, с которым мне бы действительно хотелось туда пойти…

Настя слушала эти слова как волшебную музыку.

— Но неужели… Неужели у вас нет… подруги? — решилась она на вопрос, который беспокоил ее с первой минуты знакомства с художником.

Иннокентий поглядел ей прямо в глаза.

— Увы, нет, Настя. Я, видимо, старомоден или

излишне строго воспитан… Не могу менять женщин одну за другой, как это принято в том кругу, где я вращаюсь. Как бы это объяснить? Видите ли, мне хочется, чтобы рядом со мной была не случайная красотка с ногами от ушей, у которой в глазах счетчик… Помните, раньше в такси были такие счетчики, которые отсчитывали деньги с каждым пройденным километром? Хотя что я говорю! Конечно же, вы не можете этого помнить. Вы такая юная. Когда вы родились, ничего подобного уже не было и в помине. Это только такой старый человек, как я…

Произнося это, он явно рассчитывал на определенную реакцию со стороны девушки — и, разумеется, тут же ее получил.

— Ну что вы такое говорите! — воскликнула Настя с возмущением в голосе. — Какой же вы старый! Вы совсем не старый, а… А очень даже интересный мужчина.

— Благодарю вас, Анастасия. — Он нежно погладил ее руку. — Я понимаю, что вы сейчас мне просто льстите… Но тем не менее мне все равно очень приятно слышать эти слова. В особенности потому, что я слышу их от вас… Так на чем же я остановился?

— Вы говорили о той девушке, которую хотели

бы видеть рядом с собой, — охотно напомнила она.

— Ну да, конечно. Видите ли, я всегда мечтал, чтобы рядом со мной был близкий, понимающий человек… Человек, которому нужны не мои деньги и моя известность, а я сам. Со всеми моими заморочками, проблемами и недостатками…

— Как я вас понимаю, — горячо заверила собеседника Настя. — Это действительно очень важно — чтобы тебя понимали и любили. Искренне, а совсем не за деньги…

В этот момент внимание Апреля, напряженно прислушивавшегося к их разговору, привлек шум у входа в кафе. Он поднял голову и увидел торопливо вошедшего… Нет, даже не вошедшего, а вбежавшего Стирателя. Что с ним? Чиновник был сам на себя не похож. Ангел поразился тому, как странно тот выглядит: еще никогда Апрель не видел его таким. Лицо Стирателя было белым как мел, остатки волос, всегда обрамлявшие лысину аккуратным венчиком, сейчас были всклокочены, а глаза казались безумными.

— Что с вами? — устремился к нему молодой ангел. — Вас кто-то напугал? Если бы мы с вами были людьми, я спросил бы, не увидели ли вы привидение.

— Ты не представляешь, мальчик, насколько точно ты попал в цель! — хмуро отвечал чиновник. — Пойдем со мной, я должен рассказать тебе что-то очень важное, — заявил он, хватая Апреля за руку и отводя его в сторону.

Тот двинулся было вслед за ним, но увидел, что Настя и Комов уже встали из-за столика и направляются к выходу.

— Не сейчас! — воскликнул Апрель. — Мне некогда, я должен сопровождать свою подопечную. Я не могу оставить ее одну с этим типом!

Парочка прошествовала мимо, при этом девушка не отрывала взгляда от своего спутника и даже не посмотрела в ту сторону, где стоял ее хранитель.

Молодой ангел поспешил за ними, Стиратель бросился следом.

— Да погоди же ты! — упрашивал он. — Это действительно очень важно. И напрямую касается твоей Насти. Ей грозит опасность!

— Что такое? — Слова чиновника достигли своей цели — Апрель на минуту замедлил шаг. — Скажите, в чем дело, только побыстрее!

— Побыстрее не получится, — покачал головой его собеседник. — Если я тебе просто обозначу проблему в двух словах, ты ничего не поймешь.

Нужно знать всю историю, а она довольно долгая. Поверь, мне не очень-то хочется открывать тебе свою тайну, но другого выхода нет.

— Извините, но поймите и меня! — Апрель снова двинулся следом за своей подопечной и ее спутником. — У меня нет времени слушать долгие истории! У меня осталось меньше половины суток на то, чтобы устроить судьбу моей протеже. Сегодня ровно в полночь вы же меня *compete*!.. А я никак не могу оставить Настю с этим человеком, я чувствую, что ничего хорошего знакомство с ним ей не принесет.

— Именно поэтому я и должен все тебе рассказать! — воскликнул Стиратель. — Хорошо, я понимаю, у тебя нет времени долго слушать… Мы сделаем проще. Остановись только на минуту.

Апрель нехотя послушался.

— Для тебя не новость, что при необходимости ангелы могут не разговаривать друг с другом, — проговорил чиновник. — Им достаточно внимательно посмотреть друг другу в глаза — и они уже будут знать все, что нужно. Наверное, ты слышал — обо мне говорят, что я тоже когда-то был ангелом… Так вот — это не сплетни. Посмотри мне в глаза — и все поймешь.

Удивленный Апрель сделал все, что его про-

сили. Несколько секунд — и молодой ангел уже знал всю удивительную историю человека, звавшегося Стирателем…

Глава 9, в которой рассказывается история Стирателя

Ранним утром в конце девятнадцатого, то есть уже позапрошлого, столетия на Землю тихо спустился некий ангел-хранитель. Был он еще молод — меньше двухсот человеческих лет, по ангельским меркам, сущие пустяки, и не слишком опытен. Но уж совсем новичком его тоже назвать было нельзя, поскольку только что он проводил на Небеса третью по счету подопечную душу. Его последняя протеже пани Марыся, небогатая дворянка из старинного города Львова, прожила долгую и трудную, но в целом счастливую жизнь и отошла в мир иной на своей постели в окружении скорбящих сыновей, дочерей, внуков и правнуков. Высший Суд был ей не страшен. Те немногие и незначительные грехи, которые числились за пани, она с лихвой искупила, схоронив троих и вырастив пятерых детей. Душа ее была спасена, а оберегавший ее ангел вскоре получил новое задание и в положенный час прибыл на место — в столицу России Москву, в самый ее

центр, в Брюсов переулок.

Интересующий его дом номер пять — обычное добротное и ничем не примечательное двухэтажное здание, каких в то время в Москве было множество. Ангел поднялся на уровень второго этажа, нашел по окнам нужную квартиру и бесшумно влетел в спальню. Там было почти темно, плотные гардины не давали проникнуть в комнату первым утренним лучам солнца. На широкой резной кровати, разметав по подушке длинные темно-русые волосы, спала юная женщина. Рядом похрапывал молодой мужчина, его ухоженную черную шевелюру и усы заботливо прикрывали специальные сеточки.

В изголовье стояли их ангелы — постарше, в строгом сером сюртуке и в очках, похожий на профессора университета, и помоложе, длинноволосый, в шелковом, с шиком повязанном шейном платке и только начавшей входить в мужскую моду одежде — бархатном синем пиджаке.

— Поздравляю с прибытием! — с улыбкой проговорил молодой ангел, пожимая руку вошедшему.

Старший смущенно кашлянул:

— Под праздник зачали… Слышите, в церкви звонят? Покров сегодня… Вообще-то, у людей это

грехом считается… Да ладно, чего уж там! Они молодожены, всего-то вторую неделю женаты. Ну что же, давайте знакомиться.

— Ираэль, — представился вновь прибывший. Он сам придумал себе такое имя и очень им гордился.

— Романтик, — отвечал ангел в бархатном пиджаке.

— Десидериум, — назвался старший. — Очень приятно. Не сомневаюсь, мы станем друзьями. Теперь нам с вами втроем, как люди говорят, свой век вековать.

Новоиспеченные супруги Песковы, конечно, и не подозревали о том, что их оберегают целых три ангела. Василий, молодой муж, которого охранял франтоватый ангел Романтик, был актером, выступавшим, и довольно успешно, в амплуа бонвивана, то есть весельчака, кутилы, любителя удовольствий, — подобные персонажи были в то время в каждой модной комедии. Его жена Клавдия происходила из купеческой семьи. Родители ее умерли и оставили дочери неплохое наследство — две лавки, круглую сумму на счету в банке да большую хорошую квартиру в каменном доме. При таком приданом девушка, которая хоть и не была красавицей, но имела

приятную внешность, не испытывала недостатка в женихах. К ней сватались многие купцы, и молодые, и уже солидные, но Клавдюшка всем отказывала. Будучи страстной поклонницей театра и любительницей музыки, она долгое время подумывала о собственной сценической карьере, но знакомство с Васей Песковым заставило ее раз и навсегда забыть о девических мечтаниях. Василий был весьма недурен собой, пользовался большим успехом у женщин, и Клавдии чрезвычайно льстило его внимание. Она влюбилась в него без памяти и, получив предложение руки и сердца, была на седьмом небе от счастья.

Первое время супруги жили очень дружно. Василий блистал на сцене, его жена с удовольствием вела хозяйство и всячески заботилась о любимом супруге. Тревожиться хранителю ее будущего ребенка было не о чем. Молодая женщина переносила свое, как тогда выражались, интересное положение очень легко. Ее доктор не мог нарадоваться на ее цветущий вид и здоровье. Дни и ночи Клавдия мечтала о сыне. Готовя приданое будущему младенцу, вышивая рубашечки или подрубая пеленки, она только и думала о том, каким замечательным мальчиком он будет — добрым, веселым и непременно писаным кра-

савчиком, как его отец.

В назначенный час, жаркой июльской ночью накануне Петрова дня, Клавдия произвела на свет пухленького розового здорового младенца, и священник отец Афанасий, окрестивший мальчика в храме Малого Вознесения, так и нарек его Петром — в честь Апостола. На радость маме и своему ангелу, мальчик рос бойким, крепким и здоровым.

И прехорошеньким. От отца он унаследовал черные, как чернослив, выразительные глаза и веселый нрав, от матери — великолепные густые волосы.

Но вскоре хранитель маленького Пети и оба его товарища-ангела стали понимать, что небо над домом Песковых вовсе не так уж безоблачно. Глава семьи слишком уж легко относился к деньгам, и это не могло не отразиться на жизни супругов. Банковский счет таял с угрожающей быстротой. Пришлось продать сначала одну лавку, потом другую. Романтик, ангел-хранитель актера, казавшийся сперва таким жизнерадостным и беззаботным, становился грустнее день ото дня. Он все чаще жаловался друзьям на своего подопечного — тот тратил деньги направо и налево, кутил, играл в азартные игры и начал изменять

супруге уже на первом году совместной жизни. Сначала у него в любовницах была танцовщица из кордебалета, потом француженка-модистка с Кузнецкого Моста, потом молоденькая актриса Нестроева… Однажды, вернувшись со своим протеже под утро, Романтик по секрету сообщил товарищам, что Песков собирается оставить жену и сына и уехать на юг.

Так и случилось. Ангелы, охранявшие Петю и Клавдию, неохотно простились со своим опечаленным молодым приятелем. Клавдии супруг сказал, что его дела в московском театре идут неважно, но зато его пригласили работать в Вологду на очень выгодных условиях. Он отправляется туда, но пока не может взять ее с собой — не селить же ее с маленьким ребенком на постоялом дворе. Сначала он поедет один, а когда обустроится, то сразу же напишет и вызовет ее к себе. Жена поверила, немного поплакала, заботливо собрала мужа в дорогу и стала ждать, сидя у окошка и слушая, как в соседнем дворе шарманщик играет столь близкую ее переживаниям песню «Разлука ты, разлука…». Но время шло, а никаких известий от вероломного супруга не поступало. Обеспокоенная Клавдия написала письмо директору вологодского театра и вскоре

узнала, что там никто и не помышлял о контракте с бонвиваном Песковым. Ответ директора ее несказанно удивил и напугал. Дни и ночи Клавдия металась в тоске и тревоге, гадая, что же могло случиться с ее ненаглядным Васенькой, воображение рисовало страшные картины, одна ужаснее другой. Наконец кто-то из знакомых пожалел бедную женщину и, пряча глаза и запинаясь, сообщил, что ее муж уехал далеко вместе с Нестроевой.

Разумеется, для Клавдии это было настоящим ударом. Во-первых, она любила супруга и даже не подозревала о его изменах, а во-вторых, теперь она осталась одна — без мужа, без средств к существованию, с маленьким сыном на руках. Петеньке на тот момент не было еще и пяти лет. Она чуть не сошла с ума от горя, и оба ангела отчаянно горевали вместе с ней. Особенно волновался Десидериум, который всерьез опасался, что его подопечная наложит на себя руки — в голове брошенной жены постоянно бродили подобные мысли.

К счастью, Клавдия Пескова оказалась сильной женщиной, и невзгоды ее не сломили. Невероятным усилием воли она взяла себя в руки и решила, что, как бы ни было трудно, она должна

бороться с судьбой — ради обожаемого сыночка Петеньки. Что будет с ее мальчиком, если она проявит слабость? Нет, об этом нельзя и думать! Надо жить и растить Петю. И желательно так, чтобы ребенок ни в чем не нуждался. Пусть деньги у них закончились, но оставалась еще большая квартира. Ее можно было бы неплохо продать, но, поразмыслив, молодая женщина приняла другое решение. Отнесла к ростовщику то немногое, что еще оставалось от приданого — сервиз, столовое серебро, шубу и пару колечек, — и пригласила мастеровых. Вскоре в газетах появилось объявление, что в Брюсовом переулке, дом пять, квартира четыре, сдаются «заново отделанные комнаты с мебелью для чистой публики». Затея удалась. Из-за близости к Университету и Консерватории этот район был очень популярен у учащейся молодежи, поселиться здесь хотелось многим. Не прошло и недели, как квартира Песковых заполнилась длинноволосыми студентами и шуршащими шелковыми юбками консерваторками. Студенты спорили о Канте и судьбах

России, будущие Патти[1] с утра до глубокой ночи наполняли дом музыкой и, как могли, баловали своего любимца Петеньку, которого тут же окрестили Цыганенком за темные глаза, черные кудри и смуглое личико.

Однажды одна из них услыхала, как шестилетний карапуз распевает, повторяя за ней: «Бедный конь в поле пал!» — и восхитилась:

— Как хорошо, чистенько выводит! Клавдия Саввишна, да у него абсолютный слух! Непременно, непременно надо учить вашего Цыганенка музыке!

— Да что вы такое говорите, Елена Ивановна! — отмахнулась мать, как всегда хлопотавшая по хозяйству. — Где же деньги на учителей-то взять?

— Но нельзя же зарывать талант в землю! — возмутилась барышня. — Постойте, я что-нибудь придумаю! — Она наморщила лоб и вскоре впрямь предложила решение: — А вы попросите Симочку с ним позаниматься! Она возьмет недорого.

---

[1] Примечания: 1

Патти Аделина (Patti) (1843 — 1919) — итальянская певица, обладательница колоратурного сопрано. В описываемое время несколько раз приезжала на гастроли в Россию и была так популярна, что ее имя сделалось нарицательным.

Симочка была самой неимущей из жительниц квартиры. Она с охотой согласилась обучать хозяйского сына музыке на одном только условии, что занимаемая ею комната, маленькая и темная, будет стоить на целковый меньше. Словом, все устроилось к обоюдному удовольствию. И больше всех радовался ангел-хранитель Петечки. Он ведь давно знал, как любит музыку его маленький подопечный. Вместе с Петей они часами просиживали в коридоре квартиры на сундуке, когда жилички играли и пели, готовясь к занятиям, вместе же бегали к Консерватории, чтобы слушать божественные звуки музыки, постоянно доносившиеся из открытых окон.

Наблюдая за тем, как растет и развивается его подопечный, ангел был в целом доволен. Его лишь немного беспокоило то, что Петю уж очень сильно балуют. Как и мечтала Клавдия, будучи беременной, мальчик был красив, как с картины, и все вокруг обращали на него внимание. Петя не мог выйти на улицу без того, чтобы какая-нибудь дама в шляпке с цветами и с кружевным зонтиком в руках не умилилась бы, глядя на него: «Ах, какое прелестное дитя!» — и не подарила бы мальчику цветок, конфету или монетку. Жилички-студентки закармливали его сладостями,

а мать, которая души в нем не чаяла, почти все разрешала и никогда не наказывала за шалости.

— Как бы не испортила она мальчишку таким воспитанием… — вздыхал иногда покровитель Клавдии Десидериум.

— Ничего, — отвечал хранитель ребенка. — Не испортит. Петя — мальчик умный и прилежный. Посмотри, с какой охотой он занимается музыкой!

Это было действительно так. Музыке Петя учился с удовольствием и неожиданным для его шебутного нрава усердием. Учение давалось ему легко, а ангел, как мог, помогал ему в этом. Не прошло и нескольких месяцев с начала занятий, как мальчик уже играл на фортепьяно несложные песенки и пьески, а к именинам матери в качестве подарка разучил под руководством Симочки любимый романс Клавдии «Средь шумного бала». Наряженный в черную бархатную курточку, Петя выступил перед гостями, и дамы прослезились от умиления.

— Талант, истинный талант! — в один голос заключили все присутствующие.

— Весь в отца! — прошептала мать и расцеловала сына в пухлые щечки. А невидимый ангел, стоя в углу зала, наблюдал эту сцену и был совер-

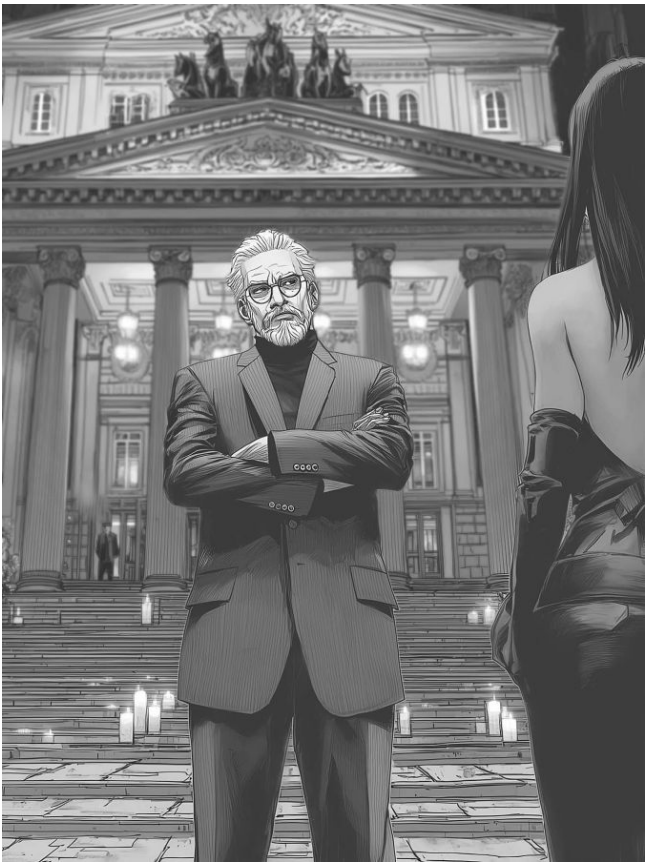
шенно счастлив.

С тех пор Клавдия только и мечтала о том, как Петечка вырастет и сделается знаменитым оперным певцом. Пока же она крутилась, как могла, чтобы обеспечить сына всем необходимым. В объявлениях о сдаче комнат с мебелью появилось еще и слово «табльдот». Теперь в квартире Песковой можно было не только жить, но и столоваться — как постояльцам, так и приходящим. Вырученных денег Клавдия почти не тратила на себя — все уходило на подрастающего сына. Петю удалось устроить в хорошую гимназию, его занятия музыкой продолжались, но учила мальчика уже не Симочка, а настоящие педагоги из Консерватории. Мать недоедала и недосыпала, ходила в штопаной одежде и стоптанных башмаках, но Петя всегда был досыта накормлен (и не хлебом с водой, и не картошкой с селедкой, а чем-нибудь вкусненьким), одет с иголочки и ни в чем не знал отказа.

Иногда какая-нибудь соседка говорила Клавдии:

— Клаша, у тебя накидка уж совсем плоха, скоро за нищенку принимать будут! Не позорилась бы перед людьми, снесла бы старьевщику — вон он ходит по дворам, «Шурум-бурум!» кричит.

— Ничего, — отвечала Клавдия Саввишна. — Накидка моя даром что старая, а теплая и крепкая. Послужит еще! Привыкла я к ней, да и на приказчиков в лавках она должное впечатление производит. Посмотрят на бедно одетую женщину — глядишь, и скинут гривенник или даже пятиалтынный.



Ангелу чем дальше, тем меньше нравилось, как мать воспитывает его подопечного. Он волновался, что Петр может вырасти капризным и самовлюбленным, но пока мальчик не подавал особых поводов для беспокойства. Его все любили: товарищи по гимназии — за легкий и веселый характер, барышни — за красоту и хорошие манеры, а учителя — за усердие и отличные способности. У юного Петра Пескова действительно был прекрасный голос — «бархатный» баритон с широким диапазоном и абсолютный слух.

— У вашего сына большое будущее! — повторяли матери педагоги.

И Клавдия чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Встав пораньше, она еще до заутрени отправлялась в Малое Вознесение и молила Создателя, чтобы ее мечты о сыне сбылись.

— Ты только учись хорошо, Петенька! — просила она. — А больше ни о чем не думай, остальное я как-нибудь сама…

Не без помощи ангела-хранителя Петр Песков хорошо окончил гимназию и без особых препятствий поступил в Консерваторию. Он был веселым малым и отнюдь не чуждался радостей студенческой жизни, однако природные задатки и забота хранителя позволяли ему всегда оста-

ваться в числе первых учеников. Как ни веселы были вечеринки, где рекой лилось пиво, а если повезет, то и шампанское, и пелись хором любимые студенческие песни, такие как «Гаудеамус», «Крамбамбули, отцов наследство» или «Золотых наших дней уж немного осталось», но занятий Петя не пропускал, учился исправно и был у педагогов на хорошем счету.

— Вы, Песков, молодчина, — с пафосом говорил ему наставник. — Многие ваши товарищи думают, что раз Господь наградил их способностями, то этого и достаточно. Отнюдь! На одних способностях далеко не уедешь. Истинный талант должен трудиться денно и нощно — только тогда он имеет право зваться истинным талантом! Трудитесь, друг мой, трудитесь как можно больше — и вам воздастся по заслугам!

Петр прислушивался к советам своих учителей. И после Консерватории ему — опять-таки не без участия ангела-хранителя — крупно повезло. Молодого, подающего надежды баритона пригласили в Большой театр — для начала, разумеется, не в качестве исполнителя партий, а только в хор. Но и это было крупной удачей.

Увидев своего красавца-сына в первый раз на сцене в опере «Демон», Клавдия Саввишна не

могла сдержать счастливых слез. Музыка Рубинштейна и знаменитое «Ясное солнышко в небе покажется, будет дороженьку нам освещать» в исполнении мужского хора казались ей ни много ни мало ангельским пением в раю. А ее хранитель и хранитель Петра, хоть и посмеивались над ее наивными мыслями, но тоже были очень довольны.

Став взрослым человеком, Петр, носивший теперь звучный псевдоним Ижорский, по-прежнему относился к жизни легко, по-прежнему любил красивые вещи, веселье, развлечения. И не стеснялся принимать помощь от маменьки — его жалованья хориста, конечно, не хватало на то, чтобы вести тот образ жизни, к которому он привык. Его ангелу это не очень-то нравилось, но еще больше его настораживала излишняя свобода в отношениях его подопечного с женщинами. Слишком уж со многими барышнями, вдовами и замужними дамами Петя водил знакомство, и слишком уж часто эти женщины менялись. Впрочем, к чести Ижорского надо сказать, что расставался он со своими пассиями легко, не обманывая ничьих надежд и не оставляя разбитых сердец. Но Клавдию такое положение вещей сильно огорчало. Она очень боялась, как бы ее

любимый сыночек не стал таким же, как его ветреный отец.

— Ничего, — утешали ее соседки. — Эта беда еще не беда. Молодой он у тебя, горячий. С возрастом все пройдет. Женится — остепенится.

И Клавдия Саввишна, которой очень хотелось в это верить, опять и опять шла к Малому Вознесению и молила Пресвятую Богородицу, чтобы Петенька поскорее женился, да чтобы жена попалась хорошая и чтобы все в их семье было складно да ладно.

И настал день, когда мольбы ее были услышаны. Однажды Петр перед репетицией заглянул в недавно отстроенное на месте сгоревшего новое здание магазина «Мюр и Мерилиз» за новым галстуком и увидел скромно одетую миловидную барышню, примерявшую шляпку. Девушка была ему знакома — она тоже пела в хоре Большого театра.

— Вам очень к лицу! — заметил он, подходя к ней со спины.

Барышня обернулась и вспыхнула до корней рыжеватых волос, убранных в косу вокруг головы.

— Ах, это вы, Петр Васильевич… Я… э-э-э, право же, не ожидала… увидеть вас… здесь… Так вы

действительно считаете, что эта шляпка мне идет? — нашлась она наконец.

— Вы в ней просто обворожительны! — заверил Ижорский и столь выразительно посмотрел на юную особу, что та совершенно стушевалась.

— Благодарю вас! — пролепетала барышня и зарделась пуще прежнего.

Ангел, улыбаясь, наблюдал эту сцену. Он знал эту девушку — ее звали Сашенькой. Знал и ее хранительницу — высокую красивую женщину-ангела с великолепными черными, как вороново крыло, волосами по прозвищу Тайна. Они были дружны, частенько с удовольствием болтали, когда встречались на спектаклях и репетициях, и хранительница Сашеньки уже успела рассказать своему приятелю о чувствах юной певицы к ее подопечному. Девушка давно была неравнодушна к знойному красавцу-баритону.

Пока хористы обменивались любезностями, их ангелы тоже беседовали между собой.

— Смотри, смотри! — подмигнула Тайна. — Ну что? Похоже, у них что-то завязывается… Наконец-то! А то Саша моя уже вся извелась…

— Не торопись с выводами, — отвечал, качая головой, Ираэль. — Мой, к сожалению, пользуется излишним успехом у прекрасного пола…

Петр тем временем вынул из жилетного кармана часы фирмы Павла Буре и со щелчком поднял крышку.

— Однако, Сашенька, нам пора, а то мы опоздаем на репетицию! Упакуйте барышне эту шляпку! — велел он приказчику.

— Извольте-с, с нашим удовольствием-с, — отвечал тот. — Восемь рублей-с.

— Так дорого! — ахнула Сашенька. — Нет-нет, я не буду ее покупать…

— Ну как же так? — возразил Петр. — Нельзя отказываться от такой премилой вещицы. Ведь эта шляпка как будто специально была сделана для вас!

И прежде чем девушка успела что-то возразить, он вынул из бумажника золотой червонец. Приказчик с поклоном протянул Саше картонку:

— Извольте получить-с. Носите на здоровье-с!

— Ах, Петр Васильевич, мне право так неловко, — сконфузилась юная певица.

— Что вы, Сашенька, не стоит беспокоиться! Считайте это подарком от меня к минувшей Пасхе. А сейчас не изволите ли поторопиться — «Аскольдова могила» нас с вами дожидаться не будет.

И он галантно подал ей сложенную кренделем

руку. Пунцовая от смущения и счастья, Сашенька оперлась о нее, и артисты отправились в театр, а их ангелы-хранители поспешили за ними.

— Ну что я тебе говорила! — Тайна слегка ткнула приятеля в бок.

— Подожди, это еще ничего не значит! — возражал тот. — Увидишь, с него станется — вскружит бедной барышне голову, да и бросит.

— Ха! Пусть только попробует! — возмутилась Тайна. — Нет уж, теперь он никуда от нас не денется… Слушай, но и ты не плошай, ладно? Помоги уж мне, не в службу, а в дружбу. Сон навей, пошепчи на ухо, что нужно…

Ираэль пожал плечами.

— Я, конечно, попробую… Но сомневаюсь, что из этого что-то получится.

— А ты не сомневайся, — заверила его Тайна. — Я привыкла добиваться своего.

Тайна оказалась права. В чем уж тут было дело — то ли действительно это было ее заслугой, то ли чистота, наивность и искренняя любовь Сашеньки сумели пленить избалованного женским вниманием Петра, да только вскоре в театре и впрямь заговорили о предстоящей свадьбе Пьера Ижорского с Сашенькой Якушевой.

Донельзя обрадованная, Клавдия Саввишна

помогла молодым снять небольшую квартирку в Кисельном переулке, и Ижорские зажили душа в душу. Похоже, что Петр действительно нагулялся и остепенился, во всяком случае, он очень привязался к своей «милой Александрин» и хранил ей верность. Клавдия Саввишна ставила в Малом Вознесении благодарственные свечки и дожидалась внуков, а Ираэль радовался счастью своего подопечного. Теперь он дни и ночи проводил в обществе Тайны, охранявшей Сашеньку, и симпатия между двумя ангелами быстро переросла в прочные отношения. Они полюбили друг друга с той же силой чувств, которая связывала и их подопечных.

Сашенька обожала мужа и окружила его такой же заботой, какой когда-то маменька. Так же, как и Клавдия Саввишна, она была уверена, что у Петеньки необыкновенный голос, великий талант и его обязательно ждет большое будущее. Летними вечерами, сидя в маленькой гостиной на обитом ситцем диване, супруги подолгу мечтали о том, как Петр Ижорский получит первую роль и прославится на всю Россию. А за спиной у них стояли их ангелы-хранители, держались за руки и улыбались друг другу.

Но, как известно, ничто не вечно под луной,

а уж счастье — тем более. Вскоре Петр, к неудовольствию как жены, так и хранителя, завел дружбу с неким Платоном Варфоломеевым — не кончившим курса студентом. Когда-то тот изучал философию, но потом бросил университет и увлекся оккультными науками, спиритизмом и тому подобными вещами, бывшими в то время в необычайной моде. Ираэль был недоволен этим знакомством, прежде всего потому, что хранитель Варфоломеева не принадлежал к их миру — а худшей характеристики человека для ангела и быть не может. Сашеньке тоже не нравился новый друг ее мужа.

— Какой-то он неприятный, Петя, — говорила она. — Взгляд тяжелый, и в глазах что-то нехорошее… Едва он только взойдет, как мне сразу становится не по себе.

Но Петр не слушал жену. Он был просто очарован новым товарищем и с увлечением внимал его рассказам, особенно когда тот рассуждал о потустороннем мире и могуществе неведомых сил.

Однажды приятели допоздна засиделись в трактире Тестова, и Варфоломеева вдруг потянуло на откровенность.

— Вот посмотри на меня, Ижорский, — говорил Платон. — Я нигде не служу, родители мои бед-

ны. У меня нет ни золотых приисков, ни богатой тетушки, снабжающей меня деньгами, — и все же карманы мои никогда не бывают пусты. А все потому, что я удачлив в игре. Мне всегда везет — и при этом никто не сможет обвинить Варфоломеева в том, что он играет нечисто. Оттого я и принят в хороших домах, хотя отнюдь не блещу родословной, и барышни не оставляют меня своим вниманием, забывая о том, что я вовсе не хорош собой.

— Как же это тебе удается? — удивился Петр.

— Ха! — усмехнулся Варфоломеев и опрокинул еще одну рюмку. — Так я тебе и сказал… Это, брат, моя тайна. Страшная тайна.

— Ну, как знаешь. — Ижорский щелкнул крышкой карманных часов. — Слушай, друг, время позднее… Не пора ли нам расплатиться по счету да по домам? Саша уже небось все глаза в окно проглядела.

— Да погоди! Успеешь еще к своей Саше. Так и быть, Ижорский. Я открою тебе свою тайну. Только тебе, больше никому. И то лишь оттого, что я тебя полюбил — уж так полюбил, прямо как родного брата. Только сначала давай закажем еще графинчик…

Он кликнул полового и потребовал еще водки

и закуски. А потом наклонился к уху своего приятеля и тихо произнес:

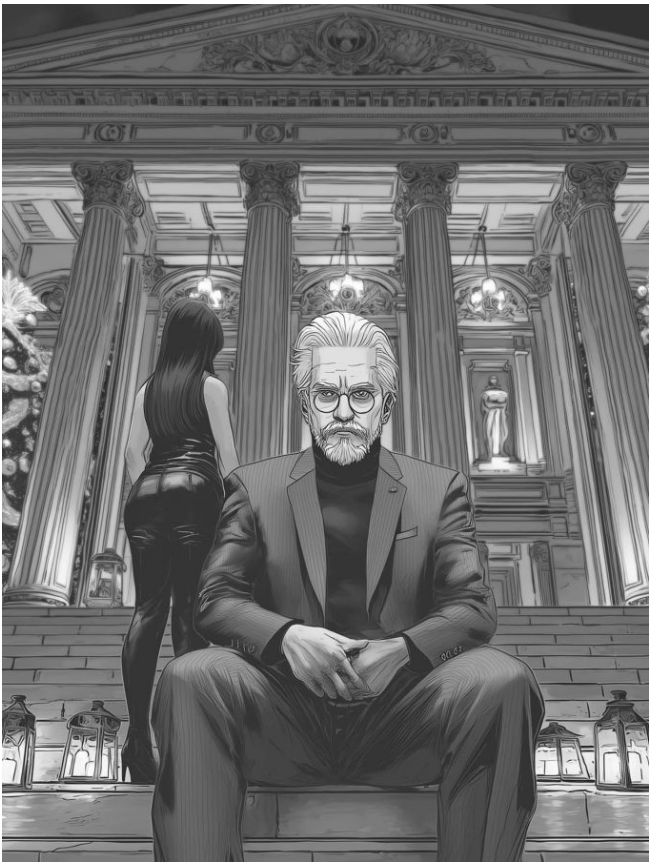
— Мне помогает высшая сила…

Петр усмехнулся:

— Да брось, Варфоломеев, ты смеешься надо мной!

— Уверяю тебя, Ижорский, я вовсе не шучу, — покачал голо вой Платон. — Люди просто не знают…

И замолчал на полуслове.



— Чего же они не знают? — спросил певец, чувствуя, что его начинает заинтересовывать этот разговор.

— Не знают, как велико могущество потусторонних сил, — отвечал его приятель, разливая водку по рюмкам. — Выпьем, Ижорский! Твое здоровье.

Петр почти машинально выпил водку и закусил хрустящим соленым груздем.

— О каких же потусторонних силах ты говоришь? — поинтересовался он.

— Ясное дело, о каких, — хмыкнул Платон. — Уж никак не о тех, чьи лики в красном углу висят. Тем сколько ни молись — барыша никакого. А вот от других — совсем напротив того… Надо только попросить с умом — и все получишь.

— И как же надо попросить?

Видя, с какой жадностью Петр впитывает каждое слово своего приятеля, его ангел забеспокоился — но что он мог поделать? А Варфоломеев меж тем, точно лукавый змей-искуситель, продолжал нашептывать своему товарищу:

— Посмотри на себя, Ижорский. Тебе двадцать шестой год, ты женатый человек, а жалованья получаешь каких-то жалких триста рублей. Но это еще полбеды! Вся-то беда в том, что ты, с твоим

голосом, с твоим талантищем, — и прозябаешь в хоре. Да тебе первые партии надо петь — Онегина, Дона Карлоса, Князя Игоря…

— Ну кто же мне их даст, Варфоломеев? — горько усмехнулся Петр. — В Большом театре и без меня достаточно исполнителей главных ролей…

Вот тут Платон попал в самую точку. Уж давно Петр Ижорский был недоволен тем, что в театре ему не дают ролей. Пусть не главных, пусть небольших — но все-таки ролей. Он был уверен — стоит ему выйти перед публикой и исполнить какую-нибудь арию соло, а не в хоре, так его тут же заметят. Но время шло, а подобной возможности никак не предоставлялось. Неудивительно, что после слов приятеля он загрустил и сидел, не притрагиваясь к полной тарелке.

— Эх, друг мой, не надо ждать, пока тебе что-то дадут, надо брать самому! — внушал Варфоломеев.

— Да я бы взял, взял! — горячо откликнулся Петр. — Если бы знал, как…

— Ну а я-то тебе на что? — нехорошо улыбнулся Варфоломеев. — Я тебе все и подскажу, и расскажу… Вот что — едем сейчас ко мне. Дам тебе одну занятную книжицу почитать… Толковая книжица, перевод с латинского. Только не показывай

никому, а особенно жене.

После этого разговора и прочтения данной Варфоломеевым книги Петр сделался сам не свой. Его встречи с Платоном и разговоры о дьяволе и о выгоде продажи ему души происходили все чаще и чаще. Ангел весь извелся, наблюдая, как его подопечный все сильнее попадает под влияние Варфоломеева, как увязает, подобно тому, как муха застревает в хитро расставленной пауком ловушке.

Сашенька тоже почувствовала неладное и забеспокоилась. Она пока еще ничего не знала о новом увлечении мужа, но любящее женское сердце подсказывало — с ним что-то не так. Но, как ни странно, еще больше, чем жена и хранитель, подобного стечения обстоятельств испугалась Тайна.

— То, что происходит с Петей, — это ужасно! — говорила она. — Если мы не вмешаемся, его душа навсегда отойдет Темным силам. И это значит, что мы с тобой, мой любимый Ираэль, будем разлучены. Этого нельзя допустить! Нужно срочно что-то придумать!

— Но что мы можем поделать? — разводил руками Ираэль.

— Все, что угодно, лишь бы этого не произо-

шло! — встряхивала своими великолепными черными волосами Тайна. — Постарайся, умоляю тебя!

Конечно, он старался. Постоянно шептал на ухо своему подопечному, на какой опасный путь тот вступил, навевал ему сны, которые должны были заставить Петра задуматься и помогли бы ему вернуться к прежнему образу жизни, даже вместе с Тайной несколько раз выдумал препятствия, чтобы помешать встрече с Варфоломеевым. Но все было тщетно, Ижорский увлекся не на шутку. Вместе со своим другом он стал посещать спиритические сеансы, зачитывался оккультными книгами, общался с сомнительными людьми. И однажды мрачным осенним вечером признался товарищу, что готов заключить сделку с дьяволом и получить в обмен на свою душу успех и славу. Платон возликовал и предложил совершить обряд прямо на следующий день.

— Завтра пятница, да к тому же тринадцатое число. Лучшей даты для такого дела не найдешь.

Ночью Петр, как следует заложивший в компании Варфоломеева за воротник, уснул как убитый. Рядом беспокойным сном спала Сашенька, последнее время просто не находившая себе места от тревоги за мужа. Стараниями Тайны она

давно узнала о его пристрастиях — хранительница очень надеялась, что любимая жена сможет как-то отвлечь Петра от его нового увлечения. Но увы! У молодой женщины ничего не получилось. Супруги лишь крепко поссорились, и Саша, испугавшись, что ссора может закончиться полным разрывом, замолчала и больше не сказала мужу ни слова упрека. Чем очень рассердила Тайну.

— Беда с этими людьми, — сокрушалась она. — Если бы они хоть немного прислушивались к нам — их жизнь была бы ровной, гладкой и счастливой. Но почему, почему они этого не делают?

В маленькой квартирке царила напряженная тишина. Даже большие часы с кукушкой, висевшие в столовой, в ту ночь, казалось, тикали особенно тревожно. Ангелы-хранители, сидя на краю супружеского ложа, вели взволнованную беседу.

— Я чувствую, что это конец, — восклицал Ираэль, — и ничего, ничего не могу поделать! Если завтра обряд совершится, то душа Петра безвозвратно погибнет.

— Меня не столько заботит судьба Петра, сколько твоя! — горько отвечала Тайна. — Если Ижорский отдаст душу Темным силам — это ведь будет означать конец твоей карьеры! Ты никогда

не сможешь получить новую душу, но это еще полбеды. Страшно подумать, что будет, если на Высшем Суде решат, что это ты виноват в его поступке! Тогда тебя накажут, отправят в ссылку, и мы никогда больше не увидимся… Я не могу, не хочу жить без тебя!

Однако ангел почти не слушал подругу, все его мысли были заняты подопечным.

— Надо как-то помешать ему! — говорил он.

— Но как? — возражала его подруга. — Что мы можем изменить? Если уж человек принял такое решение, то ангел не в силах его остановить.

— Я тут кое-что придумал… Мне кажется, что выход есть, — признался Ираэль. — Я собираюсь сей же час отправиться к Стирателю и обменять свое существование на Спасение для Петра.

Если бы ангелы умели бледнеть, то Тайна сделалась бы после его слов белой как мел.

— Что ты говоришь? — закричала она. — Никогда и ни за что! Только не это! Ведь тогда я потеряю тебя навсегда!

— Да, но другого выхода нет.

— Есть. Послушай меня…

Чуть не до самого утра женщина-ангел уговаривала своего возлюбленного. Да, его подопечный собирается заложить свою душу и, вероятнее

всего, сделает это. И это его выбор, а, как известно, Всевышний именно на том и построил этот мир, что дал всем живущим в нем, и людям и ангелам, возможность выбирать. Петр предпочел погубить свою душу в обмен на успех и славу — ну что же, это его право, он свободен. Да, это ужасно, это невероятная трагедия, но все же это не конец. Ведь после того, как Петр перейдет во власть Темных сил, жизнь для его хранителя не закончится. Конечно, по Правилам, он должен отправиться на Небо и дожидаться там Высшего Суда… Но ни для кого не секрет, что некоторые ангелы этого не делают. Они остаются на Земле, а *Наверху* просто забывают о них. Что мешает Ираэлю поступить так же? От обязательств перед душой Петра он будет освобожден. А значит, вполне можно побыть на Земле, хотя бы до тех пор, пока она, Тайна, здесь. А там будет видно. Ираэль сначала возражал ей энергично, потом все более вяло и, наконец, к утру полностью признал ее правоту.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будет по-твоему. Я останусь на Земле с тобой.

В тот же день, ровно в полночь, Ижорский с помощью своего друга по всем правилам совершил необходимый обряд и навсегда погубил свою

душу. Стоявшие за их спинами демоны хохотали от радости и потирали руки. А Ираэль сидел в углу и горько плакал.

С этого момента в судьбе молодого певца все резко изменилось. Когда он рано утром вернулся домой, его ожидала записка, присланная с посыльным из Большого театра. В ней сообщалось, что исполнитель главной роли в вечернем спектакле «Риголетто» внезапно заболел и его абсолютно некем заменить, кроме Ижорского. Петр не верил своим глазам, Саша была вне себя от радости. Наконец-то ее молитвы были услышаны! Безмерно счастливая, она отправилась в близлежащий монастырь Рождества Богородицы поставить благодарственную свечу, но свеча почему-то никак не хотела гореть и все время падала у нее из рук. Молодая женщина забеспокоилась — что, если это дурной знак? Но вечером, когда закончился спектакль, она напрочь об этом забыла. Дурное предзнаменование не сбылось, наоборот, все вышло даже лучше, чем это только можно было себе вообразить. Выступление имело грандиозный успех. Когда закрылся занавес, зрители и особенно зрительницы устроили настоящую овацию, подолгу не отпуская дебютанта. Из зала на сцену летели цветы, аплодисменты

не утихали добрую четверть часа. Наутро газеты пестрели хвалебными статьями об Ижорском, наперебой именуя его «восходящей звездой русской оперы», «российским Титта Руффо»[2], «сказочным красавцем», «золотым голосом» и «великим талантом». Прочитав все эти восторженные отклики, Сашенька и Клавдия Саввишна обнялись и заплакали от счастья.

Сразу после дебюта Петру Ижорскому дали петь главную партию в другой опере, потом еще в одной… Вскоре он уже сделался одним из самых знаменитых исполнителей Большого театра.

Клавдия Саввишна и Сашенька не могли нарадоваться успехам Петеньки. Наконец-то его оценили по достоинству! Они окружили его еще большей заботой и вниманием, чтобы их любимец мог полностью посвятить себя служению искусству. Но, как вскоре выяснилось, радовалась Саша преждевременно.

Ижорский просто купался в лучах славы, которая, как это часто бывает, вскружила ему голову. У него появились деньги, богатые покровители

---

[2] Примечания: 2

Титта Руффо *(Titta Ruffo)* (1877 — 1953) — выдающийся итальянский оперный певец (баритон). В 1900-х годах неоднократно выступал в России, где имел большой успех. Наряду с Энрико Карузо и Федором Ивановичем Шаляпиным Титта Руффо относят к числу самых ярких мастеров своего времени.

и толпы поклонниц. Завертевшись в этом вихре, он практически перестал бывать дома. После веселых ужинов в ресторанах с цыганами он нередко возвращался домой уже засветло — а то и не приезжал вовсе. Теперь супруги встречались на репетициях и спектаклях чаще, чем дома. Саша крепилась изо всех сил и на людях старалась казаться довольной и беззаботной, но глаза ее постоянно были красными и припухшими от слез.

Что же касается оставшегося не у дел ангела, то первое время он, точно по привычке, продолжал сопровождать своего бывшего подопечного. Но частые столкновения с его новыми спутниками — демонами и, в особенности, невыносимые страдания, которые Ираэль испытывал, наблюдая нынешнюю разгульную жизнь своего экс-протеже, скоро заставили его распрощаться со всем, что было для него так дорого. Ему сделался невыносим даже вид квартирки в Кисельном переулке, где все они когда-то были так счастливы. Ангел начал скитаться по свету и лишь изредка встречался теперь со своей подругой на условленном месте — на крыше портика Большого театра, около статуи управляющего колесницей Аполлона. Тайна рассказывала ему о переживаниях Сашеньки — покинутая жена грустила, старела и

дурнела буквально на глазах.

Несколько раз женщина-ангел заговаривала о том, что хотела бы найти способ помочь своей подопечной и обдумывает, как это можно сделать.

— Ты хочешь *стереться?* — испугался ее возлюбленный, когда впервые об этом услышал.

— Нет, что ты! — тут же возразила его подруга. — Я всегда считала, что это совсем не выход. Надо изобрести что-то более эффективное…

Однажды чудесным майским утром Тайна, загадочно улыбаясь, объявила своему возлюбленному, что приготовила для него сюрприз.

— И что же это такое? — поинтересовался он.

— Не торопись, скоро узнаешь. Всему свое время. Сначала посмотри вон туда!

Ангел взглянул в том направлении, которое указывала ему его любимая. Как раз в этот момент к подъезду Большого театра лихо подкатил извозчик. В пролетке сидели Ижорский и стройная молодая женщина в модной шляпке и шелковом платье последнего фасона. Петр вышел из экипажа и галантно протянул руку своей даме, помогая ей спуститься, нежно приобнял за талию, прошептал что-то на ухо, она отвечала счастливым смехом. Только когда они направи-

лись к зданию театра и, не разнимая рук, почти подошли к дверям, ангел узнал в даме… Сашеньку. С новой прической — густые волосы были уложены в боттичеллиевские бандо, которые ей очень шли, — шикарно одетая, она выглядела посвежевшей и похорошевшей, точно помолодела на десять лет.

— Неужели это она? — только и смог сказать Ираэль. — Что же с ней произошло?

Тайна продолжала загадочно улыбаться.

— Я все-таки нашла способ помочь ей вернуть любовь мужа, — отвечала она. — А заодно и былую привлекательность.

— Но как? Как ты этого добилась? Неужели ты все-таки побывала у Стирателя?

— У Стирателя? Ну что ты, конечно, нет! Я обратилась в другое ведомство, куда более солидное и влиятельное.

— Я тебя не понимаю… — удивился ее друг. — О чем ты говоришь?

— О том, что Сашенька теперь вновь любима и счастлива. Разве это не прекрасно? — спросила Тайна, кладя руки на плечи своему возлюбленному и нежно заглядывая ему в глаза. — Они теперь всегда будут вместе — и мы с тобой тоже сможем никогда-никогда не разлучаться. Вот только они,

люди, состарятся и умрут, когда придет их время, — а у нас с тобой впереди вечность.

Ангел был слишком растерян, чтобы отвечать. Он не мог понять, что же произошло, и это приводило его в полное смятение.

— Что с тобой? — Тайна удивленно поглядела на возлюбленного. — Ты не рад, что мы теперь всегда будем вместе? Разве ты больше не любишь меня?

— Нет, конечно, я очень рад и люблю тебя по-прежнему. — Ираэль обнял свою подругу. — Но мне не дает покоя та перемена, которая произошла с Сашенькой. Чует мое сердце, здесь что-то не то… Скажи мне, как ты этого добилась?

Тайна почему-то отвела глаза.

— Зачем тебе это знать? — тихо спросила она. — В конце концов, какое нам дело до этих людей? Мы вместе, мы счастливы — это самое главное! Все остальное не имеет значения.

— Тайна! — строго сказал он. — Так не пойдет. Ты что-то недоговариваешь, что-то скрываешь от меня. Не заставляй меня поступать некрасиво и заглядывать в твои мысли — расскажи мне все сама.

— Ну хорошо, хорошо, если уж ты так настаиваешь… — неохотно отвечала она. — В общем… Моя

подопечная тоже заключила небольшую сделку.

От потрясения у Ираэля разжались руки, и он выпустил подругу из объятий.

— И она? И Сашенька? Тоже заложила душу?..

— Ну да! — пожала плечами Тайна. — Помнишь, ты всегда любил повторять, что у всех есть выбор? Вот она и сделал свой. И теперь знаменитый баритон Петр Ижорский, золотой голос и звезда русской оперы, на всю жизнь принадлежит только ей. Но нам-то какое теперь до этого дело?

Ошеломленный Ираэль присел на крышу, прямо под копыта вздыбленных коней Аполлона. Да уж, от кого-кого, но от Сашеньки такого поступка он не ожидал. Как же так получилось, что она решила отдать свою душу Темным силам? А Тайна между тем, присев рядом и обнимая его за шею, продолжала:

— Помнишь, мы много раз говорили о том, сколько радостей в этой короткой жизни дано людям? Они наслаждаются изысканной едой, солнечным теплом, мягким прикосновением воды в реке, когда купаются… Они получают ни с чем не сравнимое физическое удовольствие от объятий… И как хотелось бы нам, ангелам, тоже уметь наслаждаться всем этим?

— Да, но далеко не все человеческие удовольствия совместимы с Правилами ангелов… — возразил Ираэль.

— А что нам Правила? — рассмеялась Тайна. — Мы ведь теперь не такие, как обычные ангелы. Нам некого охранять, но мы не покидаем Землю, а остаемся здесь — вместе и навсегда.

— Послушай, дорогая, ты точно что-то скрываешь от меня! — догадался ангел и потребовал: — Расскажи мне! Расскажи все. Я должен знать правду!

Но его подруга лишь отводила глаза и продолжала пожимать плечами. И тогда Ираэль все-таки решился воспользоваться умением ангелов читать мысли — и людей, и своих собратьев, особенно тех, кого они любят. Он сосредоточил взгляд на своей собеседнице — и вздрогнул от ужаса.

— Неужели?.. Нет, этого не может быть, я отказываюсь в это поверить! Неужели это ты внушила Сашеньке подобную мысль?

— А хоть бы и так? Да, это сделала я! — отвечала Тайна, поняв, что отпираться и отрицать что-либо бессмысленно. — Да, это я подвела ее к такому шагу. Это я надоумила ее заглянуть в те книги, которые ее муженек раскидал по всему дому. И

да, я помогла ей принять решение. И теперь она счастлива! Она получила то, что хотела.

— Да, но какой ценой? — вскричал Ираэль, вскакивая на ноги. — Ты… Как ты могла так поступить? Ты же ангел!

Тайна выразительно поглядела на него.

— Я сделала это ради того, чтобы быть с тобой. Как ты не понимаешь? Теперь я свободна, и мы всегда можем быть вместе. — Она вновь потянулась к нему, но он отпрянул.

— Как ты могла, как ты могла так поступить… — повторял он.

— Да хватит тебе, успокойся! — Она даже ногой притопнула от нетерпения. — Ведь все уже позади. Какая разница, *как* это случилось. Главное, что ничто в мире больше нас не разлучит!

Ираэль не отвечал. Он отвернулся и молча смотрел вниз, на оживленную весеннюю улицу.

Тайна шагнула к нему, пытаясь заглянуть в лицо.

— Я не понимаю тебя. Ты что, не рад? Сколько раз ты клялся мне в любви, сколько говорил о том, что хочешь быть со мной вечно, что не представляешь своей жизни без меня… Я сделала так, что мы никогда не расстанемся, что всегда, целую вечность будем вместе — а ты недоволен?

— Да, я не рад, — отвечал ангел. — По-моему, то, что ты сделала, — это ужасно…

— Но ведь я сделала это из любви к тебе, как ты не понимаешь?! — закричала она.

— Мне все равно. Это не оправдывает твоего поступка. Прости, но я не могу больше быть с тобой после этого.

— Ты… Ты шутишь?

— Нет, я не шучу.

— Выходит, какие-то дурацкие Правила, какой-то нелепый кодекс ангелов для тебя важнее, чем я?

— Да, это так. И мне странно, что ты этого не понимаешь.

— Ах так! — закричала она, и он отшатнулся — ему никогда не приходилось видеть ее такой разъяренной. — Ну что же, наступит момент, когда ты пожалеешь об этом. Очень сильно пожалеешь, ты меня понял?!

И она, взмыв вверх, улетела и исчезла из виду. А он остался на крыше, и майское утро уже не казалось ему таким прекрасным…

* * *

— И что же? — тихо спросил Апрель. — Что было дальше?

— Дальше? — пожал плечами Стиратель. — Да ничего особенного… Конечно, *Наверху* поднялся ужасный переполох, все недоумевали, как могло получиться, что ангел решился на поступок, подобный тому, что совершила Тайна. Ведь это первый в истории такой прецедент, хотя, чует мое сердце, не последний… Был большой скандал, многих ангелов наказали, особенно досталось учителю Тайны и нескольким другим, кто был причастен к ее воспитанию. А потом постарались сделать так, чтобы об этой истории все как можно скорее забыли — и никогда не вспоминали.

— Но вы не можете ее забыть. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Конечно, не могу, — согласился Стиратель. — Хотя для этого и было сделано все возможное. После того как длительное разбирательство с этим делом закончилось, меня назначили на должность Стирателя, которую я уже худо-бедно занимаю несколько десятков лет. На которой и стал… В общем, стал таким, каким стал. Сухим, черствым… Как вы еще меня называете? Бездушным, да?

Апрель смущенно опустил глаза и ничего не сказал.

— Ну да, бездушным, — произнес чиновник. —

И еще пьяницей. В приложении к должности Стирателя ангелу даются некоторые привилегии — в том числе, возможность испытывать некоторые удовольствия, доступные людям, в том числе и сомнительные удовольствия. Там, *Наверху*, на мою любовь к хорошим напиткам смотрят сквозь пальцы. Как-то так повелось, что со времен Ноя к этой человеческой слабости *Наверху* относятся снисходительно…

Он замолчал, и Апрель тут же воспользовался паузой, чтобы задать вопрос, который давно его беспокоил:

— А она? Что стало с ней, с Тайной?

Его собеседник покачал головой:

— Я больше никогда не видел ее. Но слышал о ней кое-что, и эти новости меня совсем не радовали…

— Она перешла на службу к нашим конкурентам, ведь так? — догадался Апрель.

— Да, Тайна стала демоном, — кивнул Стиратель. — Очень ловким и могущественным. Она творила такое, что у меня от одних только мыслей о ее делах мороз по коже…

Они разговаривали на ходу, стараясь не потерять из виду Настю и художника. А те, покинув кафе, снова отправились по бутикам. Инно-

кентий предложил девушке начать с покупки платья, и та с радостью согласилась.

— То, что вы мне только что поведали, действительно ужасно! — восклицал Апрель. — Мне бы и в голову не пришло, что вы пережили такую трагедию… Наверное, вам было очень тяжело.

— Ладно, все это прошло и быльем поросло! — махнул рукой чиновник. — Теперь нам нужно беспокоиться не обо мне, а о тебе и твоей протеже. Уж поверь мне, тут затевается что-то очень неприятное.

— Ясно *что*… — мрачно отвечал молодой ангел, наблюдая, как его подопечная и Комов бродят по бутику и переходят от одной вешалки к другой. Они выбирали платья, девушка ахала, взглянув на цены, а художник только рукой махал — ерунда, мол. — Во все времена Темные силы стремились соблазнить юные и чистые души…

— Эх, мальчик, мальчик! — вздохнул Стиратель. — Ты в каком веке живешь? Я ж тебе уже тысячу раз говорил — не нужно сейчас никому никого соблазнять. Те времена давно прошли. Как и времена чистоты юных душ, кстати… Ладно, не хмурься, я сейчас не об этом. Поверь мне, тут все не так просто…

— Тогда я не могу ничего понять, — признался

его собеседник, провожая взглядом удалявшуюся в примерочную Настю. — Зачем она ему нужна? Пытался понять его мысли, но он ведет себя так, словно выполняет скучную, но важную работу. Он вообще ничего об этом не думает, действует механически…

— Не сомневаюсь, что это *она* его заставляет, — кивнул Стиратель.

— Но с какой целью?

— Сам хотел бы это узнать. И сейчас попробую. — Он вынул из жилетного кармана старинные часы-луковицу на цепочке и со щелчком открыл крышку.

— Каким образом? — удивился Апрель. — И кстати, где она, его спутница? Что-то я не вижу ее рядом с ним.

— Я назначил ей встречу на нашем месте, — доверительно шепнул Стиратель. — Ну, ты понял, на портике Большого театра, у Аполлона. В четыре часа. И она что-то подозрительно быстро согласилась… В общем, сейчас я отправляюсь к ней.

— Спасибо вам, что вы так стараетесь, чтобы помочь мне, — горячо поблагодарил ангел.

— Ерунда, — отмахнулся Стиратель. — Надо же чем-то занять свободное время, кроме как пить.

Увидимся.

И он исчез, а Апрель, не раздумывая, обошел ожидавшего в стороне художника и проник сквозь занавеску в примерочную.

Настя, уже одетая в кремово-розовое вечернее платье, но босая, стоя перед зеркалом, боролась с застежкой. Ангел легонько коснулся ее обнаженного плеча. Девушка ахнула и обернулась. Он предусмотрительно приложил палец к губам.

— Ой, это ты? — Она вздохнула с облегчением. — А я так испугалась! Кто-то меня трогает, а в зеркале никого не видно… Как тебе это платье? По-моему, чуть узковато в груди… Ты не поможешь мне его застегнуть, а то у меня что-то не получается?

— Настя, сейчас мне не до этого! Я должен сказать тебе нечто очень важное.

— Об Иннокентии, да? — Подопечная не дала ему договорить. — Ты знаешь, я просто сама не верю своему счастью! Все произошло так быстро… Он такой классный. Такой… гламурный! Богатый, знаменитый, так ухаживает за мной… Уже подарил столько обалденных вещей! И еще собирается! А какой он красивый! Знаешь, я, похоже, влюбилась с первого взгляда. Спасибо тебе. — Она нежно погладила своего хранителя

по рукаву черного пальто.

— Мне? — удивился Апрель. — Но за что же мне?

— Как за что? Но это же ты нас познакомил? Ты обещал, что еще до Нового года я встречу свою любовь…

Ангел вздохнул:

— Нет, Настя, ты все не так поняла. Этот человек появился в твоей жизни без моего участия. И даже вопреки моему желанию.

— Тебе он не нравится? — огорчилась девушка.

— Совершенно не нравится. Но дело не в моих симпатиях или антипатиях. Этот человек тебе не подходит.

— Это еще почему?

— По той же причине, почему тебе не подошел мужчина в ресторане. Помнишь, черноглазый, в сером джемпере? Этого твоего художника тоже хранит демон, а не ангел.

— Да? — Девушке наконец удалось справиться с застежкой. Она на миг задумалась, а потом решительно тряхнула головой: — Да и пофиг!

— Настя, что же вы так долго? — раздался снаружи голос Комова.

— Сейчас! Я почти готова. — Она наклонилась к своим новеньким сапожкам.

— Как это — пофиг? — ахнул Апрель. — Я же тебе много раз это объяснял… Душа этого человека безвозвратно погибла…

— Ой, да ладно! — отмахнулась его протеже, надевая второй коротенький сапожок. — Ничего у него не погибло, все у него в порядке… Мне же виднее! Все, он меня уже заждался. Пожалуйста, очень тебя прошу, не мешай нам! Пока!

Она резко распахнула занавеску и во всей красе предстала перед восхищенным художником.

Глава 10,
в которой бывшие возлюбленные встречаются на крыше Большого театра

Торопливо поднимаясь на крышу портика Большого театра, туда, где уже полтора века правил своими конями бог искусств Аполлон, бывший ангел Ираэль, а ныне чиновник, представитель Небесной Канцелярии на Земле, сильно волновался. Но это волнение совсем не было приятным и ничуть не напоминало то чувство, с которым он обычно спешил на свидание к своей возлюбленной по имени Тайна… так недавно и так давно… Почти сто человеческих лет назад.

Яркая фигура в красном и черном отчетливо выделялась на фоне укрывавшего портик белого снега.

— Ты заставил меня ждать на морозе! — Дьяволица зябко повела плечами под тонкой кожаной курточкой.

— Только не говори, что ты теперь чувствуешь холод. — Бывший ангел облокотился спиной о колесницу.

— О, я теперь многое могу чувствовать! — Она обнажила белоснежные зубы в хищной улыбке, и в ее устах эти слова, в общем-то совершенно невинные, прозвучали как двусмысленность. — Ну здравствуй… Стиратель.

— Ты даже знаешь, как меня теперь зовут? В таком случае мы оказались в неравном положении. Ты сообщишь мне свое новое имя? Или мне по-прежнему называть тебя Тайной?

— Прежде ты называл меня любимой, — ухмыльнулась собеседница.

— С тех пор многое изменилось.

— Ну коли так, то зови меня Дамой. Коротко и ясно. Я привыкла к этому слову. У моего художника оно часто упоминается в названиях картин.

— Что же, пусть будет Дама… — пожал плечами чиновник.

— А ты постарел… — продолжала она, пристально и весьма нескромно рассматривая его. — И совсем распустился — полысел, растолстел до неприличия… В общем, скажу тебе откровенно, на правах старой подруги, выглядишь ты — хуже некуда. Фу, даже смотреть неприятно!

— Не нравится — не смотри, — не сдержался Стиратель. — Иди любуйся на своего красавчика-художника.

— Кстати, о моем протеже. Как он тебе понравился? Недурен, правда? Богат, успешен, необычайно популярен… Ты видел его полотна? На многие из них вдохновила его я. И собой хорош. Очень-очень хорош. За свой немалый уже век я немного встречала людей, которые были бы столь красивы…

— Он твой любовник? — Стиратель постарался задать вопрос как можно более равнодушно, но у него это не вышло. Голос его слегка дрогнул, и Дама тотчас это заметила.

— Ха, да ты до сих пор ревнуешь! — довольно рассмеялась она. — Я польщена. Но нет, не беспокойся! Хоть я и получила возможность наслаждаться всеми человеческими радостями, но с *ним*, — это слово она особенно подчеркнула, — я не сплю..

— Мне совершенно безразлично, с кем ты… — пробормотал бывший ангел, но Дама не дала ему договорить:

— Иннокентий Комов — одно из лучших моих творений, — продолжала она, перебив. — Я подобрала просто способного смазливого мальчишку — ведь мы сами можем выбирать себе подопечных, не то что вы! — и сделала из него мировую знаменитость и воплощенную мечту

всех женщин.

— Тогда сделай милость, объясни мне, — попросил Стиратель, — что твой протеже нашел в Насте? Для чего мировой знаменитости и воплощенной мечте всех женщин понадобилась заурядная девочка из провинции? Ему мало актрис, моделей и жен политиков, чьи портреты он постоянно пишет?

Дьяволица захохотала так громко, что с головы одной из лошадей упал большой ком снега.

— Ты слишком многого хочешь, мой милый! Так я тебе это и скажу! — она кокетливо улыбнулась и добавила: — Хотя, может, и скажу… Но только не сразу.

Стиратель подошел к краю портика и уселся на покатой крыше, свесив ноги вниз. Как давно он не сидел вот так! С этой рутинной кабинетной работой он совсем очеловечился, забыл, что может двигаться свободно, как все ангелы, летать, сидеть на крышах домов. Хотя, если быть честным, не так уж свободно он двигался. Сейчас вот, когда поднимался на крышу, даже запыхался. Права Тайна, то есть Дама, — он сильно постарел за это время…

— Слушай, а зачем ты вообще пришла сюда? — поинтересовался он.

— Как — зачем? — делано удивилась его собеседница. — Ты же сам меня пригласил! Можно сказать, на свидание. Вот, думаю, увидимся, поговорим, молодость вспомним… — Тон ее был издевательским.

Стиратель только головой покачал.

— Мы ведь столько раз встречались тут с тобой, на нашем месте, — заговорила Дама медленно, осторожными шагами приближаясь к нему. — Столько раз смотрели вниз на эту площадь — помнишь, тут тогда ходила конка? — на этот магазин — никак не отучусь называть его «Мюром и Мерилизом»… Теперь здесь все по-другому. Остались только некоторые здания… И мы с тобой.

— Мы тоже изменились. Не меньше, если не больше, чем эта площадь, — отвечал бывший ангел, не поворачивая головы в ее сторону. — И никаких *нас с тобой* уже нет. Есть ты — где-то там, и я — здесь, на Земле…

— Можешь не утруждать себя рассказом, я все про тебя знаю. — Она тоже вмиг оказалась на краю крыши и присела рядом. — И про твою работу, и про коробку с фонариками… И даже про то, что ты никак не можешь забыть своего последнего подопечного.

Он пожал плечами и слегка отодвинулся.

— Ведь ты часто вспоминаешь его, да? — вкрадчиво продолжала она. — Свою крупнейшую за твою жизнь неудачу, Петра Ижорского? Слов нет, он был большой артист и пел великолепно, особенно с тех пор, как его душа перешла к нам…

— Перестань! — Стиратель отодвинулся еще дальше. — Он сам погубил свою жизнь.

Она хрипло рассмеялась:

— Ты называешь это «погубил жизнь»? Да его до сих пор, уже спустя сто лет, продолжают считать баловнем судьбы! Голос, талант, мировая известность, миллионное состояние! Такому и та заварушка, что случилась в этой стране лет через десять после *нашей* истории, оказалась не страшна! Уехал за границу, и лучшие театры Европы приняли его с распростертыми объятиями. И умер он вовремя — шестидесяти с небольшим годов, в зените славы, оставшись в памяти зрителей не дряхлым стариком, а великим артистом. Ты ведь небось и не знал этого, да? А я следила за его судьбой. За ним и за этой девчонкой, его женой, которую когда-то охраняла, забыла уже, как ее звали… Так вот она, как и хотела, всю жизнь была при нем, а после смерти пожинала плоды популярности, как вдова великого Ижорского. И

ты считаешь это погубленной жизнью?

— Конечно, считаю, — отвечал ее собеседник. — Ведь войдя в сговор с *вами,* они оба лишились душ. А когда у человека нет души, он уже не может любить, не способен радоваться…

— Знаешь, что я тебе скажу? — перебила Дама. — К твоему сведению, все, что ты сейчас говоришь, — это просто ваши заблуждения. Выдумки той самой инстанции, которой ты, не могу понять почему, все еще остаешься верен.

— Вот как? — Стиратель покосился на нее.

— Именно так! — Она устроилась поудобнее, подогнув одну ногу в высоком сапоге. — Поверь мне, уж теперь я это знаю. Когда-то, когда и я была ангелом, я тоже, как ты, верила во все эти глупости — душа, любовь, доброта…

— А что же, теперь узнала, что ничего этого нет? — с иронией спросил он.

— Представь себе, именно так! Вот объясни мне, что такое любовь? Для тебя, для ангела?

— Я уже не совсем ангел…

— Да наплевать! Ты им все равно остаешься. Ну?

— Сложный вопрос… Наверное, стремление делать добро…

— Добро, говоришь? А что такое добро?

— Можно подумать, что ты сама этого не знаешь! — возмутился Стиратель.

— Предположим, что я это уже забыла. Итак, добро…

— Ну не знаю даже, как объяснить… Добро, благо… То, что хорошо, что приносит пользу, радость…

— Отлично! А кому хорошо? Кому приносит пользу?

— Господи, да всем! Каждому конкретно и всему человечеству в целом.

— А вот и ерунду говоришь! — хохотнула она. — Такого не бывает. Нет и не может быть абсолютного добра — ни в глобальном масштабе, ни на уровне отдельного человека.

— Я с тобой не согласен. — Чиновник чувствовал, что его против воли втягивают в софистический спор, но уже не мог остановиться.

— Да что ты? — снова усмехнулась дьяволица. — Тогда докажи свою точку зрения. Вот что, по-твоему, может считаться благом для всего мира?

— Очень многое. Отсутствие войн, победа над страшными болезнями, здоровая экология планеты…

— И тем не менее люди сами, осознанно, на

протяжении всего своего существования воюют и губят экологию, — перебила она. — И, как ты понимаешь, делают это не для того, чтобы навредить миру. Они преследуют собственные цели, то есть, если пользоваться твоей терминологией, делают добро себе, своим близким и даже своей стране. Вот убил он мамонта, накормил семью — они выжили. И мамонтов всех перебили. Завоевал царь соседнюю страну — и у его государства, у его народа есть земли. Разве для них это не благо?

Стиратель промолчал, и она восприняла это как маленькую победу.

— Не бывает, пойми ты, абстрактного добра! То, что хорошо одному, всегда плохо другому.

— Чушь какая-то! — Он развернулся к ней вполоборота. — Ну что ты такое говоришь? Мир полон добра. Например, выздоровел больной, поэт написал стихотворение, парень признался девушке в любви — ну кому, скажи на милость, от этого плохо?

— В каждом конкретном случае обязательно найдется кто-то, кто пострадает от этого, — не задумываясь, отвечала Дама. — Вот ты говоришь: выздоровел больной. А может, это уже старик, который давно впал в маразм и изводит родных

своими выходками и капризами. Если бы он умер от своей ангины, они бы только вздохнули с облегчением — и камень с души, и квартира в наследство. Но нетушки! Он поправился, и все их муки продолжаются…

Чиновник открыл было рот, чтобы что-то сказать, но она жестом остановила его.

— Поэт пишет стихи, — продолжала дьяволица, — а за стеной хлопочет его жена. Чтобы обеспечить любимому мужу простор для творчества, она вынуждена и содержать его, и ухаживать за ним, да еще постоянно подбадривать да поддерживать супруга: потерпи, мол, родной, еще немного — и весь мир признает, какой ты у меня гениальный, твои стихи переведут на все возможные и невозможные языки, тебя начнут издавать миллионными тиражами и платить баснословные гонорары… И он развешивает уши и опять идет кропать свои вирши. Да лучше бы он был каким-нибудь уборщиком — хоть деньги бы на семью зарабатывал, пользу приносил.

Бывший ангел хмыкнул.

— Да и третий твой пример никуда не годится, — разгорячилась дьяволица. — Парень признался в любви девушке. Они, может, и счастливы, если девушка отвечает ему взаимностью.

А если нет, если он ей совсем не нравится? Тогда его чувства ей только в тягость. Или того хуже — по нему вздыхает еще одна девчонка. Узнает она, что у этой парочки все срослось, да с горя и сиганет из окна. Вот тебе и добро.

— Ты все как-то так поворачиваешь… — пробормотал чиновник, но в голосе его уже не слышалось былой уверенности. Похоже, этот спор он проигрывал.

— Посмотри вон туда! — придвинувшись к нему поближе, Дама указала рукой на площадь. Там, напротив занесенного снегом фонтана, красовалась большая наряженная елка. Вокруг нее веселыми разноцветными муравьишками суетились дети. — Какая милая и трогательная картинка! Детишки бегают, играют, их родители смотрят на них и радуются… Вот оно, казалось бы, воплощенное твое добро, да?

— Господи, но тут-то что может быть плохого?

— Хочешь знать что? Посмотри вон на ту женщину, что проходит сейчас мимо колонн. Видишь, с непокрытой головой, в сером полушубке? Эта женщина сейчас только что из поликлиники. Ей там сделали «подарочек» на Новый год — сообщили, что она не сможет иметь детей. А ей уже под сорок, и она всю жизнь мечтала о ребенке.

Загляни-ка к ней в душу, увидишь, какую боль ей причиняет эта идиллическая сценка вокруг елки, как она страдает, как готова ненавидеть матерей этих ребятишек… Ну? Что скажешь? Найдешь ли, что возразить мне?

— Сейчас, сразу, пожалуй, нет, — развел руками чиновник. — Я не готов к такой дискуссии. Признаться, вообще давно не думал о подобных вещах.

— Вот так-то, дорогой… — торжествовала Дама. — Нет в этом мире никакого абсолютного добра. Обязательно если один нашел, то второй потерял. И когда вы, глупые ангелы, пытаетесь сделать что-то для своих подопечных, вы тем самым обязательно приносите вред какому-то другому человеку.

Она поднялась на ноги, поправила черную юбку и прошлась взад-вперед по крыше.

— Нам в этом отношении проще, — продолжала Дама. — Мы не строим никаких иллюзий и не вешаем никаких ярлыков. Просто делаем то, что нам нравится. — А уж как относиться к этому, считать добром или злом — личное дело каждого отдельного человека. И в конечном счете ни для кого не секрет, кто приносит людям больше пользы. Ведь именно они окрестили нас

«силой, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо»…

Стиратель не отвечал, молча наблюдая за тем, как над городом потихоньку начинают сгущаться сумерки.

— Ты спрашивал, зачем я пришла сюда, — снова заговорила она после небольшой паузы. — Только для того, чтобы пообщаться с тобой. Я уверена, что у нас есть тема для беседы…

— Ты имеешь в виду Настю? — обернулся к ней Стиратель.

— Настю? Какую Настю? — Она даже растерялась на миг.

— Ту девочку, которую так усердно очаровывает твой протеже…

— Ах, эту соплячку? Ты действительно думаешь, что она стоит нашего внимания? Лично я так не считаю. Я пришла поговорить о тебе.

— Обо мне?

— Ну да. Позволю себе повториться и напомнить, что все это время я внимательно следила за тобой.

— Наверное, я должен сказать, что польщен? — усмехнулся Стиратель. — Но извини, что-то не хочется мне этого говорить.

— Ну что же ты, милый мой, такой… нега-

лантный? — фыркнула она. — Так вот, к твоему сведению, где бы я ни была и чем бы ни занималась — а поверь мне, у меня это были очень насыщенные годы! — я постоянно была в курсе твоей жизни. И за эти почти сто лет я множество раз убеждалась, что не ошиблась тогда, выбрав себе в пару из всех *ангелов*, — она слегка ухмыльнулась, произнося это слово, — именно тебя.

— Ты выбрала меня себе в пару? — удивился он. — Это для меня новость. Я думал, у нас все вышло случайно, после того как наши подопечные влюбились друг в друга…

— Ты на самом деле так наивен или притворяешься? Неужели ты действительно не знал, что это я внушила своей подопечной дурочке любовь к твоему протеже, что именно я устроила так, чтобы они поженились? Ведь тогда это была единственная возможность постоянно быть с тобой рядом.

Лицо Стирателя исказила гримаса боли.

— Зачем ты говоришь об этом *сейчас?* — сердито спросил он.

— Да затем, что сейчас самое время подумать о твоем будущем! — Она решительно опустилась рядом с ним, энергичным движением взяла его за плечи и развернула его к себе. — Да посмотри

же ты на меня! Скажи на милость, что ты собираешься делать дальше?

— Мне кажется, тебя это не касается, — не очень уверенно отвечал он, снова отворачиваясь, но она как будто даже не услышала его слов.

— Несколько десятков лет ты торчишь на Земле, — продолжала Дама. — Занимаешься тяжелой, монотонной и неблагодарной работой. Тебе не надоело?

— Нет, — решительно ответил он, глядя на быстро синеющее зимнее небо.

— Ой, только не ври мне! Я же вижу тебя насквозь. Давно надоело, ты смертельно устал, просто ты не знаешь, как быть! Ты боишься попроситься в отставку, потому что никак не можешь придумать, что станешь делать дальше. Кстати, боишься ты правильно. Где бы ты после этого ни поселился — на Небе или на Земле, — ты везде будешь чужим — и среди людей, и среди ангелов. Потому что от одних ты давно ушел, а к другим так и не пришел. И поэтому отставка означает для тебя смерть. Что, скажешь, я не права?

— Зачем тебе мой ответ? — Он пожал плечами. — Если ты все и так знаешь?

— Я даже знаю, что тебе нужно делать дальше.

— Неужели?

— Да, представь себе.

— И что же это такое?

Дама придвинулась к нему еще ближе.

— Помнишь, когда мы были с тобой вместе — в той квартирке в Кисельном переулке, в театре и здесь, на крыше, — мы часто завидовали нашим подопечным? Тому, что им даны многие радости, которых мы были лишены? Ведь ангелов делают счастливыми лишь счастье людей да хорошие поступки, которые они совершают. Ну, может быть, они еще могут наслаждаться созерцанием красот природы и произведений искусства. Но это все! А люди получают удовольствие от множества других вещей — от интересного занятия, от секса, от вкусной еды…

— От курения, от опьянения и от того, что сделали подлость ближнему. Да, я помню эти наши разговоры…

— Ой, да перестань! — хохотнула Дама. — Читай эти морали кому-нибудь другому. А я-то отлично знаю, какой кайф ты ловишь, когда хлещешь у себя в кабинете. И каждый раз благодаришь Небеса за то, что тебе дозволили эту маленькую радость.

Стиратель потупился. Похоже, она действительно знала о нем очень многое.

— Ты сказала, у тебя есть какие-то идеи от-

носительно моего будущего… — поспешил он перевести разговор на другую тему.

— Ну да, есть отличная идея. Ты перейдешь к нам.

Бывший ангел вздрогнул так, что чуть не упал с крыши.

— Ты говоришь об этом так… Так, словно это самая обыденная на свете вещь. И так, будто уже все решено.

— Ну да, конечно. Я уже все за тебя решила. А что, у тебя есть возражения?

— Да ты… Да ты что! Ты вообще соображаешь, что говоришь?! — От возмущения он даже вскочил на ноги. — Как ты вообще смеешь мне такое предлагать?

Дьяволица снова хрипло рассмеялась.

— Ох, дорогой, не надо тут разыгрывать передо мной оскорбленную невинность! Ты никогда не был ханжой, даже когда возился с душами людишек. А уж теперь, когда сделался черствым и циничным Стирателем… Вспомни, сколько раз ты задумывался о *наших* преимуществах перед *вами*, когда у тебя в кабинете распускали сопли жалкие ангелы, не сумевшие уберечь своих протеже от нашего влияния? Я же знаю, что тебе и самому не раз приходили в голову подобные

идеи. Вот как раз сейчас ты именно об этом и думаешь.

— Перестань читать мои мысли! — Стиратель быстро отвернулся от нее. — И знай, что я никогда не соглашусь на подобное предложение.

— Нет, дорогой. — Она тоже поднялась. — Согласишься как миленький.

— И почему же ты в этом так уверена?

— Потому что у тебя нет выбора.

— Нет выбора?

— Ну да. — Дама подошла к нему вплотную, так, что бывший ангел вынужден был снова прижаться спиной к статуе. — Знаешь, я ведь не просто так наблюдала за тобой все эти годы. После нашей последней встречи здесь, на крыше, я тебя возненавидела. И поклялась тебе отомстить. Поверь мне, нет ничего в этом мире страшнее мести женщины, чью любовь отвергли. Тем более если эта женщина была ангелом, а стала демоном. Впрочем, такая метаморфоза случается со многими обиженными женщинами…

— Давай без лирических отступлений, — потребовал он. — Ближе к делу.

— Ближе к делу? Что же, изволь. Знай, что я пошла на службу к моему нынешнему Господину с одной-единственной целью — найти способ

отомстить тебе. И нисколько не жалею, я многому *там* научилась… Для меня началась совершенно новая жизнь, прелести которой я и представить себе не могла, пока пребывала среди этих примитивных существ, именуемых ангелами… Но я не забывала о тебе ни на минуту. Просто никак не могла решить, что лучше сделать — причинить тебе такую же сильную боль, которую ты причинил мне, или заставить тебя валяться у меня в ногах и умолять о прощении…

— И на чем же ты остановилась? — Чиновник был очень взволнован, но изо всех сил старался, чтобы голос его не дрожал.

— Все это время я следила за тобой и ждала подходящего момента, — продолжала, игнорируя его вопрос, дьяволица. — К счастью, я еще с юности отличаюсь завидным терпением. Я ждала, и дождалась. Слов нет, все эти годы ты делал свою нудную и неприятную работу безупречно. Там, Наверху, не ошиблись, назначив на эту должность именно тебя. Но даже у идеальных работников бывают проколы. Случился он и у тебя. Этот мальчишка с его историей стал мне настоящим подарком к Новому году…

— Мальчишка?

— Ну не притворяйся, что ты меня не понима-

ешь! — хохотнула она. — Апрель, этот молоденький ангел… Ты, конечно, пытаешься скрывать свое отношение к нему, но я-то знаю, что ты ему симпатизируешь. Иначе не дал бы ему, в обход всех ваших законов, отсрочку на день. Ох, и как же неосмотрительно было с твоей стороны так рисковать!

— Ты… ты… — Стиратель был так поражен, что не мог выговорить ни слова. И Дама была от этого в восторге.

— Хочешь, я скажу тебе, что это значит? — злорадствовала она. — Это означает полный крах твоей карьеры. Как только эта история станет известна Наверху, ты тут же, с треском и грохотом, вылетишь со своего насиженного местечка, за которое так держишься. Такого самовольства, такого нарушения всех инструкций тебе, конечно, не простят. И не надейся, что тебе удастся провернуть все втихаря! Все станет известно после того, как выяснится, что глупая жертва мальчишки оказалась напрасной.

— Я не понимаю тебя… Почему напрасной?

— Да потому что еще до полуночи душа его подопечной, этой деревенской девчонки, станет *нашей.* Мой художник добьется этого в два счета, даже не напрягаясь!

— Ты… ты… У меня просто слов нет! — восклицал Стиратель. — Как ты можешь?! Ты вольна причинять любое зло мне, но зачем же губить несчастного мальчика? Да и девочку, которая ни в чем не виновата?

— Девочка ваша, по большому счету, сама хороша. А мальчик… Он просто попался мне под руку. Так что прощайся со своей работой. Ведь это твое больное место, правда? — Она довольно улыбнулась, заглядывая ему в лицо.

— Ты чудовище! — Бывший ангел рванулся, пытаясь оттолкнуть ее. Но Дама только засмеялась ему в лицо.

— Я же говорю, что у тебя нет выбора! Ты ведь не допустишь, чтобы твой глупенький юный дружок погиб зря? Он и так уже наломал дров, обменяв себя на какие-то жалкие… кажется, пятьдесят три тысячи четыреста тридцать два зеленых? Не допустишь, я знаю! Но совсем не потому, что ты такой благородный и великодушный. Прошли те времена, когда ты был таким. Теперь ты другой — сухой, педантичный робот. Для тебя существует в жизни только одно — твоя работа. И больше всего на свете ты боишься ее потерять. А после того как я заберу душу девчонки, ты больше ни на минуту не останешься Стирателем! Тебя вы-

кинут с насиженного местечка пинком под твой обрюзгший зад — и жизнь для тебя закончится. На Небо тебя, злостного нарушителя Правил, не пустят, жить на Земле, среди людей, которых ты не понимаешь и боишься, ты сам не сможешь… Они тебя просто не примут. Никому ты тут не нужен, старый пьяница!..

— Что ты хочешь? — глухо спросил чиновник, опуская взгляд вниз.

— Ну хочу я очень многого… У меня такие грандиозные планы! Но об этом мы поговорим потом, когда будем вместе, в одной упряжке. А для начала мне нужно, чтобы еще в этом году — стало быть, сегодня до полуночи — ты сказал, что согласен перейти в наши ряды. За это я, так уж и быть, велю своему протеже оставить девчонку в покое. Мальчишку Апреля ты можешь *стират*ь или *не стират*ь — это уже на твое усмотрение. Ну как? — издевательски поинтересовалась она. — Ты, надеюсь, согласен?

Еще ни разу за свою долгую жизнь Стиратель не чувствовал себя так отвратительно. Он весь сжался в комок, точно пытаясь закрыться, спрятаться от этой ужасной, невозможной, невыносимой ситуации. Он прижал руки к туловищу… и вдруг случайно одна из них нащупала на боку что-то

твердое. Сумочка с фонариком! Ну, конечно, как он мог забыть об этом? Последние годы он не носил ее, держал в одном из ящиков своего роскошного стола. Но перед встречей на крыше его в последнюю минуту словно что-то осенило — и он надел сумочку, ремень которой уже оказался коротковат, и его пришлось переставить на несколько дырочек.

— Нет! Я не согласен! — выкрикнул он, выхватывая горящий фонарик и направляя его прямо в лицо дьяволице. — Пропади же ты, провались сквозь землю! Сгинь вместе со всеми твоими проклятыми идеями!

Яркий серебряный луч разрезал уже совсем сгустившиеся сумерки и ударил Даме прямо в лицо. В его свете вместо холеной кожи и тщательно наложенного макияжа проступила истинная сущность дьяволицы — безобразно оскаленный череп. Дама вскрикнула, пошатнулась… но через мгновение снова пришла в себя и расхохоталась:

— Ой, напугал! Да не смеши ты меня! Неужели ты и впрямь думаешь, что мне страшен твой жалкий фонарик? Этим, милый, можно пронять только новичков, а не такую стреляную птицу, как я!

Ловко повернувшись, она ударом сапога вы-

шибла вещицу из рук Стирателя. Светящийся фонарик упал на укрывающий покатую крышу пышный снег.

— Ладно, дорогой! — усмехнулась Дама. — Для первого свидания достаточно. Поразмысли немного, время до полуночи еще есть. А я пойду навещу наших голубков — как они там без меня?

И дьяволица исчезла, а бывший ангел, совершенно растерянный, остался стоять на портике около запряженных в колесницу клодтовских лошадей. Стало уже почти совсем темно.

* * *

Когда Стиратель пришел в себя и, опомнившись, вернулся в ЦУМ, ему показалось, что за время его отсутствия мало что изменилось. Разве что покупателей стало уже несколько меньше — ведь Новый год приближался с каждой минутой. Настя и Комов все еще ходили по бутикам, только уже на другом этаже, и выбирали не платье, а часы и украшения. Хмурый Апрель печально бродил вместе с ними, предусмотрительно держась на некотором расстоянии. Только теперь в этой компании появилось новое лицо — Дама. Вот уж кто чувствовал себя отлично! Она тоже с большим вниманием исследовала витрины и

стенды, не церемонясь, брала вещи в руки, рассматривала их и, тотчас потеряв интерес, бросала прямо на пол, вызывая недоумение продавцов, которые, конечно, не могли ее видеть и понять, каким образом товар слетел с витрины. В одном из бутиков Даме попался на глаза яркий палантин кроваво-красного цвета. Недолго думая, она сорвала его с полки, подошла к зеркалу и эффектно завернулась в него. Заметив Стирателя, она улыбнулась и помахала ему рукой с таким приветливым выражением лица, точно они были старинными друзьями, и повернулась перед ним так и сяк, демонстрируя обновку — мол, как ты находишь, мне идет? Бывший ангел только скривился в гримасе.

— Давай-ка отойдем за колонну! — шепнул он и потянул Апреля за рукав.

Они обменялись информацией уже привычным для них способом — просто заглянув друг другу в глаза. За какой-то миг молодой ангел узнал обо всем, что произошло на крыше, а узнав, пришел в ужас. Он застонал, закрыл лицо руками, замотал головой и без сил опустился прямо на пол.

— Какой кошмар!.. — проговорил он. — Так вот в чем дело! Я подозревал, что они затеяли

какую-то темную и нечестную игру… Но чтобы вот так…

— Прости, это я во всем виноват, — пробормотал Стиратель, опустив голову.

— Перестаньте, вы тут совсем ни при чем… — Взгляд молодого ангела растерянно метался по празднично убранным залам, словно в поисках спасения.

— Ума не приложу, что нам делать. — Чиновник был выбит из колеи не меньше, чем Апрель.

— Что-нибудь придумаем… Необходимо что-то придумать!.. Скажите, — его карие глаза смотрели на Стирателя даже с некоторым любопытством, — но неужели это правда? Неужели я настолько вам дорог, что… — Апрель не договорил.

— Ну да, — нехотя признался чиновник. — Я и сам не понимаю, когда успел так привязаться к тебе… Думаешь, ради кого-то другого я бы нарушил Правила? Да мне бы это и в голову не пришло! И она, бесовка, это сразу просекла! Она и раньше-то, пока была с нами, отлично меня знала и понимала. Ну а уж после того, как перешла к конкурентам… Следила за каждым моим шагом, наблюдала, делала выводы… И нашла ведь, гадина, самое больное мое место!.. Ты прости, но я

ничем не смогу тебе помочь. За эти годы я почти разучился решать проблемы… В любом сложном случае я сразу обращался *Наверх* и всегда поступал так, как мне приказывали. Но сейчас я не могу этого сделать! И совершенно не знаю, как быть…

— Я тоже не знаю… Для начала попробую еще раз поговорить с Настей. — Апрель решительно поднялся на ноги. — Быть может, мне удастся ей все объяснить…

— Ну-ну, попробуй, — пожал плечами Стиратель, но у него не было и тени сомнения в том, что эта затея ни к чему не приведет.

Молодой ангел быстро приблизился к своей подопечной. Момент был подходящим — Настя и Комов только что сделали очередную покупку. Пока художник расплачивался кредитной картой, девушка стояла чуть поодаль и любовалась его подарком.

Заметив хранителя, она довольно улыбнулась — но эта радость была вызвана не встречей с ним, а всего лишь возможностью похвалиться обновкой.

— Посмотри! — Она показала своему хранителю стильные часы на голубом ремешке, точь-в-точь такого же цвета, как одно из выбранных ею ве-

черних платьев. — Это же Harry Winston! Белое золото, инкрустиро…

— Настя, мне срочно нужно с тобой поговорить!

— О чем? — удивленно поглядела девушка.

— О твоем… м-м-м… поклоннике. Это не тот человек, который тебе нужен.

— Ну вот, ты опять за свое! — надула губы девушка. — Не понимаю, чем ты недоволен? В кои-то веки я нашла именно такого человека, которого искала! Я влюблена, я счастлива, у меня, может быть, первый раз в жизни настоящий Новый год — столько радости, столько подарков! А ты говоришь: «не тот человек». Ну не нравится он тебе — так я тебе его в мужья и не предлагаю!

— Прошу тебя, порви с ним немедленно! Или он тебя погубит!

Она только рассмеялась в ответ:

— Порвать с *ним?* Да ты с ума сошел! Посмотри на вот эту сумочку, которую он мне только что купил. Знаешь, сколько она стоит? Больше пяти тысяч долларов. Да-да, целых пять кусков! Да моя мать за всю жизнь столько бабок не заработала! А вот эти часы?.. Сказать, сколько он отдал за часы? И это все теперь мое, насовсем!

— Но Настя…

— Слушай, малявка, хватит тут канючить! — перебил его чей-то хриплый голос. — От твоего нытья уже тошнит!

Апрель обернулся. За спиной у него стояла Дама, которая, видимо, слышала весь их разговор.

— Не вмешивайтесь! — Голос у него сорвался.

— Это еще почему? — рассмеялась дьяволица. — Кто мне может это запретить, уж не ты ли? Не смеши меня, сопляк!

— Настя, — ангел схватил девушку за руку, — прошу тебя, умоляю, уйдем отсюда! Куда захочешь, куда угодно, только подальше от этого человека!

Девушка быстрым движением сбросила его руку.

— Знаешь что? Это *ты* оставь меня в покое! Если бы ты знал, как надоел мне со своими советами и моралями! Уйди от меня, ты мне не нужен! Я девятнадцать лет жила без всякого хранителя и дальше отлично проживу! Исчезни с моих глаз, чтобы я больше никогда тебя не видела!

Дьяволица захохотала. А Настя стремительно отвернулась, подошла к Комову и взяла его под руку.

— Ну что? Каковы наши дальнейшие планы? — проворковала она, нежно заглядывая ему

в глаза.

— Я хотел спросить об этом же у тебя. — Он убрал кредитную карту в бумажник и спрятал его в карман. — Кажется, мы купили все необходимое? Тогда, может быть, съездим куда-нибудь пообедать? Ты хочешь есть?

Девушка замотала головой:

— Нет, нисколечко. Я сегодня очень плотно позавтракала, потом ты накормил меня пирожными… А вечером нас еще ждет ужин, ведь правда? Если все так пойдет, я растолстею и не влезу ни в одну из своих новых шмоток…

— Ну раз так, почему бы нам не скоротать оставшееся время у меня? Хочешь посмотреть мои картины?

— Ой! Ну еще бы!

— Тогда я приглашаю тебя в свою студию.

— Вау! Как круто!

Подхватив многочисленные пакеты, они двинулись к выходу.

— Что делать, юноша. — Стиратель обнял Апреля за плечи. — Это мир людей. А в этом мире разбитое сердце ангела ничего не стоит… Ты поплачь. Поверь моему опыту, нам от этого иногда становится легче.

Ангел покачал головой:

— Нет, я не буду плакать. И не стану сдаваться так легко! Должен же быть какой-то выход… И я найду его! В конце концов, у меня есть еще почти шесть часов! Я обязательно что-нибудь придумаю!

— Как я хотел бы, чтоб это было так, — пробормотал чиновник.

— Ну-ну! — рассмеялась Дама, которая шла прямо за ними. — Думайте, мальчики, думайте. А надумаете — не забудьте сказать мне.

Подойдя к выходу, она бросила взгляд на дежурившего у двери красивого охранника, зашла к нему со спины и, изловчившись, ущипнула молодого человека пониже спины. Тот даже вздрогнул от неожиданности и ошеломленно огляделся по сторонам — но вблизи никого не было. Вдалеке он увидел импозантного мужчину лет сорока пяти и его юную спутницу, уже покидавших торговый дом. Злорадного смеха Дамы он, конечно, не слышал.

Глава 11, в которой Настя гостит у художника, а Апрель и Озорник безуспешно ищут выход из положения

Напрасно Апрель заглядывал в душу своей протеже, силясь найти там хотя бы тень раскаяния из-за их недавней ссоры. У Насти и в мыслях не было ничего подобного. Она лишь радовалась тому, как ей повезло с Иннокентием, подсчитывала в уме общую стоимость сделанных им подарков, внутренне ахала от получившейся суммы да гадала, какой именно марки окажется его автомобиль. Ей почему-то казалось, что это должно быть нечто экстравагантное. И конечно, очень дорогое. Например, восьмиметровый белый лимузин. Или ярко-красный «Феррари». Или такая черная машина под старину, на которых в американских фильмах о тридцатых годах ездят гангстеры, Настя не знала названия этой марки.

Но она не угадала. У Комова оказался темно-синий «Бентли» — тоже очень престижно, но не экстравагантно, скорее стильно. Представитель-

ного вида водитель, чем-то неуловимо похожий на Джона Фавро, распахнул перед ними двери. Девушка нырнула в ароматное тепло кожаного салона и удобно устроилась, не обращая никакого внимания на Апреля, который сел вместе с ней и художником на заднее сиденье, не забыв поздороваться с седовласым ангелом, сопровождающим водителя. Дама-дьяволица поправила на плечах украденный из магазина палантин и тоже уселась в автомобиль.

— В студию, Альберт! — кивнул художник шоферу, и «Бентли» мягко тронулся с места. В окнах замелькали празднично-яркие огни, новогодние рекламные щиты, елки в витринах и на площадях. В машине негромко играло «Let it snow».

— Иннокентий, а вы где живете? — с любопытством обернулась Настя к своему спутнику.

— Мы же вроде бы перешли на «ты»? — улыбнулся художник.

— Ну да… Я хотела сказать: где ты живешь?

— Там, куда я тебя везу, не жилье, а студия. Так, маленький чуланчик для работы… — притворно скромничал он. — Тут недалеко. В Николопесковском переулке.

— А где это?

— На Арбате.

— Ой, правда? Я только сегодня была на Арбате!.. Рано утром.

— И что же ты там делала?

— Сначала ходила в ресторан, а потом… Так, гуляла.

Ангел попытался поймать ее взгляд и найти в глазах своей протеже воспоминания об их ночной прогулке, но Настя сердито отвернулась от него и теснее придвинулась к Комову. Она была очень обижена на своего хранителя.

Вскоре автомобиль остановился около старинного, но, сразу видно, недавно отремонтированного дома на углу Старого Арбата. Художник сам открыл дверь и подал руку девушке, помогая ей выйти из машины.

— Видишь, вон там, наверху, башенка?

— Да, — задрала голову она.

— Это и есть мои владения. Позволь пригласить тебя туда.

Небольшая процессия, состоящая из трех людей, двух ангелов и одного демона, поднялась на лифте на последний этаж. Художник долго открывал многочисленные запоры.

— «Вот моя деревня, вот мой дом родной!» — провозгласил он наконец, щелкая выключателем. — Альберт, — обратился Комов к водителю,

сгружавшему многочисленные пакеты и пакетики с Настиными покупками, — вы можете быть свободны до… До половины десятого.

«Половина десятого, — застучало в голове у Апреля. — И до *стирания* останется чуть больше двух часов. Нужно срочно что-то делать, но, как назло, у меня ни одной, даже малюсенькой идеи! Эх, был бы тут мой друг Озорник — он, возможно, что-нибудь придумал бы…»

— Половина десятого? — удивилась Настя. — А мы успеем? Вы… Ты же говорил, что мы едем на Рублевку?..

— Нет, я передумал, — покачал головой художник. — Мы с тобой будем встречать Новый год в центре, в одном очень известном месте. В ресторане при отеле. Это тоже маленький сюрприз для тебя. Хочу кое с кем тебя познакомить…

— С кем? — От любопытства она только что не подпрыгивала на месте. — Иннокентий, ну скажи! Ну с кем?

— Как ты относишься к творчеству Дениса Буряка? — поинтересовался он.

Настя аж взвизгнула:

— Я от него тащусь! Это вообще топ!

— Тогда мой сюрприз тебе точно понравится, — улыбнулся Комов. — Сегодня вечером я

познакомлю тебя с Денисом, он будет там, куда мы с тобой идем.

— Офигеть! Ты просто чудо! — пискнула она и повисла у него на шее.

Комов на миг прижал ее к себе, а потом деликатно отстранился.

— Проходи, Настя, хватит стоять в прихожей. — Он помог девушке снять шубку и сделал приглашающий жест, предлагая гостье войти и осмотреться.

— Как у тебя круто! — восхитилась Настя.

«Маленький чуланчик для работы» оказался помещением, явно превосходящим сотню квадратных метров. Большая его часть была отведена под студию, меньшая была жилой.

— Здесь у меня гостиная, направо — кухня, а в башенке — спальня, — комментировал Иннокентий, на ходу включая домашний кинотеатр. — Последнее время меня вдруг потянуло на неоклассицизм. Четкость и строгость античных мотивов в соединении с богатством и пышностью, присущими ампиру и рококо… Как тебе нравятся эти растительные орнаменты? Это мои впечатления от осенней поездки в Грецию.

— Ты спроектировал все это сам? — восхищалась девушка, любуясь квартирой.

Ангел-хранитель следовал за ней по пятам, но она ни разу не взглянула в его сторону, точно перестала его видеть. Дьяволица устроилась на низком белоснежном диване перед телевизором и с интересом уставилась в экран, где шло какое-то праздничное шоу.

— Ну разумеется. Я ведь в некотором роде рисовальщик… — рассмеялся Комов.

— Ух ты! У тебя живая елка!

— Нет, елка не настоящая, это просто очень удачная имитация. Я купил ее то ли во Франции, то ли в Швейцарии, сейчас уже не вспомню. А вот игрушки на ней подлинные, антикварные. Здесь нет ни одной моложе ста лет. Вот эту лошадку в 1904 году подарила моей прабабушке Поликсене, ученице императорской гимназии, Великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра последней русской царицы. А вот эти серебряные с золотом шары — это трофейные, мой дед привез их из побежденной Германии. Они уже тогда считались старинными и очень дорогими. Их был целый набор, разных размеров, но, к сожалению, до сегодняшнего дня дожили только три… Ну а теперь могу показать тебе свои работы. Хочешь?

— Еще бы!

— Тогда пойдем в студию.

Просторная студия выглядела именно так, как и должна выглядеть мастерская художника, — минимум мебели, и только мольберты, готовые и незаконченные полотна, разбросанные повсюду кисти, краски и палитры.

— Ой, да у тебя окно во всю стену! — ахнула Настя, дотрагиваясь до стекла. — И прямо на Арбат выходит. Круто! Все-все видно. Вон сувениры продают, вон — «Вышивка и кружево», «Ювелирный», «Шоколадница»…

— Ради хорошего освещения. Электричество — это все-таки не то… Для художника нет ничего лучше дневного света. А когда он не нужен, всю стену можно прикрыть ставнями. Сделать это сейчас?

— Нет, не надо, пожалуйста! Так классно! Вечерний город, Старый Арбат, фонари, окна…

Настя принялась рассматривать картины, переходя от одного холста к другому. Некоторые из них были ей знакомы — Иннокентий Комов действительно считался модным художником, и его работы часто можно было увидеть на фотографиях в журналах, в рекламах и по телевизору. В основном это были женские портреты в интерьере, изображавшие знаменитостей — известных актрис, звезд эстрады, женщин-политиков, попу-

лярных писательниц, известных телеведущих. Все женщины на полотнах, при большом сходстве с оригиналом, выглядели ослепительно-красивыми, на каждом лице отражались, как писали об этом критики, «богатство духовного мира» и «глубина тонких душевных переживаний». Интерьеры, создававшие фон каждой картины, были самыми различными, подобранными под индивидуальность модели: роскошная зала дворянской усадьбы или даже дворца, современный офис, ухоженный цветущий сад, изысканный будуар, пальмы и берег океана в розовых лучах заката. При этом все портреты казались чем-то похожими — возможно, тем, что беззастенчиво льстили своим моделям, приписывая им те внешние и внутренние достоинства, которыми они на самом деле не обладали.

— Ну и как? Тебе нравится? — В голосе Комова прозвучало что-то похожее на искреннюю заинтересованность.

— Очень! — честно отвечала Настя.

— А какая работа больше всего?

— Вот эта. И эта.

Девушка показала на две картины, занимавшие скромное место в углу. Эти холсты разительно отличались от остальных полотен в студии — и

небольшим размером, и темой (это были пейзажи), и скромной естественностью красок. На одном из них был изображен добротный бревенчатый деревенский дом с резными наличниками и коньком на крыше, на другом — пруд на опушке леса и плакучая ива, склонившая ветви к воде.

— А-а! — несколько разочарованно кивнул художник. — Это мои совсем ранние, юношеские работы. Можно сказать, давно пройденный этап. Сам не знаю, почему я их до сих пор тут храню… Сейчас уже даже не могу представить себе, что когда-то писал в каком-то другом жанре.

— Мне сегодня снился точно такой же пруд, — вспомнила девушка. — Ну да, даже не похожий, а именно этот! Ива, кувшинки, цветущий луг, опушка леса вдалеке — это именно то самое место! Скажи, а где это? Где ты это рисовал?

— Под Москвой, — не слишком охотно поведал Комов. — У моего прадеда по матери было имение недалеко от Можайска. После войны бабушка купила в тех краях дом. В детстве я проводил там каждое лето. Это было славное время, наверное, самое славное в моей жизни… Но оно давно прошло.

— А что там сейчас?

— Понятия не имею. Я не был там уже лет,

наверное, двадцать пять, с самой бабушкиной смерти. Ну а портреты? — перевел он разговор на другую тему. — Как они тебе?

— Обалденные. Особенно вот этой актрисы, забыла ее фамилию. И вот этот, с собачками… Ой, Элеонора, певица! Я ее вчера в «Весне» видела, прикинь? Это что, портрет Дениса Буряка?.. Как здорово! — Она указала на томного синеглазого блондина в белой рубашке с раскрытым воротником апаш[3].

Блондин был изображен на фоне моря и неба с летящими по нему чайками, так, будто стоял на палубе старинного парусного корабля и задумчиво глядел вдаль, а ветер трепал его волосы и эффектно повязанный шейный платок.

— А я и не знала, что ты и мужчин тоже рисуешь! — удивилась Настя. — Послушай, а ты не мог бы… Не мог бы нарисовать мой портрет? Хотя нет, что я говорю!.. Представляю, сколько может стоить заказать портрет у самого Иннокентия Комова! У меня в жизни не будет таких денег…

— Перестань, — поморщился художник. — Ну что ты, о каких деньгах может идти речь?! Конечно, я обязательно тебя напишу.

---

[3] Примечания: 3

Открытый, отложной воротник, который свободно лежит на плечах и груди, оставляя шею открытой.

— Правда? — просияла Настя. — А когда?

— Да хоть прямо сейчас! — Комов бросил взгляд на часы. — Времени у нас еще полно… Только мне надо переодеться и все подготовить.

Занявший место у стены ангел наблюдал, как художник, облачившийся в дорогие рваные джинсы и испачканную красками свободную рубашку от Prada, усаживал девушку посреди мастерской.

— Я уже вижу, как это будет, — говорил он, устанавливая свет. — Тут надо сыграть на контрасте. Ты такая юная, романтичная, словно пришедшая из другой эпохи… Нужен суперсовременный интерьер, хай-тек или модерн-минимализм — и ты, в старинном наряде. Мадам Рекамье или нечто в этом роде… Сначала сделаем набросок. Повернись-ка чуть вправо. Вот так, достаточно. А теперь попробуй некоторое время не двигаться, хорошо?

Он быстро приготовил лист бумаги и взял в руки карандаш. Но работа, как видел ангел, не спорилась. Линии шли вкривь и вкось, художник вскоре потянулся за ластиком и больше стирал, чем рисовал.

— Что такое? — поинтересовалась девушка, видя, как он хмурится. — Что-то не так?

Не отвечая, Иннокентий скомкал лист и отшвырнул его в угол. Взял следующий, начал сначала — но с тем же успехом, точнее, без всякого успеха.

— Я плохо позирую, да? — забеспокоилась девушка. — Может, мне позу поменять?

— Сиди тихо! — прикрикнул на нее Комов. — И не разговаривай, мне это мешает!

Испугавшись, натурщица послушно замолчала и замерла неподвижно, стараясь даже не дышать. Но и это не помогло.

— Ох-хо-хо! — притворно вздохнула, входя в студию, Дама. — Ничего-то ты без меня сделать не можешь…

Она прошла мимо Апреля, нарочно задев его палантином по лицу, подошла к своему подопечному, встала у него за спиной, взглянула на эскиз, укоризненно покачала головой:

— Совсем никуда не годится… Что-то ты, мой миленький, вконец нюх потерял… — и положила ему на плечи обе руки.

И Ангел, которому с его места отлично была видна вся работа, стал свидетелем появления на свет нового шедевра популярного художника Комова. Повинуясь дьяволице, карандаш в его пальцах тотчас уверенно заскользил по листу.

И вскоре на белом фоне возникло лицо Насти — совсем детское, радостно и доверчиво улыбающееся миру.

«Да, она именно такая, — думал Апрель, следя за появляющимся, словно по волшебству, рисунком. — Чистая, открытая, наивная… Ее меркантильность, попытка показаться расчетливой, жажда богатства и славы — ведь это все напускное, внешнее, шелуха, которая очень быстро отпадет… Эта Дама, демон, бывшая любовь Стирателя, сумела очень хорошо ее понять… Неужели они все-таки погубят Настину душу? Я не должен этого допустить! Но что можно сделать? Говорить с моей подопечной бесполезно, она меня и слушать не хочет… Как же помешать ее замыслам? Эх, был бы тут Озорник…»

— Ты не устала? — поинтересовался Иннокентий, рисуя легкими штрихами волосы девушки.

— Есть немного, — призналась новоиспеченная натурщица. — Это, оказывается, очень трудно — вот так сидеть, не шевелясь.

— Тогда давай сделаем перерыв.

— Да, давай. А можно посмотреть?

— Ну конечно!

Настя рывком соскочила со своего места и подбежала к нему, на ходу потирая затекшую шею.

— Здорово! Неужели я и вправду такая красивая?

— В реальности ты намного лучше, — отвечал тот. — Карандашный эскиз не способен передать всего твоего очарования.

Девушка продолжала внимательно рассматривать его работу.

— Только я у тебя получилась какая-то… Ну как будто маленькая совсем. Как будто еще в школе учусь…

— В этом и есть твоя прелесть. — Иннокентий убирал принадлежности для рисования. — Твоя молодость особенно заметна на моем фоне.

— Ну что ты! — возразила девушка. — Что ты на себя наговариваешь! Ты очень клевый. И совсем даже не старый.

— Ох, не льсти мне, Настенька, а то еще немного — и я тебе поверю. Нет уж, милая, это ты у нас только едешь на ярмарку, а я, увы, уже с ярмарки…

В этот момент дьяволица, которая уже давно заскучала, резко вмешалась в их разговор.

— Слышь, Кешка, хватит уже кота за яйца тянуть! — рявкнула она на своего подопечного. — Хорош ныть и заговаривать девке зубы, ты не для этого ее сюда притащил! Давай действуй! Помни, что у тебя времени только до полуночи!

Художник испуганно оглянулся на нее, при

этом у него был вид собаки, которая боится, что ее пнут или ударят. Апрель пожалел, что Настя этого не видела, — она все еще рассматривала эскиз своего портрета.

— Ладно, не будем об этом, — торопливо сказал Комов. — Пойдем-ка в гостиную. По-моему, самое время проводить старый год и выпить. У меня на этот случай припасена бутылочка «Дом Периньон».

— Настоящее французское шампанское? Значит, сухое. Настоящее шампанское всегда бывает сухим. — Настя удобно устроилась в одном из глубоких кресел. Ангел пошел за ней.

— И откуда же у юной леди такие обширные познания? — Иннокентий, пройдя в отгороженный барной стойкой кухонный отсек, вынул из холодильника запотевшую темную бутылку, запечатанную черной фольгой. — Будь добра, похозяйничай, пожалуйста, возьми вон в том шкафу бокалы. А я пока достану икру. Надеюсь, у тебя нет аллергии на черную икру?

— Нет, что ты! Где, ты сказал, бокалы?

— Вон там, на верхней полке. Запоминай, где что лежит…

Ангел надеялся, что хотя бы в этот момент его протеже вспомнит о нем — ведь именно о шам-

панском и икре они разговаривали с ней ночью в ресторане. У девушки действительно мелькнуло какое-то смутное воспоминание — но сейчас ее больше взволновали слова художника. Как это он сказал… «Похозяйничай, пожалуйста», «Запоминай, где что лежит». Неужели он действительно хочет, чтобы она часто бывала здесь и знала, где что хранится? Неужели она и правда может стать хозяйкой в этой шикарной квартире? Настя просто не верила своему счастью.

— Давай сядем тут, здесь удобнее. — Художник придвинул к дивану журнальный столик. Поставил бутылку и серебряную креманку в форме двух раковин — в большей был колотый лед, в меньшей, находящейся сверху, — горкой лежала черная икра. Он нажал кнопку пульта управления музыкального центра, и в комнате зазвучала негромкая музыка. — Прошу, мадемуазель, ваш бокал!

Настя осторожно поднесла к лицу наполненный фужер.

— Пахнет лимоном, — сообщила она. — И еще чем-то… очень душистым.

— Цитрусовые и цветущий миндаль. — Иннокентий тоже поднял свой бокал. — У меня есть тост.

— Я слушаю. — Девушка развернулась к нему.

— Хочу выпить за последний день старого года, — глядя ей в глаза, проговорил Иннокентий. — За день, который, как мне кажется, станет началом моей новой жизни. Знаешь, едва только началась эта зима и выпал снег, у меня вдруг появилось предчувствие, что под Новый год со мной произойдет нечто особенное, совершенно необычное… Может быть, даже чудо. Это как в детстве… Ты, наверное, еще помнишь это предновогоднее чувство, ожидание праздника и волшебства. Елка, запах хвои и мандаринов, искрящийся в свете фонарей снег…

— И вечер накануне, когда тебя укладывают спать попозже, и ты стараешься не уснуть и подстеречь приход Деда Мороза! — подхватила девушка. — Взрослые в соседней комнате шумят и веселятся, а ты крепишься изо всех, чтобы не спать, и гадаешь, что же такое получишь в подарок… А потом не выдерживаешь и сама не замечаешь, как отрубаешься!

— Да-да, я рад, что ты так хорошо меня понимаешь! — свободной рукой Комов нежно пожал ладонь девушки. — Знаешь, Настя, мне казалось, что я уже давно вырос, что это чудесное ощущение никогда больше не вернется. Я уже не молод,

я повидал жизнь, я, что греха таить, очерствел душой… Но сейчас я почему-то чувствую себя маленьким мальчиком, который утром встал раньше всех, тихонько прокрался к елке и нашел под ней свой подарок — большую золотую коробку, перевязанную красной лентой. И я тихонько, замирая от счастья и даже боясь дышать, развязываю пышный бант, потянув за концы, снимаю ленту, берусь за крышку коробки…

Дама, от нетерпения бродившая туда-сюда по квартире, в этот момент снова появилась в гостиной и, услыхав последние слова своего подопечного, громко хмыкнула.

«А ведь он сейчас не врет! — с удивлением отметил ангел. — Впервые за все это время он абсолютно искренен. Он действительно чувствует все то, о чем рассказывает. У него скверно на душе, он устал от той жизни, которую ведет под покровительством своей хранительницы, он хотел бы все изменить и искренне мечтает о чуде, которое перевернет всю его судьбу… В конечном счете, его даже жаль!»

— Так что же там в коробке? — Девушка чуть не прыгала на диване от нетерпения. — Говори скорее, не томи!

— Еще не знаю, — с улыбкой отвечал Комов. —

Я ведь еще не успел снять крышку. Быть может, там спряталась ты?

Услышав именно то, что хотела, Настя довольно потупилась.

— Что-то я затянул с тостом, — опомнился художник. Словом, пьем за последний день старого года. День, которому я бесконечно благодарен за то, что он подарил мне встречу с тобой. За нас, Настенька!

Бокалы соприкоснулись с нежным хрустальным звоном, мужчина и девушка улыбнулись друг другу.

Настя попробовала зачерпнуть блестящую черную массу из креманки, но получилось плохо. Икринки сорвались с ложечки и упали на инкрустированную столешницу.

— Ой, какая же я коза безрукая! — расстроилась Настя.

— Все в порядке. — Иннокентий нежным движением взял ложечку у нее из пальцев. Он ловко намазал икру на крохотный хлебец и своей рукой положил девушке в рот. — Вкусно?

— Опупеть можно! — ответила Настя.

Дама уже совсем заскучала. Она бродила по комнате, кутаясь в свой палантин и кидая недовольные взгляды в сторону своего протеже. От

нечего делать бралась то за одно, то за другое: щелкала пультом телевизора, переключаясь с канала на канал; смешивала себе коктейль и отставляла его после пары глотков. И все время подгоняла художника, чтобы тот действовал быстрее.

Слушая ее, Комов разлил оставшееся шампанское по бокалам.

— Надо же, как в аптеке! — изумилась девушка. — Поровну — тютелька в тютельку!

— Мастерство не пропьешь… — усмехнулся Иннокентий. — Давай теперь выпьем за тебя.

— Нет, за тебя!

— Может, все-таки лучше…

— Не-а, не лучше, — упрямо помотала головой Настя. — И вообще, дай мне сказать! У меня тоже есть тост.

«Боюсь, она уже опьянела, — забеспокоился Апрель. — Вон как блестят глаза, и щеки порозовели… Ничего удивительного, она ведь почти не спала сегодня ночью».

— Не знаю уж, что там такое лежит в твоей коробке под елкой, — кокетливо продолжала Настя, — но желаю, чтобы там непременно оказалось что-нибудь очень-очень хорошее. Например, большая настоящая любовь. Разве может быть на

свете что-то лучше любви? Давай выпьем за это!

— С удовольствием.

Вновь раздался хрустальный звон. Едва парочка отставила пустые фужеры, Дама решительным шагом приблизилась к дивану и энергично толкнула своего протеже в сторону девушки.

— Ну все, хватит! — прикрикнула она. — Бери ее тепленькой!

— Спасибо тебе за добрые слова, Настя. Как хочется, чтобы они сбылись… — Художник взял в руки ее ладонь и поцеловал. — Какие у тебя красивые пальцы… — Он взял вторую руку и тоже поднес к губам. Придвинулся поближе и зарылся лицом в волосы девушки. — Ты восхитительно пахнешь, Настя. Аромат свежести и чистоты. Так, наверное, пахнут ангелы.

Дьяволица расхохоталась во весь голос.

— Ну давай, давай, шустрее! — подбадривала она своего подопечного криком, как болельщик на стадионе. — Давно уже пора ее завалить! Видишь, она сама уже из трусов выпрыгивает!

Девушка действительно сама развернулась навстречу мужчине. Ее руки страстно обвили его шею, губы нашли его рот. Комов сделал какое-то почти незаметное движение — и комната погрузилась в полумрак.

«Я не могу этого видеть! — вдруг признался себе ангел. — Не могу и не хочу! Это ужасно!»

Он уже вскочил на ноги, чтобы броситься прочь, когда услышал голос Иннокентия:

— Милая, я оставлю тебя на минуту, хорошо?

— Возвращайся скорее, — попросила девушка. Она уже полулежала на диване, на блузке были расстегнуты все пуговицы.

— Тьфу ты! — плюнула дьяволица, усевшаяся в кресле напротив, точно в зале кинотеатра. — На самом, можно сказать, интересном месте. И что же тебе так не вовремя приспичило!..

«А по-моему, весьма вовремя!» — решил про себя Апрель, устремляясь к своей подопечной. Девушка поглядела на него снизу вверх и инстинктивно прикрылась рукой, пытаясь скрыть почти обнаженную грудь.

— Опять ты тут? Как тебе не стыдно подглядывать?! Уходи!

— Я не могу уйти от тебя, Настя… Тем более сейчас.

— Слушай, ну чего тебе надо? — недовольно протянула она.

— Мне ничего не надо. А вот тебе нужно. Ты устала, выпила, и теперь тебя клонит в сон. — Ангел старался, чтобы его слова звучали как можно

более убедительно.

— Да кто тебе это сказал? Я совсем не хочу спать! — возмутилась было Настя, но Апрель положил ей одну руку на плечо, а второй легонько провел по лицу сверху вниз, заставляя закрыть глаза:

— Тсс! Не говори ничего! Просто усни. Спи… Тебе сейчас приснится чудесный сон…

— Эй ты! — спохватилась Дама. — Что это ты делаешь?

Но было уже поздно — Настя поддалась влиянию своего хранителя. Сначала девушка возмущенно вздохнула, точно набрала воздуху в легкие, собираясь что-то сказать, но промолчала. Вздохнула еще раз, уже тише, потом совсем тихонько… И через несколько секунд уже действительно сладко спала, свернувшись калачиком и положив под голову одну из многочисленных диванных подушек с вышивкой, имитирующей рисунки на античных вазах. В этом-то состоянии и застал ее вернувшийся из ванной Иннокентий.

— Вот так так! — проговорил он вполголоса. — Пока меня не было, вакханка превратилась в спящую красавицу.

Но Настя не отвечала. Она дышала ровно и глубоко, и художник понял, что девушка не играет

— она действительно уснула. Он пожал плечами, накрыл ее украшенным орнаментом пледом и тихо вышел в студию. Дама, кинув на Апреля уничтожающий взгляд, последовала за ним. Ангел ожидал, что она сейчас потребует от Комова, чтобы тот разбудил Настю, но, к его удивлению, этого не произошло.

— А ты не так прост, как я думал, дружище! — услышал вдруг Апрель знакомый голос.

Он обернулся. В дверях стоял Озорник, все тот же его детский товарищ, в том же облике — в тех же рваных джинсах и футболке, с той же серьгой в одном ухе и улыбкой во весь рот.

— Ты! — ахнул Апрель. — Откуда? Как ты оказался здесь?

— Да вот, выбрался ненадолго… — отвечал старый приятель. — Можешь меня поздравить — моя первая командировка на Землю закончилась благополучно. Душа моей подопечной Алины спасена, она теперь пребывает в вечном блаженстве. А мне скоро поручат охранять какую-нибудь новую душу. Но пока этого не произошло, я, воспользовавшись перерывом, попросился к тебе сюда. Должен же я как-то помочь лучшему другу!

— Не знаю, как ты сможешь мне помочь, —

вздохнул Апрель. — На мой взгляд, ситуация безвыходная…

— Ну, один выход ты все-таки нашел, — усмехнулся Озорник, кивнув на спящую на диване девушку. — Остроумно…

Апрель потупился.

— Я не мог этого видеть, — признался он. — Как моя Настя… с ним… Это ужасно!

— А ты не думаешь, что сейчас говоришь не как ангел-хранитель, а как ревнивый любовник? — хитро поглядел на него Озорник.

— Да перестань! — возмутился Апрель. — При чем тут это! Как тебе не стыдно! Просто я не хочу, чтобы моя подопечная была близка с человеком, чья душа принадлежит Темным силам. Уверен, этого не хочет ни один хранитель!

— Ладно, проехали. — Озорник присел на подлокотник кресла. — Давай поговорим о другом. Уже без четверти восемь — значит, у тебя осталось в запасе чуть больше четырех часов.

— Да, я должен прийти к Стирателю еще до полуночи, — кивнул Апрель.

— А он в это же время дать ответ своей бывшей.

— Откуда ты знаешь? — изумился Апрель.

— Оттуда, что мне не безразлична твоя судь-

ба, — отвечал его друг. — Все это время я наблюдал за тобой *Сверху* и теперь в курсе всех подробностей этой истории, включая Стирателя, признаюсь, не ожидал от него, и его взаимоотношений с этой самой Тайной, чтоб она провалилась! Кстати, где она?

Апрель показал в сторону студии:

— Там, с ним.

— Понятно, — кивнул Озорник. — И не исключено, что подслушивает наш разговор. С ней каждую минуту надо быть начеку…

Апрель поднялся с места и прошелся по комнате.

— Я настолько растерян… — поделился он с другом. — Для меня даже не так страшно то, что меня *сотрут* сегодня ночью. Но мысль о том, что моя жертва будет напрасна, а душа Насти погибнет, просто невыносима! И еще Стиратель…

— Да, со Стирателем тоже очень нехорошо получается. Он пострадает в любом случае — вне зависимости от того, что будет с тобой, — подтвердил Озорник. — Если, конечно, не примет предложение Дамы.

— И это ужасно! — Апрель в изнеможении опустился на ковер и обхватил голову руками. — Что же нам делать?

Озорник интригующе улыбнулся:

— Кажется, у меня есть одна идея…

— Ты что-то придумал? — Апрель с надеждой посмотрел на друга. — Что именно?

— А то! Ты знаешь, сколько денег уже успела истратить твоя протеже?

— Нет, точно не знаю. — Ангел бросил взгляд на девушку, которая как раз в эту минуту счастливо вздохнула во сне. — Но вроде пока немного… А что?

— Да то, что деньги надо срочно вернуть! Стиратель положит их обратно в сейф — и тогда никто ни о чем не узнает. У вас ведь не было с ним никакого договора — так его и не будет! И никакого *стирания* тоже не будет. Деньги на месте, ты жив и здоров, Стирателя тоже упрекнуть не за что… А? Как тебе такая идея? Всего-то и делов, что мы с тобой как будто отмотали время на двенадцать или сколько там часов назад…

— Подожди-подожди! — нахмурился Апрель. — Но как же Настя?

— А что Настя? — не понял Озорник. — С ней все будет в порядке. Как только Дама-дьяволица поймет, что ей больше не в чем уличить Стирателя, она, конечно, тут же отзовет своего художника назад. И с душой Насти все будет нормально.

Она останется под твоим присмотром. Ну что? Здорово я придумал?

— Но постой… А если нет? Если дьяволица, разозлившись, захочет отомстить и не оставит Настю в покое? Чует мое сердце, что именно так оно и будет!

— Ну… — развел руками озорной ангел. — Что уж тут поделаешь… Каждая душа может в любую минуту угодить к нашим конкурентам — и твоя Настя не исключение. Тут мы ничего не сумеем изменить. А может, даже и сумеем — ведь мы будем рядом. Так что давай, как любила повторять моя Алина, переживать неприятности по мере их поступления.

— Все равно мне не нравится этот выход, — упрямился Апрель. — Как мы можем вернуть деньги?

— В каком смысле — как? Забрать их у Насти, только и всего.

— Но ведь я взял эти деньги для нее и подарил их ей! И что теперь — приду и скажу: «Отдавай назад!»? Как, по-твоему, я буду при этом выглядеть в ее глазах? К тому же она может просто не согласиться… Даже если я расскажу ей все, как есть. Очень возможно, что она откажет: деньги слишком важны для нее, — признал с горьким

вздохом ангел-хранитель.

— А давай возьмем их без спросу! — неосмотрительно предложил Озорник, чем вызвал бурное возмущение у своего приятеля.

— Ты предлагаешь нам, ангелам, пойти на воровство? Очень мило!

— Да уж, прав Стиратель… — задумчиво проговорил Озорник после долгой паузы. — В мире людей все упирается в деньги. Если бы раздобыть где-то такую же сумму, все проблемы были бы решены. Но где ее взять?

Апрель снова опустился на ковер.

— Я чувствую, что мы с тобой не там ищем… — тихо проговорил он. — Может быть, посоветоваться с кем-то знающим и опытным? Хотя если даже Стиратель не сумел мне помочь…

— Подозреваю, что он не очень и старался. Не забывай, что в этой истории он рискует не меньше твоего. Уж я-то знаю, что для него его должность куда дороже, чем для тебя твоя жизнь… И он такой человек, что будет соблюдать прежде всего собственные интересы. А ему выгоднее как можно скорее *стереть* тебя. Для него главное, чтоб это произошло раньше, чем Дама и ее епархия завладеют Настиной душой. Так что на его советы, увы, можно не рассчитывать.

— Ну не может же быть, чтобы никогда еще не случалось ничего подобного! Наверняка происходило что-то похожее…

— Я что-то не припомню, — покачал головой Озорник. — Ну разве что история, описанная в «Фаусте»… И то очень отдаленно…

— Да, действительно в «Фаусте». Помнишь, доктор Фауст продает свою душу нашим конкурентам в обмен на молодость и что-то там еще, я уже и сам не помню. А Маргарита, его возлюбленная, спасает его. Ее душа после смерти попадает на Небеса. Но без любимого ей даже Рай не кажется Раем. И тогда ради нее Фауста прощают…

— Да, да! Именно так — прощают и даруют Спасение тому, кто продал душу дьяволу!

— Ну да. Но это, насколько я знаю, единственный подобный случай за всю историю человечества.

Апрель снова встал и нервно заходил по гостиной.

— Значит, должен быть и второй такой случай! — проговорил он. — Если любовь настолько сильна, что может спасти погубленную душу… А Настя любит этого художника, я это знаю!

— Подожди-подожди, не так скоро! — Озорник поймал своего приятеля за рукав пальто и за-

ставил остановиться. — Я не успеваю за ходом твоих мыслей.

— Я сам еще толком не продумал, как и что, — ответил его молодой друг. — Но чувствую, что решение проблемы где-то здесь!.. Ты прав, я вел себя, как ревнивец, а не как ангел-хранитель. Я должен забыть о своей неприязни к этому человеку и сделать все, чтобы Настя обрела с ним счастье. Настоящее счастье, понимаешь?

— Это-то я понимаю, — кивнул Озорник. — Я не понимаю другого — *как* ты собираешься это сделать?

— Мы не должны потерять ее, — отвечал Апрель. — Но, быть может, сумеем спасти его. Для нее!..

Он хотел сказать еще что-то, но не успел. В гостиной появился Иннокентий, за его спиной виднелась Дама.

— А ты что тут торчишь? — фыркнула она, увидев Озорника.

— Заглянул повидать друга. — Ангел улыбнулся ей такой обескураживающей улыбкой, словно беседовал с самой что ни на есть приятной ему особой.

Художник тем временем подошел к дивану и склонился над спящей девушкой.

— Настя! Пора, красавица, проснись! Нам нужно собираться и ехать.

— Ой! — Она раскрыла глаза и буквально подскочила. — Неужели я уснула? Надо же, прямо отрубилась… Ты ведь не сердишься на меня, правда?

— Скоро начну сердиться! — шутливо пообещал Комов. — Если ты будешь слишком уж долго собираться и мы опоздаем из-за этого на праздник.

— Что ты, я мигом! Ну-ка, где наши сегодняшние покупки?

И девушка вихрем помчалась по студии разбирать многочисленные пакеты, распаковывать вещи, наряжаться, краситься и приводить себя в порядок перед таким грандиозным выходом в свет — первым в ее жизни.

«Я прямо как Наташа Ростова из „Войны и мира“ — еду на свой первый бал, — думала Настя. — Поверить не могу, что все это происходит со мной! Просто чудеса! А Иннокентий… Я влюбилась по уши! И он, похоже, тоже ко мне неравнодушен… Ой, как же я счастлива!»

Ангел, конечно, знал обо всех этих мыслях. Знал и о том, что для него в них нет места — девушка совсем перестала его замечать, как не замечают обои на стене.

Ничего не изменилось за то время, пока Альберт вез Настю и Комова в ресторан при известном отеле, расположенном в самом центре города, неподалеку от Красной площади. Озорник с ними не поехал — в суматохе перед выходом он вдруг исчез, даже не попрощавшись. «Наверное, его срочно вызвали *Наверх*», — решил Апрель и посмотрел на часы. До его стирания оставалось сто двадцать две минуты.

Глава 12, в которой Апрель прощается с Настей

Когда ровно в десять часов Настя под руку с художником вошла в празднично оформленный зал ресторана с колоннами, лепниной и крышей из разноцветного стекла, то даже ахнула от восторга:

— Как здесь красиво! Обалдеть можно! Прямо как в кино!

— Ты никогда не была тут? — поинтересовался Иннокентий.

— Ни разу. Ни в этом отеле, ни в ресторане…

Она с удовольствием отметила, какое оживление вызвало их появление. Еще в дверях какой-то парень, видимо из охраны, попросил у Иннокентия автограф — для своей девушки, которая коллекционировала автографы знаменитостей. Мужчины в смокингах одобрительными взглядами окидывали Настину фигуру; женщины в вечерних платьях и сверкающих украшениях недовольно косились в их сторону; не пропускающие ни одной тусовки журналисты,

отличавшиеся от остальных гостей подчеркнуто демократическим стилем одежды, зашептались, показывая на нее и Комова. И тут же замелькали вспышки фотоаппаратов.

— Тебя явно заметили, — улыбнулся художник Насте.

Не успели они войти, как к ним тотчас подошел метрдотель, такого солидного вида, что Настя не смогла назвать его про себя иначе как «господином».

— Иннокентий Михайлович, рады вас видеть! — приветствовал он. — Прошу, вот ваш столик на двоих.

Едва они заняли свое место, как тут же появился официант и подал меню.

— С чего начнем? Что бы ты хотела? — заботливо поинтересовался художник.

— Ой, даже не знаю, — растерялась девушка. — Выбери сам, ладно? На свой вкус.

Рассеянно прислушиваясь к разговору своего спутника с официантом, она принялась оглядывать зал. Сколько знакомых лиц — ну не знакомых, конечно, но столько раз виденных на страницах модных журналов и экране телевизора… Похоже, здесь собрался весь бомонд, и она, Настя, уже становится его частью. Неужели

и правда ее мечты сбываются, как и говорил хранитель… Кстати, а где он? Что-то его давно не видно?..

Девушка оглянулась по сторонам, но Апреля нигде не было. Куда это он запропастился? Может, обиделся на нее? Не исключено… Все это время она довольно резко разговаривала с ним, даже нагрубила пару раз. Да, нехорошо как вышло… Он столько всего сделал для нее — а она…

— О чем ты задумалась? — прервал ее рассуждения Иннокентий.

— О том, что мечты иногда сбываются, — уклончиво ответила Настя. Не рассказывать же ему про ангела-хранителя! Еще примет за сумасшедшую…

— Вот как? Тогда предлагаю первый тост. Давай выпьем за то, чтобы все твои мечты сбывались!

— И твои. — Они чокнулись бокалами и Настя подумала о том, что это только начало прекрасной жизни.

В это время официант поставил перед ними тарелки с половинками авокадо, фаршированными салатом с креветками.

— Так о чем же ты мечтала? — полюбопытствовал Иннокентий, отламывая кусочек хлеба. — И что из этого сбылось?

— Да почти все! Я хотела, чтобы у меня были деньги, наряды, шикарный смартфон… Хотела бывать каждый вечер вот в таких роскошных местах. Мечтала встретить такого мужчину, как ты…

— Получается, все твои мечты сбылись еще в старом году. — Художник кивком поблагодарил официанта, подлившего напиток им в бокалы. — А что же я буду желать тебе в новом? Придется быстренько придумать еще какую-нибудь мечту.

— Ну еще… Еще я хочу стать актрисой.

— Не сомневаюсь, это желание тоже вполне осуществимо. С такой внешностью, как у тебя…

— Ой, да брось ты! — смутилась Настя. — Ничего в моей внешности особенного нет. Нос курносый, рост небольшой…

— Ты к себе несправедлива, Настя. Кстати, как тебе салат?

— Просто с ума сойти, как вкусно! Ой, гляди, там, на сцене, Снегурочка. Неужели тут еще и представление будет?

— Обещали целую ночь сюрпризов. — Комов кивнул на лежащее на столе праздничное приглашение.

Тут около их столика появилась очень коротко стриженная девица с красными волосами в асим-

метричной цветной кофточке и белых капри.

— Кеша, вы помните меня? — почти пропела она, сильно растягивая гласные. — Я Илона Садовникова, брала у вас интервью в прошлом месяце для канала «О своем, о девичьем». Скажите, кто ваша очаровательная спутница? — Она криво улыбнулась Насте.

— Как! Ты не знаешь? — Комов очень натурально изобразил изумление. — Странно, Илона, ты такой продвинутый журналист… Это же Настя Федотова, восходящая звезда экрана!

«Надо же… Когда это я успела назвать ему свою фамилию? — удивилась про себя Настя. — В упор этого не помню!»

— Она сейчас снимается во всех заслуживающих внимания сериалах. — Художник тем временем продолжал заливать журналистке. — Ты что, Илона, «Кинопоиск» не мониторишь?

Журналистка растерялась лишь на долю секунды, но тотчас нашла выход из положения:

— Ой, простите, пожалуйста, Анастасия, я не узнала вас с новой прической! — Она защелкала фотокамерой, делая снимки Насти в разных ракурсах.

— Ну вот ты уже и становишься знаменитой! — улыбнулся Комов, когда беспардонная Илона

наконец отошла от их столика. — Теперь наверняка наши с тобой совместные фотографии появятся и в глянце, и в сети.

— Здорово, да? — просияла Настя.

— Ты рада, что это все произошло с тобой? — спросил вдруг художник, пристально поглядев на девушку.

— Ты еще спрашиваешь! Просто выразить не могу, как рада! Спасибо тебе огромное! — Она с жаром стиснула его ладонь. — Ты потрясающий! Я тебя обожаю!

Художник улыбнулся ей так, что у Насти даже закружилась голова. Никогда в жизни своей она еще не видела настолько привлекательного мужчину… Она просто сходила по нему с ума.

— Скажи, милая, — проговорил он вкрадчиво, нежно и тихо, почти прошептал. — А ты могла бы исполнить одну мою просьбу? Совсем маленькую просьбу?

— Конечно! — не задумываясь, ответила Настя. — Я сделаю для тебя все, что угодно! Что ты хочешь?

— Сущий пустяк. Тебе надо всего лишь подписать небольшой документ…

— Документ? — захлопала наклеенными ресницами Настя.

— Ну да. Одну маленькую бумажку…

— Какую? Или это тоже сюрприз?

Вместо ответа Иннокентий только снова очаровательно улыбнулся.

«Наверное, он хочет что-то мне подарить, — радостным вихрем пронеслись мысли в голове у девушки. — Что-то серьезное. Может быть, машину? Или даже квартиру? С ума можно сойти! Как же мне повезло с любимым человеком!»

— Вот только я не помню, куда дела паспорт… — спохватилась Настя, торопливо открывая сумку. Ей вдруг пришло в голову, что она могла забыть его в кармане старой куртки.

Комов покачал головой:

— Не волнуйся, не нужно никакого паспорта. Достаточно одной твоей подписи.

— Нет, слава богу, вот он! — воскликнула она, найдя в недрах сумочки то, что искала.

— Тогда, может быть, сделаем это сейчас? — предложил Иннокентий.

— Что, прямо тут? — удивилась Настя, показывая на стол, заставленный закусками.

— Нет, ну зачем же… Я зарезервировал для нас номер, тут, в отеле, на третьем этаже. Давай поднимемся туда, там уже все гото…

Договорить ему не дал радостный голос веду-

щего:

— Друзья мои, настало время следующего сюрприза! Сегодня с нами провожает старый год всеми любимый исполнитель, лауреат всех возможных и невозможных конкурсов… Впрочем, в особом представлении он не нуждается, его и так все любят и обожают!.. Итак, приветствуем… Денис Буряк!

— Вау! — завопила от радости Настя.

В жизни певец, взбежавший на эстраду, выглядел далеко не так хорошо, как на портрете кисти Комова, но для Насти это не имело никакого значения. Живой Буряк, настоящий! Она видит его своими глазами! Да еще познакомится с ним! Френды лопнут от зависти, когда об этом узнают…

— Так что же, Настя? — настойчиво спросил художник. А она, не отрывавшая глаз от эстрады, даже не сразу поняла, чего от нее хотят.

— Что? А, подпись… Пожалуйста, давай чуть позже, ладно? Денис же сейчас будет петь!.. Не забудь, ты обещал меня с ним познакомить!

Комов бросил вопросительный взгляд вбок, точно хотел посмотреть на кого-то — хотя никого рядом с ними не было.

— Хорошо, — кивнул он после небольшой па-

узы. — Давай подпишем бумагу чуть попозже. Но очень тебя прошу — не затягивай. Нам обязательно нужно, просто необходимо сделать это до полуночи. Ты меня поняла?

— Угу, — кивнула девушка, которая на самом деле едва слушала его. Вся ее душа уже унеслась куда-то ввысь, вместе со звуками фонограммы, льющейся из динамиков, пока знаменитый исполнитель на эстраде открывал рот и изображал некое подобие танца.

А в это время ангел Апрель скитался по заснеженным улицам Москвы. Он вспоминал, как еще вчера почти в это же время бродил этим же путем, и думал о том, как многое изменилось за одни только сутки. Он наконец-то нашел свою протеже, успел привязаться к ней и полюбить ее по-настоящему — и вот теперь теряет и ее, и свою жизнь. Интересно, что будет после *стирания?* Хотя что тут интересного — он и так знает, что *ничего.* Это людей, обладателей бессмертных душ, после смерти ждет новая вечная жизнь, полная Света или полная страданий, в зависимости от того, как они существовали здесь, на Земле. А у них, ангелов, нет души — и на вечную жизнь рассчитывать не приходится. Так что меньше чем через два часа он просто исчезнет. Переста-

нет видеть, слышать, чувствовать… Просто все закончится, и он погрузится в темноту. Навсегда.

За оставшееся время он должен решить еще только одну задачу — не допустить, чтобы душа его подопечной отошла Темным силам. До полуночи осталось не так уж много… Хотя… Тут ангел замер на месте, его осенила догадка. А зачем ждать полуночи? Если он *сотрется* быстрее, если сделает это прямо сейчас, то может спасти этим Стирателя — ведь тогда Даме нечем будет шантажировать своего бывшего возлюбленного! Ну конечно же! Как это только раньше не пришло ему в голову? Он пожертвует собой — но спасет этим бывшего ангела Ираэля. Да, нужно немедленно лететь в Исторический музей… Но сначала следует проститься с Настей.

Когда Апрель влетел в ресторан, праздник был уже в самом разгаре. Звучала музыка, сыпались конфетти, летал серпантин, хлопали пробки от шампанского, задорные Дед Мороз и Снегурочка старательно развлекали публику.

Посреди всего этого веселья ангел чувствовал себя инородным телом. Он быстро нашел взглядом свою подопечную, направился к ней и встал прямо перед столиком.

Настя в этот момент разговаривала с Комовым

и громко смеялась. «Ну ты же обещал познакомить меня с Денисом!» — настаивала она. Занятая разговором, девушка сначала даже не заметила своего хранителя.

— Настя. — Апрель положил ладонь на ее руку. — Мне очень нужно с тобой поговорить.

Она бросила на него недовольный взгляд:

— Опять? Я сегодня весь день слышу от тебя эту фразу. И вообще, если хочешь знать, я на тебя обиделась… Почему бы тебе просто не дать мне повеселиться в новогоднюю ночь?

— Потому что это действительно очень важно. И потому, что это последний наш с тобой разговор.

— С чего это вдруг? Ну ладно, хорошо, будь по-твоему.

Она отодвинула тарелку и очаровательно улыбнулась своему спутнику:

— Я тебя покину на минутку? Хочу успеть позвонить маме до Нового года, а здесь так шумно…

— Хочешь, я пойду с тобой? — приподнялся Иннокентий.

— Не стоит, я еще зайду попудрю носик. Не скучай без меня!

Девушка неторопливо направилась через зал, ангел поспешил следом.

— Ну и где мы будем разговаривать? — обернулась она к нему. — Опять в туалете?

— Иди за мной, — отвечал Апрель.

Вскоре они оказались в одном из служебных помещений — небольшом закутке в конце коридора.

— Давай поговорим вот здесь, — предложил ангел. — Тут никого нет, и нам не помешают.

Девушка недовольно оглядела пустое помещение.

— Фи, даже сесть некуда! — наморщила она свой курносый нос и поторопила: — Ну говори, что ты хотел мне сказать? Только быстрее, а то меня ждут. Прикинь, он обещал меня с самим Денисом Буряком познакомить!

— Я пришел проститься с тобой, Настя, — тихо сказал ангел.

— Вот тебе новости! — удивилась она. — С какого перепугу?

— Так получилось. Мне придется сейчас расстаться с тобой.

— Ты станешь невидим для меня, да? — предположила Настя. — Помню, ты об этом говорил… Но ведь ты по-прежнему будешь находиться рядом со мной и заботиться обо мне, как обещал, да?

Апрель покачал головой:

— Нет, все гораздо серьезнее. Обстоятельства изменились. Я не могу объяснить тебе всего, но… Словом, я вынужден покинуть тебя. Навсегда. А вместо меня тебе пришлют другого ангела-хранителя. Он будет все время с тобой и будет заботиться о тебе. Может, не так усердно, как это делал я, но будет. Правда, видеть его ты уже не сможешь.

— Но почему? — Она капризно надула губки. — Я не хочу! Мне так нравилось, что у меня был ты… И потом, это просто нечестно! Ты выполнил еще не все мои желания…

Девушка обиженно отвернулась.

— Настя! — Апрель крепко взял ее за руку и повернул лицом к себе. — Я уже говорил тебе, что я не джинн из бутылки. Я твой ангел-хранитель. И был послан на Землю, чтобы помочь тебе спасти

твою душу, а не для того, чтобы у тебя появились шубка и сумочка за тысячи долларов…

— И что же это получается? Теперь, когда у меня есть шубка и сумочка, мою душу уже не надо спасать, да? — почти крикнула она.

— Надо, Настя. Именно теперь это необходимо, более чем когда-либо. Ты встала на очень опасный путь… Но дальше уже тебе придется идти по нему только самой, без моей помощи.

— Я тебя не понимаю…

— Да, тебе это трудно будет понять. Но так получилось… Я ухожу навсегда. И прошу тебя только об одном…

— Но я не хочу, чтобы ты уходил! — перебила его девушка. — Я хочу, чтобы ты все время был со мной. С тех пор как ты появился, вся моя жизнь просто перевернулась! За все мои девятнадцать лет в ней не было стольких событий и столько радости, сколько за эти сутки!..

Ангел только пожал плечами:

— Ты не дала мне договорить.

— Да, слышала, у тебя ко мне просьба… Хорошо, я исполню ее, что бы это ни было. Но при одном условии — обещай, что взамен ты исполнишь мою.

Апрель замотал головой:

— Нет, прости. Я не вправе давать таких обещаний. И, наверное, уже не смогу исполнить твоего желания. Вечерних платьев, мобильных телефонов и бенефисов больше не будет.

— Да перестань ты! — Она с досадой топнула ногой. — Зачем ты меня обижаешь? Ведь ты же прекрасно знаешь, о чем я думаю.

— Знаю. Ты сейчас колеблешься, не зная, что выбрать — то ли чтобы художник любил тебя вечно, то ли чтобы я все-таки не покидал тебя.

— Да, верно, — потупилась девушка.

— Так вот, я не сумею сделать для тебя ни первого, ни второго.

— Ну почему, почему?

— Потому что это не в моих силах, Настя. А что касается художника, то тут я и стараться не буду. Я уже много раз повторял тебе, что ты выбрала неподходящего человека. Его душа уже погибла, и он сделает все, чтобы погубить и твою. А меня рядом не будет…

— Блин, ну почему все так по-дурацки складывается? — Она прижала ладони к пылающим щекам. — И как же мне теперь быть? Расстаться с ним, да? Так не хочется…

— Если ты действительно полюбила этого человека, полюбила по-настоящему, то я не вправе

мешать тебе. — Ангел взял ее за руку. — Оставайся с ним, если таково твое решение. Но, умоляю тебя, помни о том, что я тебе сейчас скажу. Ни за что, ни за что, слышишь, не давай ему погубить твою душу!

Настя удивленно глядела на него.

— Апрель, но скажи мне… Я тебя не понимаю! Как мне быть, чтобы этого не случилось? Что делать и чего не делать? Я же не знаю.

— Все ты знаешь, — отвечал ангел. — Даже если твой разум не знает, как правильно поступить, это всегда знает твое сердце. У тебя чистая и добрая душа, Настя, она всегда найдет нужный путь. Я никак не могу предвидеть, что именно они будут делать, чтобы заполучить твою душу. Может, по старинке, уговорят подписать кровью договор с дьяволом, может, даже скорее всего, попытаются заставить тебя совершить какой-то мерзкий поступок… Я не в силах этого предугадать и не сумею тебя предостеречь. Поэтому всегда, прежде чем сделать что-либо, слушай свое сердце. Оно подскажет тебе, стоит ли так поступать или нет… Ты поняла меня?

Девушка молча кивнула. Она выглядела потерянной и очень расстроенной.

— Ну тогда прощай! — тихо произнес Апрель. —

Как у вас, людей, говорится, не поминай лихом…

— Не уходи! — Она подняла на него глаза, полные слез. — Пожалуйста… Не уходи…

Но он только головой покачал:

— Прости, но я не могу остаться. Это зависит не от меня.

Ангел быстро развернулся и уже направился было прочь, когда девушка окликнула его:

— Апрель! Подожди, пожалуйста, еще минутку!

Он остановился. Настя подбежала к нему и схватила за руку.

— Но ты же обещал, что вечно будешь со мной рядом, независимо от того, вижу я тебя или нет… Скажи, я сделала что-то плохое, да? Очень плохое, ужасное, из-за чего ты больше не можешь со мной быть?

— Нет, нет, не надо так думать! — забормотал он. — Ничего ужасного ты не сделала… *Пока* не сделала. И надеюсь, не сделаешь впредь.

— Тогда все-таки объясни мне, почему? Почему ты покидаешь меня? За что?

Ангел снова замотал головой:

— Просто прими это как данность. Ведь еще вчера меня не было, правда? Вот и дальше меня для тебя не будет.

– *Для меня?* Или вообще?

— Я не хочу говорить об этом. Извини, Настя, мне нужно идти.

— Сон! — воскликнула вдруг девушка, всплеснув руками. — Ну конечно же! Именно это я и видела сегодня ночью! Мы на берегу пруда, и земляника… А потом ты улетел. И этот странный пожилой человек в костюме, такой толстый и лысый, в очках, сказал мне…

— Стиратель? — машинально спросил Апрель.

— Это был Стиратель?

Апрель пожал плечами:

— Ну откуда ж я могу знать? Я же не видел этого твоего сна… Настя, милая, успокойся! Прости, но мне действительно пора… Настя! Ты что — плачешь? Не надо…

По лицу девушки действительно катились слезы.

— Не уходи! — повторяла она, всхлипывая. — Апрель, миленький, ну не оставляй меня, пожалуйста! Я не хочу быть без тебя! Я боюсь без тебя! И за тебя боюсь… — Она кинулась к нему на грудь.

— Настя, успокойся, пожалуйста! — Апрель растерянно гладил ее по волосам. — Прошу тебя…

— А ты можешь… — Она подняла заплаканное

лицо. — Ты можешь исполнить еще одну мою — ну самую-самую последнюю — просьбу? Я хочу…

— Да не говори, я все понял… — Апрель смутился и растерялся, задумался, но потом все-таки решился: — Вообще-то, нам этого тоже нельзя, но… Ну ладно… Если ты уж так этого хочешь… На прощание…

Он наклонился и поцеловал ее. И, если бы ангелы могли чувствовать вкус, он ощутил бы, насколько горьки и солоны слезы на ее губах. Но он этого не узнал. А она… Она все чувствовала и была уверена, что его поцелуй, как во сне, имел вкус земляники.

«Наверное, я первая в мире девушка, которая поцеловалась со своим ангелом-хранителем», — пронеслось в голове у Насти. В этот момент Апрель выскользнул из ее объятий и тут же исчез. А Настя после этого расстегнула свою сумочку за пять тысяч долларов и спрятала туда маленький, горевший серебристым светом фонарик.

* * *

То, что Апрель увидел в башне Исторического музея, его очень удивило. Приемная и прилегающий к ней коридор были абсолютно пусты — точно так же, как и сутки назад, когда он сам увел всех ожидающих *стирания* ангелов на представление. Но сегодня не было видно даже Секретаря — ее стол, с телефонами, компьютером, маленькой блестящей елочкой и недочитанным любовным романом рядом с клавиатурой, пустовал.

«Сегодня приема нет» — гласила стоящая на столе табличка.

«Странно, — подумал Апрель. — Почему отменили прием? Наверное, ушли встречать Новый год… А Стиратель? Ему-то уж точно сейчас не до веселья…»

Он взлетел по лестнице и нерешительно посту-

чал в дверь кабинета.

— Да? — раздался оттуда недовольный голос. — Войдите!

Чиновник в гордом одиночестве сидел за своим столом и смотрел в пустоту.

— А, все-таки явился! — просиял он, увидев посетителя, и даже вскочил. — Молодчина! А я уже смотрю — двенадцатый час, а тебя нет… Ну давай, проходи скорее, рассказывай, как дела. Что там с твоей подопечной, как ее, Настя, кажется? — Он вернулся к своему компьютеру.

Апрель пожал плечами:

— Пока с ней все в порядке. Ее душа принадлежит Свету, и я очень надеюсь, что так будет и дальше… Но все-таки очень прошу вас — постарайтесь, чтобы нового хранителя к ней прислали как можно скорее!

— Не волнуйся, — заверил чиновник. — Прослежу за этим лично. Сам понимаешь, насколько это в моих интересах… Ну что ж, сейчас откроем нужный файл… Что такое, где он? Не ужели?.. Уф, слава богу, на месте, а то я уже подумал…

— Вы уж по возможности введите того, кто меня заменит, в курс дела, — просил ангел. — Меня очень беспокоит судьба Насти. Вы были правы, я встретился с ней, когда она была на перепутье…

И не уверен, сумел ли ей помочь. И правильно ли поступил.

— По крайней мере, ты сделал все, что мог. А уж как она будет жить дальше — это зависит только от нее. — Толстые пальцы быстро застучали по клавиатуре.

— Она еще так молода и наивна… — сокрушался Апрель.

— Ах, вот что тебя беспокоит, — усмехнулся Стиратель, не переставая печатать. — Ну тут тебе, в общем-то, тоже нечего печалиться… Поверь, люди совсем не так уж беспомощны, как ты о них думаешь… Они сами создают себе судьбу, прокладывают путь, как в этой жизни, так и в той. Ваше дело лишь помогать им… А все остальное, и даже Спасение или его отсутствие, в полной мере зависит от них самих, а не от вас… Все, слава Создателю! Теперь я могу вздохнуть с облегчением.

Стиратель закончил печатать и откинулся в кресле. На его бледное лицо постепенно стал возвращаться румянец.

— Ну что, ты готов? — спросил он после короткой паузы.

— Да, — решительно отвечал Апрель.

— Так доставай фонарик.

Ангел открыл свою сумочку — и тихо ахнул.

— Ты чего это? — тут же забеспокоился чиновник.

— Она пуста. Фонарика… нет.

— Что? ЧТО-О-О?!!!

Стиратель, не поверив, даже поднялся со своего кресла, подошел к ангелу и самолично заглянул в его сумочку.

— Что за чудеса? Куда же он мог деваться?

— Не представляю себе, — растерянно отвечал Апрель. — Может, я его где-то потерял?

— Ну знаешь! — надул щеки чиновник. — Такого в моей практике еще не было. Многое бывало, но чтобы ангел оказался таким раззявой… Это надо же — потерять фонарик!

— И… что же мне теперь делать? — растерянно спросил ангел.

— Понятия не имею! — развел руками его собеседник.

Апрель молча опустился на ближайшее кресло. Некоторое время оба ангела — настоящий и бывший, — оторопело глядели друг на друга.

— Когда ты его видел последний раз? — строго спросил Стиратель.

— Не помню…

— Вспомни, это очень важно! Когда ты его доставал?

— Точно пользовался им вчера вечером, во время Настиного «бенефиса», — напряг память Апрель. — Возможно, ночью, когда мы с Настей гуляли по Москве, я его тоже доставал, чтобы ей показать… Или не доставал? Нет, вроде все-таки доставал.

— Хорошо, а потом? Утром, днем, этим вечером?

— Я им не пользовался.

— И не проверял, на месте ли он?

— Не проверял.

— Значит, ты мог потерять его где угодно. — Стиратель вынул из кармана пиджака большой носовой платок в серую с коричневым клетку и вытер вспотевший лоб. — Да, друг дорогой, и подвел же ты меня под монастырь… Неужели придется советоваться с начальством? Тогда надо продумать, что мне говорить им, а что нет… — рассуждал он вслух. — А вдруг?.. Ох! Неужели это *она* выкрала фонарик? Если да — то я погиб!..

— А я? — тихо спросил ангел.

— Ты еще здесь? — обернулся к нему чиновник.

— Да. Я же не знаю, как мне быть и что делать.

— Ну уж, во всяком случае, не торчать тут столбом посреди моего кабинета! — рявкнул

Стиратель. — Иди ищи свой фонарик, обойди все те места, где был накануне, посмотри внимательно! А как только найдешь — сразу пулей ко мне, понял?

* * *

Тем временем Настя, совершенно выбитая из колеи, вернулась в полный шума, ярких световых бликов и веселой суеты ресторан.

— Ну наконец-то. — Художник поднялся ей навстречу. — Я уже забеспокоился. Официант дважды спрашивал, подавать ли горячее. Да что с тобой? У тебя такой расстроенный вид! Глаза красные, припухшие… Ты что, плакала? Что-то случилось дома?

— Да, случилось. — Девушка ухватилась за это предположение, как утопающий за соломинку. — Заболела моя тетя… Ты извини меня, хорошо? Мне нужно будет сделать еще несколько звонков.

— Может, я могу тебе чем-то помочь? — участливо поинтересовался Иннокентий.

— Нет, спасибо… Просто подожди меня здесь, я скоро приду.

Добредя до туалетной комнаты, Настя умылась и начала приводить лицо в порядок, а мысль ее

между тем лихорадочно работала.

«Что мне делать, как быть? Даже посоветоваться не с кем! В такой ситуации ни один человек совета дать не сможет. Ни один человек… Если только ангел. Как жаль, что я не могу видеть ангелов! Хотя почему же не могу? Ведь у меня есть фонарик! Как здорово я придумала вытащить его у Апреля из сумки! Он же мне сам рассказывал, как важны для ангелов эти фонарики, без них они не могут подняться на Небо. И, значит, без фонарика мой хранитель никуда не денется с Земли…»

Хорошенько припудрив покрасневший нос, Настя решила: «Вот что я сделаю — включу фонарик, найду в его свете первого же попавшегося ангела и спрошу, где искать Апреля!»

Эта идея показалась ей настолько удачной, что она, даже не закончив макияж, торопливо сунула косметичку в сумочку и вынула фонарик.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Едва девушка сделала это, как в туалет тут же вошла элегантная женщина средних лет и направилась в кабинку. А ее хранительница, проявившаяся в серебристом луче и внешне напомнившая Насте ее классного руководителя — такая же сухощавая и с похожей прической, — с изумлением устави-

лась на нее:

— Дитя мое, что это? Откуда у вас эта вещь?

Торопливо, путаясь в мыслях, Настя кое-как объяснила ей, что ищет своего хранителя по имени Апрель, которому принадлежит этот фонарик. Но, увы, пожилая дама-ангел ничем не могла ей помочь. Она не была знакома с Апрелем, никогда о нем не слышала и понятия не имела, где его искать.

«Пойду в зал и поговорю с другими ангелами! — решила тогда девушка. — Там столько народу — наверняка найдется хоть один ангел, который знает Апреля. Правда, люди, увидев, как я шляюсь с этим фонариком и свечу им туда-сюда, примут меня за идиотку… И фиг с ними, наплевать, пускай думают что угодно!»

Впрочем, вопреки опасениям Насти, вид фонарика никого не шокировал. То ли гости были уже несколько навеселе, то ли этому способствовала праздничная обстановка и полутемное освещение — специально для танцев, — но горящий в ее руках фонарик никого особенно не удивил. Так, посмеивались, отпускали какие-то шуточки — но не более того. Зато сама Настя, вооруженная своим чудодейственным оружием, увидела много такого, что повергло ее в полное изумление.

То там, то здесь в свете фонарика появлялись фигуры. Оказывается, в зале было почти вдвое больше народу, чем это было видно невооруженным глазом, — ведь почти у каждого из гостей, охранников или служащих ресторана имелся свой хранитель. Моля Бога, чтобы сидящий спиной к залу Комов не увидел ее за этим занятием, Настя осторожно двигалась по ресторану, заглядывая в каждое проступавшее в свете серебряного луча лицо. К ее великому сожалению, ангелов здесь оказалось куда меньше, чем их конкурентов. И никто из них не знал Апреля.

Вскоре девушка уже научилась отличать ангелов от демонов. Светила прямо в лицо полупрозрачной фигуре, встречала недоуменный или рассерженный взгляд, убеждалась, что перед ней не тот, кого она ищет, и спешила дальше. Один раз она налетела на некое длинноволосое существо неопределенного пола, следовавшее за наглой журналисткой Илоной, — и существо, попав в луч света, вдруг зашипело, точно утюг, на который капнула вода.

«Господи Боже!» — Девушка торопливо перекрестилась и поспешила прочь из зала. Там не нашлось никого, кто мог бы ей помочь, — но оставались еще подсобные помещения.

Настя зашла на кухню, обегала другие служебные комнаты — бесполезно. Только недоуменные взгляды да ехидные комментарии. Отчаявшись, она бегала по каким-то лестницам и коридорам — и вдруг неожиданно чуть не столкнулась с Озорником. Да-да, тем самым приятелем Апреля, с серьгой в ухе и в рваных джинсах.

— Озорник! Ты-то мне и нужен! — метнулась к нему девушка.

Он удивленно вытаращился на нее.

— Настя? Откуда у тебя ангельский фонарик?

— Неважно! — Она попыталась взять его за рукав футболки и увести в сторону, но ее рука лишь скользнула по воздуху. — Мне очень нужно с тобой поговорить!

— Ну что же, раз нужно… Вообще-то, я спешу, меня срочно вызывают Наверх, но если у тебя что-то срочное, я готов задержаться на несколько минут.

— Где мой хранитель? Мой ангел Апрель? — выпалила она. — Мне необходимо его вернуть!

— Вот как? — Озорник хитро поглядел на нее. — А зачем он тебе? Надеешься, что он каждый день будет устраивать тебе «бенефисы» и заносить пачки денег? Так зря надеешься, этого не будет!

— Как тебе не стыдно! — От обиды она чуть

не расплакалась. — Как ты не можешь понять, ты же тоже ангел! Он мне дорог, понимаешь?! У меня никогда в жизни не было такого близкого человека, такой родной души, как он! И потом — я же сердцем чувствую, что с ним вот-вот случится что-то очень страшное, непоправимое…

Озорник пристально посмотрел ей в глаза («Точно рентгеном просветил!» — поежилась Настя) и сразу сделался серьезным.

— Да, я вижу, ты действительно говоришь правду, — произнес он. — Похоже, я недооценивал тебя… Не такая уж ты глупенькая пустышка, какой показалась мне сначала. Ты страдаешь, и страдаешь глубоко и искренне…

— Умоляю, скажи, что с ним! — требовала Настя.

— Ты действительно хочешь это знать?

— Да!

— Ну что же, тогда слушай… Твой хранитель произвел некий обмен. Такое иногда возможно у ангелов… Он отдал свою жизнь за исполнение твоего желания.

— Какого еще желания? — растерялась девушка.

— Ой, не прикидывайся, что не понимаешь! В обмен он получил те деньги, что лежат сейчас у

тебя в сумочке.

— Он поменял на эти деньги… свою жизнь? На сорок три тысячи?

— И с половиной…

— Какой ужас… — У Насти подкосились ноги, она сползла по стене и села прямо на пол.

— Ты же сама этого хотела.

— Да, но я же не знала!.. Не думала, что… такой ценой… Теперь он… умрет?

Озорник вздохнул, его лицо изменила гримаса боли.

— Вообще-то, у ангелов это называется *стирание*… Но по смыслу ты права. Да, он умрет.

Настя помолчала несколько минут, потом резко поднялась.

— И что теперь делать? Можно ли еще его спасти? Может, я верну деньги и…

Ангел покачал головой:

— Нет, так ты проблему не решишь… Уже поздно. Было время — я предлагал ему этот выход… Но теперь все гораздо сложнее.

— А где он? Где он сейчас? — почти закричала девушка.

— Если еще жив… Если еще тут, на Земле, то у Стирателя.

— Где это?

— Тут недалеко. В башне Исторического музея.

— Да, я вспомнила, Апрель говорил мне… И что, этот Стиратель *сотрет* его навсегда?

— Боюсь, что это уже произошло, — печально проговорил Озорник, показывая на часы у нее на руке.

— Нет! Только не это! — И прежде чем он успел еще что-то сказать, девушка выбежала прочь в поисках выхода.

Пробегая через темный коридор, Настя услышала вдруг чей-то тихий плач. Сначала ей не хотелось останавливаться, она боялась потерять хотя бы одну драгоценную секунду, но уже через мгновение ей вспомнились слова Апреля: «Слушай свое сердце!» Настя замедлила бег:

— Кто здесь?

В углу, скорчившись, сидела худенькая черноволосая девушка примерно ее возраста, в дешевеньких джинсах, линялой футболке и резиновых перчатках по локоть.

«Видимо, она моет в кухне посуду», — догадалась Настя. Подойдя к девушке, она осторожно тронула ее за руку.

— Ты чего? Что случилось?

— Ничего. — Та всхлипнула и отвернулась.

Настя присела рядом и обняла ее за плечи.

— Ну что такое? Скажи мне, не бойся. Вдруг я сумею тебе помочь…

— Да ничего, правда ничего… — Посудомойка попыталась вытереть лицо локтем, но у нее ничего не получилось, мешали перчатки. — Просто я посмотрела на этот праздник… На всю эту красоту… роскошь… наряды и украшения… и мне вдруг стало так жалко себя, так обидно, что у меня никогда этого не будет…

— Только-то? — рассмеялась Настя, как смеются взрослые над наивными словами детей. — Да разве же это горе?

— Да, вам легко говорить, — шмыгнула носом девушка. — У вас вон какое платье, и туфли, и часы… И сумочка… Сразу видно — вы богатая и счастливая, у вас много денег…

— Милая, если бы деньги делали человека счастливым, — вздохнула Настя.

— Ну да… Вы так говорите потому, что они у вас есть. А мне даже жить негде…

— Знаешь что? — Настя расстегнула свою сумочку и решительно вынула оставшиеся купюры. — Вот возьми. Это тебе. С Новым годом!

— Да что вы? — ахнула та.

— Бери, говорю, пока дают. Мне они все равно уже не нужны. Боюсь, никакие деньги уже не

смогут вернуть того, кого я сегодня потеряла…

— Вы шутите? Или вы сумасшедшая? — Глаза девушки округлились от удивления.

— Я не сумасшедшая, — горько усмехнулась Настя. — Я фея. А ты сегодня будешь Золушкой. Ну что же, прощай, Золушка, мне пора, скоро пробьет полночь.

И, быстро поднявшись на ноги, Настя продолжила свой путь к выходу.

* * *

Номерок от гардероба, где висела ее шубка, остался у художника. Настя не стала обращаться к нему, лишь подумала с минуту и, как была в легком платье, выскочила на мороз и побежала в туфельках по снегу. На улице было полно народу. Движение машин было перекрыто, и сотни, а может быть, и тысячи гуляющих под праздничные фейерверки и музыку, звучавшую с огромных рекламных экранов, веселились в ожидании момента, когда куранты на Красной площади пробьют полночь. С трудом пробираясь сквозь толпу, девушка пересекла Манежную площадь, не обращая внимания на крики и подначивания гуляк, то и дело обращавшихся к хорошенькой девушке, выскочившей на мороз в одном вечернем

платье. Впрочем, как ни странно, но холодно ей не было. Беспокоило только одно: вход в здание Исторического музея наверняка закрыт — как же она туда попадет?

Но, к ее величайшему удивлению, тяжелая дверь подалась. И ни при входе, ни внутри самого здания Настю никто не остановил. Она беспрепятственно поднялась наверх, в правую башню, миновала пустую приемную, на одном дыхании взлетела по лестнице и подошла к заветной двери с табличкой «Директор». Сама не зная зачем, посветила на нее фонариком и увидела, как надпись на глазах преобразилась.

«Стиратель», — прочитала Настя в свете луча и толкнула дверь.

За резным старинным столом сидел лысоватый пожилой человек и раскладывал на компьютере пасьянс.

— Вы Стиратель? — спросила девушка, хотя сразу узнала в нем того, кого видела во сне. Только костюм другой.

— Я Стиратель, — кивнул он и в свою очередь поинтересовался: — А вы, очевидно, Настя?

Она не стала отвечать, подошла прямо к столу и встала напротив чиновника.

— Где мой ангел-хранитель? — крикнула она. —

Что вы с ним сделали? Он еще жив?

— Жив, — спокойно отвечал человек в кресле, не отрываясь от пасьянса. — И относительно благополучен. Бегает, ищет тот самый фонарик, который сейчас у вас в руках. Надеюсь, вы мне его отдадите? Я имею в виду фонарик.

— Ни за что! — Настя сжала вещицу обеими руками. — Я вам его не отдам! Ни фонарик, ни Апреля!

— Я так и думал… Ну что же, тогда садитесь, поговорим. — Стиратель кивнул на удобное кресло прямо напротив. — Хотите, сыграем вместе, пока ждем Апреля.

— Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию же минуту вернули моего хранителя!

Она говорила очень громко и взволнованно, собеседник же отвечал тихо и на удивление спокойно:

— Не думаю, что я в состоянии это сделать. В настоящий момент его вопрос решается *Наверху*. Что-то долго решается… Впрочем, это можно понять. Очень уж ситуация… нестандартная. Потерянный фонарик… А теперь еще и вы. К тому, что ангелы-хранители приходят просить за свои подшефные души, мы уже привыкли. Но вот чтобы наоборот… Это что-то новенькое. Вы что

же, полюбили его? Впрочем, можете не отвечать, это и так понятно…

Казалось, он рассуждал сам с собой, точно девушки и не было в комнате.

— Конечно, когда ангел-хранитель любит свою подшефную душу, как никакому земному существу не дано любить своего возлюбленного или возлюбленную, это нормально. Так и должно быть. Но тут речь идет уже о совсем другой любви…

— Что вы такое говорите! — машинально возмутилась Настя, а про себя подумала: «А ведь он прав!.. Я ведь и правда люблю Апреля! Не Иннокентия — а Апреля!»

— Знаете, — вдруг доверительно заговорил чиновник, поворачиваясь к ней. — Видимо, когда там, *Наверху,* создавали этот мир, то думали, что ангелы будут влиять на людей, делать их лучше и чище. А получилось все наоборот. Люди стали влиять на ангелов. И ангелы стали больше похожи на людей, чем сами люди. И вот что я вам скажу — не всегда это плохо. Люди ведь в конечном счете более могущественны, чем ангелы. У них больше свободы и больше возможностей.

Девушка не выдержала.

— Знаете, я пришла сюда не для того, чтобы слу-

шать, как вы тут философствуете! — возмутилась она. — Вы сказали, что мой хранитель еще жив, что он здесь, на Земле. Это так?

— Пока да, — невозмутимо ответил чиновник. — Пока его вопрос еще не решен. Но его могут отозвать на Небо с минуты на минуту. Или сразу *стереть*.

Настя вскочила:

— И вы так спокойно об этом говорите? Как вам не стыдно! В вас же нет ничего… человеческого!

— А это вы зря, — поморщился Стиратель. — Я, может быть, не совсем обыкновенный, но тоже человек. Когда-то и я был ангелом, но обстоятельства сложились так, что… Впрочем, как я понимаю, у вас сейчас нет ни времени, ни желания торчать здесь и слушать мои россказни. И правильно. Лучше идите к своему любимому и побудьте с ним, пока *Наверху* решается его судьба.

— Блин, да я только этого и хочу! Но вы все никак мне не говорите, где он!..

Чиновник удивленно посмотрел на нее из-под очков.

— Милая девушка, разве вы еще не поняли, что назначение ангела в том, чтобы быть все время рядом с человеком, которого он охраняет? В эту

самую минуту он как раз ищет вас. Вернитесь на то место, где вы виделись в последний раз, и вы наверняка его там найдете.

И добавил вслед уже исчезающей в дверях Насте:

— А фонарик все-таки спрячьте… От греха подальше.

* * *

Конечно, Настя даже не догадывалась о том, что стоило ей уйти, как в кабинете Стирателя тотчас появилась другая женщина. Она подошла к сидевшему за столом чиновнику и с неожиданной нежностью погладила его по лысой голове.

— Ты молодец, — с чувством проговорила Секретарь. — Ты начал все правильно. Продолжай в том же духе.

Бывший ангел посмотрел на нее снизу вверх и вдруг произнес почти жалобно:

— Ты так думаешь? А я вот, признаюсь, совсем не уверен, что поступаю так, как нужно… Может быть, зря я тебя послушался? Вдруг *Наверху* все-таки узнают о моем проступке, ну об этих деньгах, которые я дал Апрелю…

— Ну и что? — отвечала женщина.

— Как — ну и что? — изумился Стиратель. — Я

же тогда вылечу с должности за злостное нарушение Правил!

— Ну и что? — снова повторила она.

— Как же ты не понимаешь? — Он начал закипать. — Ведь меня ни за что не пустят обратно на Небо! И что тогда?

— Ты останешься на Земле, — отвечала она спокойно. — Здесь, со мной.

— Но что я тут буду делать? Люди не примут меня! Я, бывший ангел, не смогу жить с ними, как человек!

— Почему же не примут? Ведь я тебя приняла и полюбила. А насчет должности ты не беспокойся — на Земле масса бюрократической работы, похожей на твою… Не сомневаюсь, ты найдешь здесь свое место.

Ласково произнеся это, она кинула взгляд на большие старинные часы, которые поддерживали бронзовые грации, и тихо подтолкнула Стирателя в спину:

— Нам пора! Зови всех. Полночь приближается!..

Глава 13, в которой вся история заканчивается самым неожиданным образом

До полуночи оставалось менее получаса, когда в ресторан вошли последние припозднившиеся гости — элегантная пара явно уже не первой молодости. И хотя зал был переполнен, для них каким-то удивительным, чтобы не сказать — чудесным образом нашелся удобный столик на двоих. Оставив в гардеробе верхнюю одежду, гости чинно прошествовали на отведенное им место.

— Волнуешься? — негромко спросила Секретарь и сжала локоть Стирателя.

— И не с такими задачами справлялись! — отвечал тот.

— А я, честно сказать, за тебя волнуюсь, — призналась она.

— Ты мне не доверяешь? — нахмурился он.

— Что ты, что ты! — заверила Секретарь. — В тебе я нисколько не сомневаюсь. Но эти Темные силы настолько коварны!.. Я боюсь, что эта твоя

бывшая что-то задумала и в последний момент все-таки отнимет тебя у меня. Я этого не переживу!

— Перестань! — проговорил Стиратель. — Уж поверь, что теперь никто меня у тебя не отнимет… — Он галантно поцеловал ее руку. — У нас все готово?

— Да, все происходит по плану. Наши все предупреждены… А вон, смотри, идет эта девочка. — Секретарь показала на Настю, которая вошла в зал почти следом за ними и теперь рассеянно оглядывалась по сторонам, будто кого-то искала. — Бедная, расстроена-то как…

— Настя, я здесь, на месте, разве ты меня не видишь? — окликнул ее Иннокентий. — Ну можно ли пропадать так надолго? Я уже места себе не нахожу от волнения. Как ты? Все ли в порядке?..

— Нет, — отвечала девушка, машинально садясь за столик. — То есть да. Почти…

— Я только одного не могу понять, — говорил тем временем Стиратель своей спутнице. — Почему ты вдруг так резко переменилась ко мне? Ты же не обращала на меня никакого внимания, относилась лишь как к начальнику, не больше?

— Это *я* не обращала внимания? — возмутилась Секретарь. — *Я* относилась только как к

начальнику? Извини, это *ты* не обращал на меня внимания и видел во мне только подчиненную! Ну а я… Не буду же я гоняться за мужчиной? В моем-то возрасте? Даже за таким симпатичным, как ты…

— Ну что ты такое говоришь! — отвечал Стиратель. — Что у тебя за возраст!.. Особенно по сравнению с моим…

Тем временем совсем рядом с ними совсем другая пара вела разговор.

— Настя, полночь приближается, — настойчиво проговорил Иннокентий, крепко взяв девушку за руку. — Ты обещала мне подписать документ до того, как часы пробьют двенадцать, а времени осталось совсем мало. Идем скорее!

— Подожди. — Она попыталась высвободить руку, но он держал ее очень крепко. — Не сейчас, давай попозже…

— Откладывать уже нельзя. — В голосе художника появился металл.

Девушка взглянула в его глаза, и ей вдруг стало страшно. Во взгляде Комова больше не было ни тепла, ни нежности. Они стали холодными и абсолютно пустыми. Настя точно глядела в бездну, и эта бездна неудержимо засасывала ее. Такое чувство испытывает человек, который стоит на

огромной высоте и смотрит вниз — ему вдруг начинает казаться, что некая неодолимая сила влечет его туда, заставляя прыгнуть…

«И что это я уперлась? — закрутилось в ее голове. — Я ведь действительно обещала ему… Обещания надо выполнять. Что такого случится, если мы на минутку поднимемся в номер, быстро подпишем бумагу и тотчас вернемся обратно? Как раз к бою курантов поспеем!»

Она уже хотела послушаться собственных мыслей, но тут очень явственно, так, точно Апрель был рядом, словно прозвучали его слова: «Слушай свое сердце!»

Настя встрепенулась и опять попыталась высвободить руку:

— Я не хочу сейчас… Пусти! Ну, пусти же, мне больно!

Девушка оглянулась в поисках помощи — и эта помощь неожиданно пришла.

— Друзья мои! — звонко и весело сказала в микрофон Снегурочка. — Старый год уходит от нас с каждой минутой. Давайте же оставим в нем все наши печали и обиды! Улыбнитесь друг другу и пригласите на последний в уходящем году танец того или ту, кто вам дорог!

Зазвучала медленная музыка.

— Пора, — шепнула Секретарь и легонько подтолкнула Стирателя.

— Сам знаю, — тоже вполголоса отвечал бывший ангел и направился в сторону столика, за которым сидели Настя, Комов и Дама. Секретарь украдкой перекрестила его вслед.

— Пойдем потанцуем! — с очаровательной улыбкой обратилась Настя к художнику. — Нельзя же отказываться от такого приглашения!

— Что? — Он снова посмотрел куда-то в сторону и потом нехотя проговорил: — Ну, хорошо, только один танец.

Они поднялись и направились в сторону танцпола, но столик их не опустел — за ним оставалась Дама. Именно к ней и подошел бывший ангел. Она увидела его, но даже не повернула головы.

— Ну здравствуй, что ли, еще раз… — пробормотал Стиратель.

— А-а… Пришел все-таки… — торжествующе улыбнулась Дама, делая вид, что только сейчас его заметила. — Ну? И что ты хочешь сказать?

— Да хочу пригласить тебя танцевать. Давай тряхнем стариной!..

Она удивленно поглядела на него.

— Что ты задумал?

— Да ничего, — обезоруживающе улыбнулся

бывший ангел Ираэль. — Просто решил вспомнить молодость. Или ты забыла, как мы с тобой отплясывали в добрые старые времена?

— Ну ладно, — согласилась Дама, поднимаясь со своего места. — Но учти, если это какая-то уловка с твоей стороны… Тебе не поздоровится!

— Да что ты все время меня в чем-то подозреваешь? — Взгляд Стирателя был чист и бесхитростен, как у невинного младенца. — Пойдем танцевать, а заодно и поговорим. Нам ведь есть что обсудить…

Танцевала эта пара действительно великолепно — жаль, что далеко не все присутствующие могли насладиться этим зрелищем. Они начали от стены, но потом, выделывая сложные па, постепенно стали продвигаться вперед, в центр зала.

— А ты, я вижу, и правда не разучился танцевать! — похохатывала Дама. — Интересно, с кем ты тренировался все эти годы?

— Второй такой партнерши, как ты, не найти нигде, — отвечал Стиратель, сделав незаметный жест за ее спиной.

— Не прошло и ста лет, как ты это понял… Постой! Что это?

Танцующую пару внезапно окружили ангелы. Их было много, очень много — десятки, сотни,

а может, и тысячи. Кто-то уже находился в зале, остальные появлялись, как из-под земли, слетались, проникая сквозь двери окна и стены, и для тех, кто мог это слышать, зал наполнился шорохом их крыльев, настолько громким, что он заглушил льющуюся из динамиков музыку.

Дьяволица громко выругалась, но было уже поздно. Ангелы окружили их плотным кольцом и по знаку Секретаря одновременно вынули из сумочек свои фонарики. Яркие серебристые лучи со всех сторон указывали на ту, которая когда-то была одной из них.

— Ах ты!.. — закричала было она, но голос ее перешел в шипение.

В этот миг все гости ресторана увидели странную картину. Посреди танца в центре зала вдруг вспыхнул ослепительный серебристый свет, и в его лучах возникла невесть откуда взявшаяся пара — очень стильно и респектабельно выглядевшие мужчина и женщина. В свете фонариков бывший ангел Ираэль приобрел свой прежний облик, и теперь ни полноты, ни лысины не было и в помине. Ничто не мешало ему двигаться, и танцевали они великолепно. И вдруг пара внезапно остановилась, дама в черно-алом одеянии закричала — и исчезла. Затем серебристый свет

потух — не стало видно и кавалера. А на полу, в том месте, где это происходило, остался лежать кроваво-красный палантин.

Потрясенные увиденным, гости громко зааплодировали.

— Йоу, круто! Прикольная голограмма! — сказал Денис Буряк, обращаясь к хозяину ресторана.

— Вы не говорили, что будут спецэффекты! — вторила ему настырная журналистка Илона.

Хозяин, сам донельзя удивленный, только наклонил голову — мол, знай наших — и показал большой палец двум молодым парням, отвечающим на празднике за освещение.

— Слушай, что это было? — спросил один из них у другого.

— Так, один из сюрпризов, наверное, — отвечал тот. — А нас забыли предупредить… Слушай, а ты заметил, что тетка, перед тем как исчезнуть, превратилась в скелет?

— Не, проглядел, жалко… Ладно, давай-ка лучше свет врубать — вот-вот полночь пробьет.

Стиратель, к которому вернулся его привычный облик, прошествовал к своему столику. По дороге никто не обращал на него внимания, но Секретарь тотчас кинулась ему на шею.

— Ты был на высоте! Все прошло отлично. Ты

молодец! Мы теперь спасены.

— Я в этом не уверен, — отвечал он, кашлянув. — Чем больше я об этом обо всем думаю, тем большие сомнения меня гложут… Нам же строжайше запрещено Правилами уничтожать конкурентов — разве что в порядке самообороны. Теперь из-за подобного прецедента может начаться война между Светом и Тьмой! Как я об этом не подумал?!

— Так это и была в какой-то мере самооборона! — горячо заверила Секретарь. — Она же первая начала.

— А все ты… — бормотал чиновник. — Научилась, понимаешь, у этих мальчишек, у Апреля с Озорником, и меня сбила с пути истинного…

— Да ты не волнуйся! — убеждала его спутница. — Не начнется никакой войны. Это ведь ваше внутреннее дело! Не забывай, что она тоже когда-то была ангелом. Так что получается — ты просто сделал работу за предшественника. Устранил, можно сказать, его погрешности. Ведь, по-хорошему, он должен был ее *стереть* еще сто лет назад. Так и скажешь начальству в случае чего…

— Ох, не знаю… — никак не мог успокоиться чиновник. — И как еще эти наши фокусы воспримут там, *Наверху?*!

* * *

Ничего этого Настя, конечно, слышать не могла. Она не узнала Стирателя, не поняла, кто была та Дама, которая танцевала с ним, и куда она вдруг делась. Впрочем, долго размышлять на эту тему девушка не стала, у нее хватало своих забот. Апрель все не появлялся, а тут еще и Комов повел себя как-то очень странно.

Едва только появились ангелы с фонариками, художник вдруг пробормотал, что ему нехорошо, и, не закончив танца, вернулся за столик. Не сел, а буквально упал на стул, уронил голову на руки и сидел так несколько минут. Настя даже забеспокоилась:

— Иннокентий, что с тобой? Тебе плохо? Может, вызвать врача?

— А? Что? — Комов поглядел на нее мутным взором человека, которого внезапно разбудили посреди глубокого сна. — Ах да, Настя…

— Что случилось? — затормошила она его. — Что с тобой?

— Я сам не знаю… Не могу понять. Голова гудит, кружится, ноги подкашиваются… Как будто я… Даже не знаю, с чем сравнить… Как в невесомости…

— Послушай, я скажу официанту, чтобы вызвали «неотложку»! — решила девушка.

— Нет. Не нужно. — Он погладил ее по руке, но в этом движении больше не было ни грамма той сексуальной энергетики, от которой раньше ее сразу бросало в дрожь. Просто дружеское прикосновение, благодарность за беспокойство.

— Я лучше поеду домой, — сказал Иннокентий, помолчав.

— На Арбат? — уточнила Настя.

Художник покачал головой:

— Нет, не на Арбат. И не на Рублевку. И не в Испанию. Знаешь, я вдруг понял, что хочу увидеть бабушкин дом — тот, о котором я тебе говорил, помнишь? Тот, что на моих ранних картинах. У пруда с ивой…

— Послушай, ты уверен… что с тобой все в порядке?

— Да, теперь я точно это знаю. — Он поднялся на ноги и улыбнулся какой-то несвойственной ему ранее светлой улыбкой. — И еще одно. Я должен извиниться перед тобой, Настя. Огромное спасибо тебе за сегодняшний вечер, но… будет лучше, если мы больше не станем с тобой встречаться. Останемся просто хорошими друзьями. Ты чудесная юная девушка и обязательно встре-

тишь того, кто больше будет тебе подходить — и по возрасту, и по душевным качествам... А я... я не тот человек. Не обижайся на меня, ладно? Если хочешь, могу сейчас проводить тебя домой. А не хочешь — оставайся здесь до конца праздника, а утром позвони Альберту. В твоем телефоне есть его номер. Он отвезет тебя, куда ты скажешь.

— Я сейчас верну тебе твой телефон! — Настя полезла в сумочку.

Комов остановил ее, удержав за руку.

— Ты что? Хочешь меня обидеть? И не думай даже! Все, что я тебе подарил, принадлежит тебе, и только тебе. Правду говорит восточная пословица: я получил взамен много больше. Прощай, и спасибо тебе за все.

Он поцеловал девушку в щеку и удалился — высокий, статный, красивый и элегантный, провожаемый восхищенными взглядами многих женщин.

Настя тоже поглядела ему вслед и не поверила своим глазам. В дверях, растерянно озираясь, стоял Апрель. Они с Комовым разминулись буквально на несколько секунд. Тут же напрочь забыв о художнике, девушка со всех ног бросилась к Апрелю.

— Ты вернулся?!

— Увы, ненадолго, — отвечал ее хранитель. — Это просто временная отсрочка. Я потерял одну важную вещь и искал ее повсюду, где только был сегодня, но так и не нашел… Мой фонарик. Ты, случайно, не знаешь, где он может быть?

— Понятия не имею! — замотала головой девушка, нащупывая свою сумочку и на всякий случай пряча ее подальше за спину.

Ангел подозрительно взглянул на нее, но она тотчас указала ему на большой светящийся экран, висевший на стене над наряженной елкой. Там как раз закончилось выступление президента на фоне Кремля, поздравлявшего россиян с Новым годом.

— Смотри, по телевизору уже показывают часы на Спасской башне! Через несколько мгновений наступит Новый год.

Ангел побледнел.

— В полночь истекает мой срок… Меня не станет… Настя, пока я не исчез, я должен поговорить с тобой и сказать тебе нечто важ… Ой, прости. Опять эта дурацкие слова… В общем… Не знаю, как выразиться… Вообще-то, я не имею права этого говорить, но… Настя, я люблю тебя!..

— И я тебя люблю, Апрель! — Девушка всем телом прижалась к нему. — Я это давным-давно

поняла, уже почти целый час назад! Не уходи, пожалуйста! Не покидай меня!

— Извини, это не в моих силах… — отвечал ангел. — Держи меня за руку. Когда я исчезну, пусть с тобой останется тепло моей руки. Навсегда…

Большая стрелка часов чуть вздрогнула и переместилась еще на одно деление. Прозвучал мелодичный перезвон. Снегурочка что-то крикнула, и в шумном зале вдруг наступила тишина.

«Бом! Бом! Бом!» — били куранты.

Сжимая ладонь своего возлюбленного и не отрывая от него взгляда, девушка мысленно считала удары часов. Три, четыре, пять… Только бы это мгновение продлилось подольше, только бы он не исчезал… Восемь, девять, десять… Ну почему же, почему так быстро?! Одиннадцать, двенадцать. Все… Конец.

Вокруг все разом зашумели, задвигали стульями, зазвенели бокалами, заорали: «Ура! С Новым годом! С новым счастьем!» А девушка и ангел продолжали смотреть друг на друга.

— Ты еще здесь, со мной, — говорил ее взгляд.

— Да, — мысленно отвечал он, и она понимала его без слов. — Я сам не могу объяснить, что происходит и почему я еще здесь…

К ним подошел официант и легонько дотронул-

ся до плеча Апреля.

— Извините, молодой человек, что я вас прерываю, но у нас не принято находиться в верхней одежде. Будьте любезны, отдайте мне свое пальто, я сейчас принесу вам номерок.

Апрель не сразу его понял, а Настя изумленно вытаращила глаза:

— Вы что?! Его видите?!

— Ну конечно же! — растерялся официант. — Разумеется, вижу. Мы, в отличие от гостей, праздник не отмечаем…

Она не успела ответить. К ним, смеясь, подбежала Снегурочка, схватила Настю и Апреля за руки и потащила на танцпол.

— Хватит любоваться друг на друга! — объявила она. — Успеете еще наглядеться, когда праздник закончится. А сейчас самое время веселиться! Все в хоровод!

* * *

Когда Настя и тот, кто еще совсем недавно был ангелом Апрелем, покидали ресторан, за окнами уже светало. Праздник закончился. Цветные огни в зале потухли, измученные официанты торопливо убирали посуду и возвращали на место сдвинутые в разгар веселья столы и стулья.

Весь пол был усеян конфетти, серпантином и обрывками мишуры, нарядная елка вдруг стала казаться блеклой и потускневшей. Охрипший Дед Мороз и Снегурочка со смазавшимся на лице макияжем провожали усталых и порядком захмелевших гостей.

— Знаешь, я вот все думаю… — тихо говорила девушка, сжимая ладонь своего возлюбленного. — Я ведь вела себя просто ужасно! Была такой капризной, черствой, эгоистичной… И глупой. Ничегошеньки не понимала!.. Как же ты смог полюбить меня — такую?

Ее сопровождающий только улыбался:

— Не забывай, я ведь был твоим ангелом-хранителем. И кому, как не мне, было знать, какая ты на самом деле?

В гардеробе Настя, словно что-то вспомнив, раскрыла свою сумочку, вынула из нее какой-то небольшой предмет и с улыбкой показала своему спутнику. Это был маленький серебристый фонарик, который теперь уже не горел и выглядел просто изящной декоративной безделушкой.

— Так вот он где! — ахнул бывший ангел, забирая вещицу у нее из рук. — Значит, ты…

Он не договорил, замолкнув на полуслове. Настя кивнула и уткнулась лицом в его плечо.

— Какой симпатичный сувенир! — заметила проходившая мимо журналистка Илона. — Я видела такой в ЦУМе, на первом этаже, но сдуру не купила, а теперь так жалею…

И щелкнула на прощание фотоаппаратом, запечатлев разглядывающую фонарик парочку.

— Ну вот, теперь тебя можно фотографировать! — счастливо рассмеялась Настя, вытряхивая из длинных волос любимого яркий кружок конфетти.

Молодые люди оделись и, взявшись за руки, направились к выходу.

— До свидания! — вежливо распрощался с ними служащий ресторана. — Надеюсь, вам у нас понравилось?

— Очень! — хором ответили Настя и бывший ангел и, переглянувшись, снова засмеялись. — Это была самая классная новогодняя ночь!

— А ведь это и правда был лучший Новый год в моей жизни, — заметила Настя, когда они вышли из ресторана. — Чудесный, как в сказке!

— Знаешь, — отвечал ей со счастливой улыбкой Апрель. — По-моему, сказка для нас с тобой еще только начинается.

— Ну нет, — покачала головой девушка. — Сказка кончилась, и теперь начинается жизнь. Лично

я просто понятия не имею, что нам теперь делать. У нас с тобой нет ничего — ни денег, ни дома, ни прописки… Да что там прописки, у тебя и паспорта-то нет! И даже имени!..

— И пусть! У нас есть самое главное — любовь! Мы вместе, и мы рядом — что еще нужно?

— Так-то оно так, но…

— Эй, погодите минутку! — раздался вдруг у них за спиной веселый голос. — По-моему, вы что-то забыли… То есть кого-то. В смысле — меня.

— Озорник, дружище! — ахнул Апрель. — Ты снова здесь!

— Ну а где ж мне быть, — отвечал тот с напускной серьезностью. — Только я теперь никакой не дружище, а хранитель новой души, некоего молодого человека по имени Алексей Сергеевич.

— Поздравляю! — снова в один голос проговорили влюбленные.

— Да поздравлять-то особенно не с чем, — хмурился Озорник. — Подопечный мне достался непростой. Биография у него странная… А еще он упертый как ишак, моралист и жуткий зануда. Да я вам сейчас его покажу, сами увидите!

Он опустил руку в карман джинсов, вытащил оттуда новенький паспорт и раскрыл его на странице с фотографией. Настя громко ахнула. Со

снимка на нее смотрело лицо ее возлюбленного.

«Апрель Алексей Сергеевич», — прочитала она, не веря своим глазам.

— Фамилию тебе решили оставить прежнюю, — пояснил Озорник. — Во избежание путаницы. А мне, как вы уже, наверное, поняли, поручили охранять твою душу.

— Какую же душу? — недоуменно пробормотал Апрель. — У ангелов нет души!

Озорник воровато оглянулся по сторонам и прошептал:

— Вообще-то, это страшная тайна… Мне не разрешили тебе это рассказывать. По правде сказать, мне и присутствовать-то на том заседании, где об этом говорилось, не разрешили, но я подслушивал… В общем, так. — Он еще раз оглянулся. — Оказывается, душа-то у тебя всегда была… Никто не знает, как так могло получиться. На Земле сказали бы — мутация. Наверное, и впрямь люди и ангелы так долго существуют вместе, что стали очень похожи друг на друга…

— А я-то голову ломаю, почему я тебя вижу, — засмеялась Настя.

— А в этом нет никакой твоей заслуги! — тут же парировал Озорник. — Это я сам так устроил. Ты скоро перестанешь меня видеть.

— А я? — с некоторым беспокойством спросил Апрель.

— Может, и ты перестанешь — как только нагрешишь. Так что забирай скорее свои документы, пока этого не случилось, а то мало ли чего от вас, людей, ожидать, как говорит наш друг Стиратель!

Все трое радостно засмеялись.

— А хороший он придумал выход из положения, — заметил Апрель. — Признаться, я не ожидал от него такого шага…

— Ха! — воскликнул Озорник. — Можно подумать, это он придумал!

— Только не говори, что это ты, — улыбалась Настя.

— А кто же? — начал было Озорник, но стушевался. — Ладно, буду откровенен. Не все придумал я. Я догадался только пойти к Секретарю, отправился к ней сразу от художника, помнишь, Апрель? А с фонариками и устранением Дамы — это ее идея. Правда, мы же ей ее подсказали, твоим, Настя, «бенефисом». Так что моих заслуг умалять не надо. Помнишь, Настя, как ты бегала к Стирателю в одном платьице и туфельках по снегу? Это ведь я не дал тебе замерзнуть, я же и дверь в музей открыл. Можешь, кстати, сказать

мне спасибо!

— Спасибо! — хором поблагодарили его Апрель и Настя. И снова все засмеялись.

— А Настя? Что теперь будет с ней? Ей дадут другого хранителя? — спросил Апрель.

— Ну конечно, — заверил Озорник. — Твой сменщик прибудет с минуты на минуту. Точнее, сменщица. Это девушка, премилая, и сдается мне, что мы с ней подружимся. — Он довольно улыбнулся.

— Значит, все отлично устроилось, — констатировал Апрель.

А Настя спросила:

— Но что же, интересно, что теперь будет со Стирателем и Секретарем? Мне очень хотелось бы это знать…

— Так за чем дело стало? — отвечал Озорник. — Пойдем заглянем к ним, благо недалеко!

Эпилог

Круглый кабинет в башне, на самом верху Исторического музея, был, как обычно, ярко освещен, и на золотистых шарах, украшавших стоящую в простенке между окнами елку, играли веселые блики.

За резным старинным столом, в удобном глубоком кресле, сидел пожилой человек в элегантном черном костюме, с густыми и длинными седыми волосами и говорил, задумчиво глядя на стоящие перед ним фотографии в стильных рамках. Снимков было много. Первый из них запечатлел счастливую пару в свадебных нарядах; на другом у той же молодой женщины на руках уже улыбался краснощекий карапуз с таким же, как у мамы, вздернутым носом; на третьем детишек было уже двое; на четвертом нарядная юная девушка, в которой с трудом, но узнавался тот курносый румяный младенец, гордо демонстрировала фотографу школьную золотую медаль…

— Вот такая вышла со мной история, — закончил свой рассказ человек за столом. — И тоже под Новый год.

Его собеседница, пухленькая женщина-ангел с ямочками на щеках, некоторое время молчала, обдумывая его слова.

— Наверное, я не буду спешить, — заключила она наконец. — Вы правы, никогда не надо терять надежду. Я продолжу поиски своего подопечного и буду искать его до тех пор, пока не найду. Так, как вы когда-то нашли свою Настю. Спасибо вам за помощь. Всего хорошего.

Она поднялась с места, обойдя стол, пожала на прощание руку человеку в кресле и, уже дойдя до двери, вдруг обернулась:

— Скажите, а что же стало со Стирателем?

— Ничего, — отвечал человек за столом. — Он женился, его простили, и он так и остался на своем месте. Только теперь у него гораздо меньше работы.

— Это очень хорошо! — обрадовалась женщина-ангел.

И ушла, прикрыв за собой дверь с табличкой «Консультант».

Она спустилась по лестнице в приемную, и новая Секретарь, увидев, что шеф освободился, тут же пригласила следующего посетителя. Как и много лет назад, в приемной было полным-полно ангелов, но теперь они стояли не в одной, а в двух

очередях. У лестницы в левую башню, ведущей в кабинет Консультанта, был настоящий ажиотаж, правая же башня, где располагался Стиратель, популярностью явно не пользовалась, туда заглядывало лишь несколько ангелов в день.

Проводив взглядом посетительницу, хозяин кабинета в левой башне вздохнул.

— Да, славное это было время…

— И не говори! — поддержал его голос, раздавшийся со стоящего у окна дивана. Постаревший, но все еще очень энергичный мужчина с пышной шевелюрой, маленькой серьгой в ухе и совсем молодыми озорными искорками в глазах сидел, закинув нога на ногу и удобно облокотившись на спинку. — Кстати, друг, тебе не кажется, что с нами давненько не происходило ничего интересного?

— Возможно, это случится именно сегодня? — улыбнулся человек за столом. — В канун Нового года?

— Тогда чего же мы ждем? Заканчивай скорее со своими посетителями — и вперед! Праздник скоро начнется. Да и дамы наши уже заждались. У меня предчувствие, что сегодняшняя ночь действительно будет необычной. Кто знает, может быть, столь же необыкновенной, как тогда?